

*Снять маски
Путешествие в Аэдор*

Moon li

Moon li

Снять маски Путешествие в Аэдор

«Автор»

2026

li M.

Снять маски Путешествие в Аэдор / М. li — «Автор», 2026

Приглашение от старой знакомой погружает некромантку в водоворот интриг и тайн княжеского двора. Княгиня приглашает её стать зрителем торжественных поединков и последующего бракосочетания наследника Аэдора. Но вскоре мирные торжества превращаются в смертельно опасную игру: жених внезапно подвергается отравлению, рискуя вновь развязать кровопролитную вражду между недавно помирившимися владениями. Чтобы избежать войны и спасти положение, девушка должна раскрыть хитроумный замысел злоумышленников, выяснить правду и наказать виновных. Её верный спутник в этом нелегком деле — загадочный черный кот.

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Как завести друзей	9
Глава 2 Без права на новый рассвет	19
Глава 3 Дорогой фальшивомонетчик	36
Глава 4 Правила отбора	43
Глава 5 Охота на принцессу	61
Глава 6 Дыхание перемен: когда рыцари бьются, а коты правят	76
Глава 7 Короли нуждаются в советах	92
Глава 8 Сад ядовитых цветов	110
Глава 9 Игра без правил	122
Глава 10 Победители или побежденные	134
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Moon Іі

Снять маски Путешествие в Аэдор

Пролог

Эскорт медленно полз по разбитому тракту. Усталые и злые рыцари перешёптывались так тихо, что их слова не долетали до окон экипажа. Внутри кареты ехала не менее раздражённая принцесса.

— Ну сколько можно? Долго ещё? — в который раз капризно протянули из окна.

Мужчины тихо выдохнули, проклиная день, когда согласились стать телохранителями королевской семьи.

— Скоро будем на месте, Ваше Высочество, — спокойно произнес статный мужчина.

Он окинул предостерегающим взглядом первую тройку рыцарей.

Брюнет оказался их капитаном, которому по ужасному недоразумению выпала честь командовать этим походом.

— «Скоро» — понятие растяжимое, капитан. Для улитки «скоро» — это следующий год. Для меня — это прямо сейчас. Я чувствую, как моя красота увядает в этой тряске.

Капитан сжал зубы так, что на скулах заходили желваки.

— Приношу извинения за неудобства, Ваше Высочество. Тракт не королевский.

— Ах, так это дорога виновата? А я-то думала, виноват тот слепой старик на козлах, которого вы приставили ко мне.

— Ваше Высочество, прошу вас, вы же принцесса, вы не можете... — послышался голос гувернантки, вызвавшейся сопровождать юную леди на вражескую территорию.

— Довольно! — резко перебила женщину Амира. — Я больше ни секунды не стану слушать ваше ханжество.

— Помилуйте, Ваша Светлость, но я...

— Хватит, — холодно и резко ответила девушка, после чего послышался скрип двери кареты.

Кучер резко натянул поводья. Карету мотнуло. Принцесса, уже занёсшая ногу для прыжка, кубарем вывалилась из неё прямо в дорожную грязь.

— Ааааа! Мои волосы! Мои волосы в грязи! Я похожа на крестьянку! На болотную кики-мору! Кто-нибудь, спасите мою причёску! — прозвучало громкое сопрано.

Капитан прикрыл глаза ладонью на секунду дольше, чем позволял этикет. Подбежал к принцессе. И одним резким движением поднял ту на ноги. Бегло осмотрел девушку и, сузив глаза, вперился в возникшего.

Старик сидел бледнее смерти, готовый принять уготованную ему участь.

Все в округ смолкло: даже мерный стук копыт и тихие перешёптывания рыцарей. Воздух сгустился от напряжения. Казалось, даже лес затаил дыхание. В мгновение ока эскорт перестроился. Превратившись в опаснейшее каре.

Мужчины в светлых латах с мечами наготове стояли, вперили свои взгляды в лес, высматривая потенциальную опасность.

— О Великие Боги!

Вырывалась из рук капитана принцесса, смотря на окружающих её мужчин.

— Да что вы тут встали, живо разойтись! — громко скомандовала она.

И попыталась протолкнуться через стоявших стеной рыцарей. Те, к огромному сожалению, пропускать её не собирались.

— Отставить! — громким басом прозвучал зычный голос капитана.

Все рыцари резко сложили мечи, выпуская продолжавшую пытаться протиснуться принцессу. Та же, не ожидавшая резкого приказа, решила пойти на штурм с разбега.

В момент, когда рыцарь Рамиль мягко отступил в сторону, девушка, бежавшая на него, пролетела мимо прямоком в стоявшие рядом с дорогой кусты барбариса.

Из зарослей послышался треск веток и новый крик:

— Да как вы смеете! Я наследница престола! Я приказываю этим кустам расступиться! Вы все сговорились! Это заговор против моей персоны!

Капитан и рыцарь, издали звук, похожий на стон раненого зверя.

Рамиль медленно возвёл взгляд к темнеющему небу. Он, несмотря на все свои достижения и заслуги в столь юном возрасте — а ему было всего двадцать пять лет отроду, — вдруг вспомнил, что так и не успел жениться, завести детей и много чего ещё.

Набожностью же, он никогда не отличался, в отличие от товарищей. А следовало бы... Следовало перед дорогой во вражеские земли зайти в храм. Помолиться... Возможно, Великие уберегли бы его от этого безумия.

Пока один философствовал, остальные с удивлением смотрели на кусты, где застряла принцесса.

Капитан уверенно направился к растению. С ловкостью, свидетельствующей о многолетнем опыте, он аккуратно подхватил Амиру под руки и одним плавным движением поставил ее на ноги. В этот момент его голос, глубокий и командный, прозвучал, подобно грому:

— Лагерь!

Войны тут же забыли о случившемся и ринулись искать место для стоянки.

Гувернантка, с легкой ироничной полуулыбкой наблюдавшая за происходящим, выбежала из кареты и всплеснула руками:

— Ваше высочество! — воскликнула она, — Вы могли разбиться!

Амира отмахнулась от гувернантки, её взгляд был устремлён на капитана. В её глазах пылал едва сдерживаемый гнев, она явно была готова впасть в истерику.

— Что значит «разбить лагерь»? Ты хочешь, чтобы я спала в лесу? На земле? Мой отец платит вам не за то, чтобы вы превращали меня в дикарку. В лесу водятся волки. И блохи. И... и сырость! От неё портится цвет лица!

Она ткнула пальцем в сторону капитана:

— Ты отвечаешь головой за мою красоту. Если я приеду к князю с прыщом от ночевки под кустом — это будет твоя вина. Тебя четвертуют. Медленно!

Капитан, проглотив отчаянно вырывающуюся брань, и с хладнокровным спокойствием, которому учат с пелёнок, произнес:

— Ваша светлость, при всём моём уважении, поймите правильно: с такими резкими и своевольными остановками мы только к завтрашнему вечеру прибудем ко двору князя Шерона.

Не слушая капитана, Амира вдохнула поглубже, готовясь дать резкий отпор. Но слова застряли у нее в горле. Из леса бесшумно появились две фигуры, плотно закутанные в плащи. Лица их были скрыты.

Мужчина со шрамом — уродливой полосой от виска к подбородку — проследил за взглядом принцессы.

Рука его метнулась к бедру и сомкнулась на рукояти меча. Клинок с тихим шелестом покинул ножны. В сгущающихся сумерках по зазубренному лезвию скользнул последний солнечный луч, высветив старые шрамы на стали — память о десятках битв.

Незнакомцы приближались. Они вели в поводу лошадь, тяжело гружёную добычей: на спине животного распласталась тёмная туша кабана.

Но капитан Риан слишком хорошо знал цену обманчивому спокойствию. Он помнил вкус чужой земли под ногами и запах предательства в воздухе. Пальцы крепче сжали эфес. Когда

охотники подошли достаточно близко, он вскинул свободную руку — резкий, властный жест, не требующий перевода: «Стой!».

— Кто идёт? — его голос разорвал лесную тишину.

Он не повысил тон, но сталь в интонации заставила рыцарей подобраться. Риан сделал плавный шаг вперёд, вставая между принцессой и незнакомцами.

Рыцари за его спиной уже стояли стеной. Они не обнажили клинков, но готовность умереть за принцессу читалась в напряжённых спинах и пальцах, стиснувших рукояти.

Из-под капюшонов донёлся тихий смех — сухой, как треск ветки под ногой.

— Далеко же вас занесло от дома, капитан, — голос первого путника был саркастичен, почти ленив. Он не ответил на вопрос. Он констатировал факт, словно знал их маршрут лучше них самих.

— Они едут к князю на пиршество, — второй голос прозвучал мягче, в нём слышалось негодование в сторону спутника. Женский голос в этой глуши звучал неуместно и оттого ещё более тревожно.

Риан прищурился, всматриваясь в тени под капюшонами. Ему не нравилась эта игра в загадки. Не нравилось, что их ждали? Или следили?

— Я спросил: кто вы? — повторил он, делая акцент на последнем слове.

Голос стал холоднее льда на горном перевале. Он шагнул ещё ближе, сокращая дистанцию и проверяя чужую реакцию на угрозу.

В воздухе повисло молчание, густое и тяжёлое. Капитан ждал ответа, но его рука уже напряглась для удара. Он давал им шанс, но этот шанс истекал с каждым ударом сердца.

Один из путников ещё немного приблизился к ним, дабы свет от уже зажжённых факелов осветил его, и скинул капюшон.

На Риана уставились два синих холодных глаза, от которых по его спине пробежали мурашки. Хотя после всех войн и приключений ему казалось, ничто не способно его выбить из колеи, но эта женщина напрягала.

Её выразительный прищур, напоминающий хищную птицу, контрастировал с белоснежными, как первый снег, волосами, обрамляющими её лицо. Губы, растянутые в саркастической улыбке, обнажали клыки, придавая ей устрашающий вид. Весь облик вызывал инстинктивное желание укрыться от её взгляда, но в то же время он обладал своеобразной притягательностью, которая не могла не вызывать восхищения.

Позволив рассмотреть себя, девушка на чистом ливернийском произнесла, не склоняя головы:

— Vatua, a Glatis, (Добро пожаловать, принцесса)

Амира скривила гримасу и махнула рукой, отгоняя мошек:

— Какое... витиеватое приветствие, — протянула она на родном языке, делая акцент на последнем слове. — Надеюсь, в остальном ваш этикет менее зубаст.

После этих слов она резко развернулась и отправилась в подготовленную для нее палатку.

Проследив взглядом за принцессой, Риан вновь перевёл взгляд на неожиданных гостей.

— Я не привык спрашивать дважды, — голос брюнета упал до ледяного шепота. Пальцы на эфесе побелели от напряжения.

Девушка на данное замечание лишь иронично изогнула бровь. Подняв руки в примирительном жесте, она спокойно произнесла:

— Вам не нужно нас бояться. Мы с моим спутником — гости князя Шерона. Прибыли по приглашению два дня назад. Охота — наше развлечение перед турниром.

Капитан медленно выдохнул не сводя глаз с девушки. Он не верил ни единому слову. Убрав меч в ножны — жест вышел резким, напряженным — он лишь кивнул.

Мысль о том, чтобы провести ночь бок о бок с этими существами? Вызывала тошноту. Он надеялся лишь на то, что стены палатки и стража у входа смогут защитить сон принцессы от взгляда этих синих глаз.

Но гости ушли так же тихо, как пришли.

Лишь у кромки леса девушка обернулась. Её полуулыбка предназначалась ему. Риану показалось, что она видит его насквозь: все его страхи, всю его накопленную усталость и ярость.

«Она знает», — пронеслось в голове капитана. Знает то, чего не знает он сам. И от этого становилось по-настоящему жутко.

Глава 1 Как завести друзей

Когда первые солнечные лучи коснулись горизонта, небо внезапно потемнело и с оглушительным грохотом опустилось. Крупные капли дождя яростно застучали по крыше, а порывистый ветер с силой ударил в грудь, едва не опрокинув. Плащ резко взметнулся и начал яростно трепетать на ветру.

Конюший даже не поднялся с места. Он лишь медленно повернул голову, окинул меня тяжёлым, мутным взглядом, что-то неразборчиво пробурчал в бороду, и лениво махнув рукой в сторону стойл.

Я нырнула под навес. Соломенная крыша не спасала — ветер пронизывал насквозь, швыряя холодные брызги за шиворот. Сунув поводья в руку грузного мужика, я вложила в его ладонь пару бронзовых монет.

Он скривился. Монеты звякнули друг о друга.

— Понаедут... всякие... — донеслось до меня сквозь шум дождя. — Не знают...

Я не стала дослушивать. Проскользнув внутрь лисицей, позволяя двери отрезать меня от бури.

В зале стоял густой, плотный гул. Гуляки, не расходившиеся с ночи, гомонили так, что звенело в ушах. Кто-то спал прямо на липких от мёда и сивухи столах, уронив голову на руки. В воздухе висел тяжёлый дух: кислый эль, запах потных тел и приторная сладость чего-то приторговываемого в углу.

Я прошла вглубь и опустилась за маленький стол в тени. Взгляд скользнул по пустым проходам — ни одной девицы с подносом, ни привычного мельтешения между столами. Похоже, сегодня они решили закончить пораньше.

Тело обмякло, словно растеклось по стулу. Угол манил уютом и сухостью, заставляя глаза слипаться. Я ещё подумала, что надо бы поискать службу... но мысль оборвалась. Сон накрыл меня мягкой, тёплой волной.

— Эй! Здесь не богадельня! Платили или уматывай!

Грубый женский голос ворвался в сознание, разрывая пелену сна. Глаза отказывались открываться, словно склеенные усталостью.

— Оглохла? Проваливай, я сказала!

Меня трясли за плечо с такой силой, что зубы клацнули друг о друга. «Понаехали тут...» — гремел над ухом её голос, явно адресуя оскорбления моей блондинистой макушке.

Я не стала спорить. Пальцы сами нащупали кошель под плащом. Пара монет со звоном упала на стол. Наступила тишина. Мои плечи тут же накрыли чем-то тяжёлым и тёплым, пахнущим пылью и старостью. Я благодарно уткнулась носом в грубую ткань и снова провалилась в темноту.

Проснулась я от злости и нещадно тянущей боли в спине. Всё тело ныло, будто меня всю ночь пинали ногами. С трудом отлепившись от стены, я потянулась, разминая затёкшую шею. С плеч что-то соскользнуло.

Посмотрев вниз, на полу лежало стёганое покрывало. Криво вышитый рыцарь с розой у башни вызвал у меня кривую усмешку. Я аккуратно сложила его, положив на стул.

Зал изменился до неузнаваемости. Ушли шум и вонь, оставив после себя звенящую тишину и запах чистоты. Бегло осмотрев помещение, я увидела корчмаря. Он натирал серебро — вот это сервис! Я удивлённо присвистнула, но тут же забыла об этом: рядом возникла девушка в сером фартуке из грубой ткани.

— Госпожа проснулась! — звонко защebetала она.

Внутри всё сжалось от этого обращения, но я сохранила каменное выражение лица.

— Который час? — голос прозвучал спокойно, почти безразлично.

Служанка торопливо покосилась на старые часы на стене и тут же склонилась в поклоне.

— Десять минут одиннадцатого, госпожа.

— Подай обед и ключ от комнаты.

Она тут же испарилась на кухне. Проводив её взглядом, я откинулась на спинку стула, борясь с остатками сонливости. Прошло несколько минут. Наконец, она вернулась, неся поднос, но с совершенно другим выражением лица — виноватым и испуганным.

Она поставила тарелку передо мной, избегая смотреть в глаза.

— Госпожа... простите, но свободных комнат не оказалось. Хозяин сказал, что все заняты...

Я осталась кипеть от досады. Ха. Смешно. Надо было вытрясти ключ у старика сразу, а не разлёживаться. Ладно, нет так нет.

Я оставила пустую тарелку и подошла к стойке. Корчмарь, протирая кружку, смерил меня взглядом, в котором читалось откровенное отвращение. Его пальцы на стекле побелели.

«Теперь ясно, почему мест нет», — мелькнула ядовитая мысль. Хозяин явно предпочитал пустые комнаты и пустые карманы гостеприимству.

— Столица в какую сторону?

Мужик вздрогнул от моего голоса, словно его окатили ледяной водой. Воздух в зале стал колким от напряжения. Он сжал кружку так, что костяшки хрустнули.

— Через восточные ворота до развилки, там направо. А дальше любой спелой дойдет..., — процедил он, и закончил под нос, думая, что я не расслышу, — ...лишь бы подальше от темной.

Я молча развернулась на каблуках. Дверь хлопнула так, что с потолка посыпалась труха.

Под навесом было пусто. У забора, привалившись к столбу, спал конюший. Он распространял такое амбре, что даже вороны облетали его стороной. Рядом валялся кувшин из-под браги. Я задержала дыхание и пнула его ногой. Ещё и ещё раз.

За спиной послышался сдавленный смешок. Оглянувшись, я увидела двух рыцарей в новых, блестящих латах. Они давились смехом, глядя на меня.

«Смотрят, как на бродячий цирк».

Ярость ударила в голову. Хватит быть вежливой.

Ведро грязной воды обрушилось на голову пьяницы. Он заорал так, что птицы с крыши взлетели чёрной тучей.

Сделав шаг назад, я смерила его ледяным взглядом:

— Где моя лошадь?

Конюший уставился на меня с яростью, но тут же сдулся. До него наконец дошло: мороз по коже — это не погода испортилась. Это я стою рядом.

— Ик... госпожа... ик... тут мужик прискакал... — залепетал он, вжимаясь в забор.

Я шагнула ближе. Вонь стояла невыносимая.

— Где лошадь? — разделяя слова, тихо произнесла я.

Он вновь заблеял что-то невнятное, сминая грязную рубаху трясущимися руками. Я вынула кинжал из ножен. Лезвие тускло блеснуло в сером свете дня.

— Свободную! Или поскачешь сам?

Кустистые брови пьяницы враз взлетели вверх, глаза округлились до размеров медной монеты. Он живо представил картину. Его кадык дёрнулся. Мотнув головой, он бросился в конюшню. И через пару минут мне вывели оседланного жеребца.

Я приняла поводья изящно, словно принимала корону. Рыцари у забора давились смехом над этим цирком. Я повернулась к ним, поймав их взгляды.

Подмигнув одному из них, я мило помахала ручкой второму.

Мужчины, не ожидавшие такого внимания к своей персоне, растерялись. Но один из них опомнился и, когда я выезжала с постоялого двора, крикнул мне в спину:

— Как тебя зовут?

Но вопрос так и остался без ответа.

Через два дня я прибыла в столицу Королевства Гетенбург. Город встретил меня серым небом и морозящим дождем. Хмурые горожане спешили по своим делам, не поднимая глаз. Казалось, здесь ненавидели даже случайный взгляд соседа.

Я сняла комнату в гостинном дворе «У Хельги». Атмосфера города мне даже нравилась: в воздухе витала темная энергия взаимной неприязни. Два дня я спокойно лавируя между недовольной толпой, наслаждаясь мрачным уютom.

Сегодня же решила отправиться к кузнецу — забрать оружие, оставленное в починку сразу по прибытию. По пути заглянула перекусить, купила травы для зелий и редкие ингредиенты для изгнания духов. Моя работа — зачищать дома от недружелюбных существ.

Таких, как я, одаренных поцелуем смерти, в мире единицы, но нас некромагов не любят за скверный характер и темное чувство юмора.

Кузнец встретил меня с ворчанием. А цена за работу оказалась возмутительной. Я уже подумывала ограбить местное хранилище, но решила до хрипоты торговаться. В итоге удалось сбить цену под угрозой кинуть кляузу в налоговый дом.

С оружием на плече и хорошим настроением я направилась в портовой район, стрясти плату с кочегара, который задолжал мне за услугу.

И когда я проходила мимо главной площади, до моих ушей донесся дикий лай из тёмного переулка.

Первое правило темного мага: «Есть проблема? Обойди!». Поэтому я уже собиралась гордо прошествовать мимо, когда из темноты вылетело нечто маленькое и чёрное. Оно с грацией пьяной картошки врезалось мне в сапог и, не теряя ни секунды, шмыгнуло под плащ.

Острая боль пронзила ногу — коготки у этой твари были острее кинжалов кузнеца-вымогателя.

— Да чтоб тебя! — взвизгнула я, подпрыгивая на месте.

Первой мыслью было схватить мелкого паразита и испепелить. Некромант я или погулять вышла? Но тут из переулка вывалилась стая разъярённых псин размером с некрупного медведя. Их глаза горели не просто голодом, а жадной мести за сбежавший ужин.

Приоритеты пришлось пересмотреть со скоростью молнии. Сожжение гадёныша могло подождать. Я рванула вниз по улице так, что только пятки засверкали. Собаки не отставали, их горячее дыхание уже почти лизало мои каблукы.

«Ну всё», — мелькнула философская мысль, пока я уворачивалась от луж. «Сегодня в меню Гримхольма: темный маг под острым соусом бешенства».

Я уже прощалась с жизнью (и с новыми сапогами), когда меня схватили за руку с такой силой, что я чуть не выронила сумку с травами, и мощным рывком утянули в боковой проулок.

Очнулась я уже на крыше. Как мы сюда забрались — загадка похлеще налоговой декларации гоблина. Ноги гудели, сердце колотилось где-то в горле, а лёгкие горели огнём. Я прижалась спиной к холодной черепице и только тогда осознала: меня трясло. По-настоящему. Животный страх — липкий, холодный, унижительный — сковал тело.

И кто стал причиной этого позора? Стая облезлых дворняг? Я мысленно выругалась так грязно, что даже портовые грузчики покраснели бы. Попрекать себя за бестолковость было поздно, но злость — отличное топливо для магии.

Внизу всё ещё бесновалась свора. Они прыгали у стены дома, захлёбываясь яростным лаем и брызгая слюной. Ну уж нет. Такого унижения я не прощаю.

Я вытянула руку ладонью вверх. Между пальцами за клубилась первородная тьма — густая, как чернила кальмара, и шипящая, как масло на сковороде. Я сжала кулак и резко разжала его, отправляя снаряд в полёт. Шар с гулким хлопком врезался в брусчатку прямо перед носом вожака. Вспышка темноты ослепила их на мгновение.

Раздался жалобный скулеж, переходящий в панический визг, и стая бросилась врассыпную так быстро, словно за ними гнался сам Князь Тьмы.

Я отряхнула ладони от невидимой пыли и удовлетворённо хмыкнула.

— Бегите-бегите, — пробормотала я себе под нос.

Спрыгнуть с крыши для некромага — дело привычное. Я мягко приземлилась на носки сапог, амортизируя удар о землю. И только тогда услышала глухой стук подошв о камень рядом со мной.

Я резко обернулась. Мой спаситель стоял в паре шагов, приземлившись так же бесшумно и грациозно. Только сейчас я позволила себе рассмотреть его по-настоящему. Взгляд упёрся в его глаза — глубокие карие омуты, в которых плясали искорки любопытства. Он смотрел на меня не как на спасённую жертву, а как на редкий артефакт, который только что проявил неожиданные свойства.

Скрестив руки на груди, я внимательно изучала своего спасителя. Он не пытался оправдываться или рассыпаться в благодарностях за то, что я не превратила его в горстку пепла — уже неплохо. Но сам факт его вмешательства вызывал глухое раздражение. От одного слова «спаситель» во рту становилось кисло.

— Мне не нужна была ваша помощь, — бросила я, резким движением откидывая с лица копну волос. Когда-то они были черными, как вороново крыло, теперь же цвет потускнел от пыли дорог и смерти. — Я бы справилась сама.

Он усмехнулся, даже не пытаясь спорить:

— Охотно верю. Но я решил проявить инициативу.

— Инициативу? Как мило. А вы в курсе, что порой она бывает наказуема?

— Да? И какое же наказание ждёт меня в нашем случае? — он сделал шаг ближе, и я уловила запах мокрой кожи и дорогого парфюма, совершенно неуместный в этом грязном переулке.

Я сделала вид, что глубоко задумалась, постукивая пальцем по подбородку:

— Ммм... Как насчет моего снисходительного взгляда и уходящей вдаль спины?

Он рассмеялся — низкий, бархатистый звук, который совершенно не вязался с образом уличного бродяги.

— Я не прочь увидеть ваши прелестные... — он демонстративно опустил взгляд ниже талии, — лопатки.

Не дав мне времени на достойный ответ, он ловко перехватил мою руку. Его губы коснулись тыльной стороны ладони — поцелуй был легким, но уверенным. Я почувствовала тепло его кожи.

— Вы прекрасны в своем темном амплуа, — его голос стал тише, интимнее. — Я слышал байки о некромантах: холодные, злые, питающиеся страхом. Но вы... Вы как богиня мести, сошедшая со страниц Храмовых трактатов. Только почему-то пахнете полынью и чем-то древесным.

Мне нравился его тон — наглый, уверенный, бьющий точно по моему самолюбию. И это бесило больше всего.

Я позволила себе взглянуть на него по-новому, без словесной шелухи. Возраст — около сорока, но это лишь добавляло ему веса. В его лице была та хищная притягательность, от которой у женщин слабеют колени: резкие, словно высеченные резцом скулы, упрямый подбородок и густые брови, придававшие взгляду суровость. Длинные волосы, собранные в небреж-

ный хвост, так и манили пропустить их сквозь пальцы — жесткая роскошь, которую хотелось приручить.

Но взгляд задержался на его губах. Пухлые, четко очерченные, они казались обманчиво мягкими. Я поймала себя на мысли, что невольно облизнула свои.

Да, мне нравился такой типаж — сильный, волевой. В другой ситуации я бы уже тащила его в снятую комнату, наплевав на приличия. Но мой взгляд скользнул ниже.

Одежда. Старая, явно с чужого плеча, местами потертая. Но! Дело было не в тряпках.

Всё решила осанка и этот взгляд. Он не просто смотрел — он впитывал меня, ловил каждый вздох с высокомерным любопытством энтомолога, разглядывающего редкую бабочку. Так смотрят те, кто привык владеть миром с рождения.

Осознание ударило под дых, словно ведро ледяной воды. Интерес этого хищника из высшего общества к моей скромной персоне точно крылся не в желании провести ночь любви.

Романтический туман рассеялся мгновенно. Я непроизвольно нахмурилась, скрестив руки на груди — инстинктивный жест защиты против того, кто гораздо опаснее уличной собаки.

Напустив на себя надменный вид, в котором обычно представляют всех темных, мой голос звенел от льда:

— Как давно высшая аристократия стала столь учтивой к темным выродкам мира?

Было видно, что мои слова попали в точку, но не смутили этого толстокожего медведя, ибо он своим размером и мускулатурой напоминал именно этого опасного зверя.

— Если бы мы встретились с вами раньше, я бы заполнил вас, но поскольку мы видимся впервые, смею предположить, что данный вывод вы сделали исходя из моего поведения, нежели вида, — бросив взгляд на грязные местами дырявые вещи, произнес он.

Мотнув головой, позволяя волосам немного разлететься, я хмыкнула на его догадку и пожалала плечами.

— В ваших словах есть доля правды, но вы не учли одного важного факта, — парировала я его словам.

— И что же именно я упустил, позвольте узнать, обещаю, в следующую нашу встречу я обязательно исправлюсь, — доверительно делая шаг вперед, произнес мужчина.

Сделав такой же шаг к нему, что со стороны казалось, будто он как коршун нависает над беззащитной жертвой, я тихо произнесла:

— Вы так и не назвали своего имени.

Стукнув себя по лбу и чуть отступив назад, мужчина изящно склонил голову в учтивом поклоне, сопровождая его очаровательной, обезоруживающей улыбкой.

— Позвольте представиться, лорд Теодор Роян де Маутхен.

Подражая его манере, я сделала плавный реверанс и представилась: — Кассандриэль... Фокс, для друзей — Кас.

Мило улыбнувшись, я приняла почтительный вид и заметила мимолетный отблеск интереса, мелькнувший во взгляде лорда. Он хищно улыбнулся, делая новый шаг навстречу:

— Я в восхищении, я уже говорил, вы просто невероятны, — произнес наглец с придыханием.

Положив руку на его грудь, я медленно провела ею вниз, от чего мужчина дрогнул, его мышцы напряглись. Он приблизился еще ближе. Не разрывая зрительный контакт, лорд осторожно взял мою руку и поцеловал тыльную сторону кисти у основания, от чего мое дыхание резко оборвалось, а пульс, казалось, начал зашкаливать.

Приблизившись, Теодор задал вопрос низким бархатным голосом:

— Что же меня выдало?

Его губы коснулись мочки уха, горячее дыхание обожгло кожу. Он пророкотал, слегка прикусывая чувствительное место:

— Мм... всё же кедр. Я угадал?

Ответа он не дождался. Моя хищная улыбка говорила сама за себя. Я не привыкла уступать мужчинам. Решительно толкнув Теодора в грудь, я заставила его отступить и упереться спиной в стену, после чего сама прижалась к нему, чувствуя отклик.

Зачаровано, я смотрела в его глаза и тихо выдохнула прямо в губы:

— Расскажу об этом в нашу следующую встречу.

Оставляя последнее слово за собой, а мужчину не удовлетворенным, довольная собой, я вышла из узкого переулочка, и прямым ходом направилась в свое временное пристанище.

Оказавшись за закрытой дверью, я выдохнула, и насвистывая веселую мелодию из какого-то циркового представления, направилась к тазу воды.

Резко затормозив, почувствовала, как что-то зашевелилось под моим плащом. А скинув его, передо мной предстал грязный, окровавленный комок шерсти. Он трясся, то ли от холода, то ли от боли.

Когда я взглянула в его черные, гнойные глаза, чуть не захлебнулась от той волны боли и отчаяния, что передалась мне, от пока еще живого существа. Послышался тихий мяв, и только тогда в этом сыром черном комке я разобрала кота. Не знаю, какая сила заставила меня медленно подойти к нему и, опустившись на корточки, поднять того с пола.

Черныш резко зашипел и сделал попытку вырваться, но лишь неуклюже кувыркнулся обратно на пол, послышался тихий кошачий плач. Мое темное сердце окончательно треснуло, и я, схватив кота на руки, быстро переложила на кровать.

Тыкнув пальцем ему рядом с носом, я резко и гневно бросила:

— Даже не думай сбежать, нервный! Ты доставил мне массу неудобств, и за это я буду тебя лечить.

Мои слова прозвучали как приговор. Судя по притихшему комку, он переваривал поступившую угрозу и ее последствия.

Бегло осмотрев кота, я принесла таз к кровати. Руки сами потянулись к шкафу, выхватывая старые простыни. Ткань затрещала под пальцами — я рвала её на полосы, не замечая, как края цепляются за ногти. Холодная вода из таза обожгла ладони, когда я опустила первую тряпку и начала оттирать грязь и кровь.

Под слоем запекшейся корки проступила страшная картина. Бок зиял рваным проколом, из которого сочилась сукровица. Передняя лапа неестественно вывернулась — кость пробила кожу. Ухо превратилось в лохмотья, свисая почти до основания черепа, а между проплешинами на шерсти виднелись розовые пятна лишая, обрамлённые сухой коростой.

Черныш был скелетом, обтянутым кожей. Каждое ребро проступало под моей ладонью, как перекладины старой лестницы. Я прижала пальцы к его груди и ощутила лишь слабое, едва уловимое биение — жизнь в нём угасала, как свеча на ветру. Как он вообще выжил после встречи со стаей? В этом крошечном тельце жила какая-то невероятная, отчаянная сила.

Сумка полетела на пол. Я выхватила флакон с зельем; стекло холодило ладонь. Ложка звякнула о край бутылки. Я разжала коту челюсти — он даже не сопротивлялся, лишь безвольно уронил голову мне на руку. Густая жидкость потекла по его языку. Он сглотнул механически, не чувствуя горечи.

Времени на сантименты не было. Я схватила иглу и обезболивающее. Спиртовой тампон зашипел на коже, очищая края раны. Игла вошла в плоть. Стежок. Ещё один. И ещё. Нить натягивалась, стягивая рваные края, а я работала механически, не позволяя себе думать о боли маленького пациента.

За окном стояла глухая ночь, когда последний узел был завязан и обрезан. Я выдохнула, чувствуя, как дрожат руки от напряжения. Бинт плотно обхватил бок и лапу, фиксируя переломы.

Я вымыла пол, избавляясь от бурых разводов, и поставила чистый таз с водой на тумбу. Черныш лежал неподвижной грудой меха посреди сбитых простыней.

Мой взгляд скользнул по комнате и остановился на кресле у стола. Я подтащила его вплотную к кровати и, осторожно подсунув руки под обмякшее тельце, перенесла кота на мягкое сиденье.

Окровавленная простыня полетела на пол бесформенным комком. А я рухнула на кровать прямо в одежде и провалилась в сон раньше, чем голова коснулась подушки.

Громкий, требовательный стук вырвал меня из объятий сна. Я с трудом разлепила веки, зевнув так, что хрустнула челюсть, и настроение мгновенно скатилось в бездну. За окном оба солнца жарили вовсю, заливая комнату безжалостным светом — время обеда, а меня будят, как нерадивую прислугу.

Стук повторился, ещё более настойчивый. Я трижды прокляла незваного гостя вслух и, шаркая босыми ногами по доскам пола, поплелась к двери.

На пороге стоял он. Вчерашний знакомый, но будто подменённый. Вместо потрёпанной одежды — идеально сидящий тёмно-синий камзол, чёрные брюки, сапоги до икр, начищенные до зеркального блеска. На поясе висел тяжёлый, явно трофейный меч. Я пробежала взглядом снизу вверх и скептически изогнула бровь.

— Сменил гардероб? Прошлый был... аутентичнее. Чем обязана?

Голос прозвучал хрипло со сна. Я шурилась, пытаюсь сфокусировать взгляд.

Он не стал дожидаться приглашения. Просто шагнул внутрь, заполняя собой всё пространство, будто находился не в чужой каморке, а в тронном зале. Осмотревшись, его взгляд зацепился за кресло у кровати.

Он подошёл ближе и обернулся. Бесстрастно, словно речь шла о погоде, спросил:

— Твой кот?

Я молча кивнула. Он сел на край кровати. Судя по его тону и прямой спине, десница короля явился не для продолжения вчерашнего флирта.

— Не знал, что чернокнижники заводят животных. Или ты на будущее? — он бросил красноречивый взгляд на спящего кота, прозрачно намекая на жертвоприношение.

Желание запустить в эту наглую физиономию чем-нибудь смертоносным обожгло кончики пальцев. Я медленно выдохнула, считая до пяти, чтобы не сорваться.

— К твоему сведению, настоящие некроманты не марают руки кровавыми ритуалами — если, конечно, не мечтают уютно устроиться на костре в компании чёрных ведьм и обсудить последние новости преисподней. Да и если бы мне вдруг захотелось сварить заклятие с жертвой, я бы уж точно выбрала кого-то посвежее, с искрой жизни в глазах, а не это почти перешагнувшее грань создание, у которого жизненная энергия держится разве что на упрямстве и плохом пищеварении.

Искорки смеха блеснули в глазах Теодора, а сам он сохранил маску спокойствия, лишь слегка кивнув. Мужчина осторожно, почти нежно погладил кота по перемотанной бинтами голове. Провоцирует. Проверяет. Ох, не к добру это.

— Извини, если данный вопрос расстроил тебя, — он встал и двинулся ко мне. Голос был ровным, бархатным, лишённым эмоций. — У меня не было намерения огорчать. Это был вопрос безопасности. Двор должен знать природу привязанностей тех, кто работает с тёмными искусствами.

Я отступила на шаг, разрывая дистанцию. Его попытки манипулировать пространством были столь же очевидны, как и фальшь в его тоне.

— В таком случае ответь и ты на мой вопрос, — я обогнула его по дуге и бесцеремонно плюхнулась на то место, где только что сидел он. — Что привело десницу в моё временное при-

станище? Только не говори о безопасности, Теодор. Я слишком устала для дворцовых эвфемизмов.

Он не стал делать вид, что задет. Лишь уголок его губ дрогнул в едва заметной улыбке — признании моего хода. На мгновение Тео прикрыл глаза, словно я была неудобной переменной в сложном уравнении.

— Я пришёл завершить вчерашний разговор. Поставить точку в нашей внезапной встрече.

Я фыркнула, закидывая ногу на ногу. Его метафоры были такими же выверенными, как и его камзол.

— Ошибка вышла. Партия была окончена ещё вчера. Как и «внезапной» я бы нашу встречу не назвала. Твои люди следили за мной. Это был дебют, не так ли? А теперь ты пришел разыграть эндшпиль?

Он склонил голову набок, признавая мой ум.

— Ты проницательна. Это полезное качество. И опасное госпожа Кас. Хотя... — он сделал паузу, взвешивая каждое слово и в его глазах мелькнул холодный интерес исследователя, — ...я не уверен, что правильно именно так обращаться к твоей персоне.

Вопрос повис в воздухе, острый и неудобный. Он продолжил, не дожидаясь ответа:

— Я пришёл сюда не обвинять. Я пришёл сделать тебе предложение.

Чуть откинувшись назад, я опустила на локоть. Второй рукой лениво похлопала по матрасу рядом с собой. Посмотрев на него зазывающе.

— Ммм... Вначале спасаешь, потом флиртуешь, заявляешься ко мне домой, а теперь хочешь сделать предложение? Мне кажется, наши отношения развиваются слишком быстро для человека твоего положения.

Он усмехнулся — хищно и холодно. В этой улыбке не было тепла, лишь азарт охотника.

Теодор сел рядом со мной так близко, что я почувствовала запах дорогого парфюма и стали. Медленно навис надо мной. Что пришлось лечь на спину и смотреть в эти невозможные темные, как шоколад глаза, в которых читался холодный расчёт.

Его ладонь легла на моё колено и поползла вверх по бедру властно и неотвратимо. Его прикосновение было приказом, а не лаской.

Я выдохнула сквозь зубы:

— Надеюсь, твоя невеста не будет против? — голос был тихим, но в нём звенела сталь. — Или в вашем мире верность — это просто неудобный пункт контракта?

Внутри всё ликовало. С того момента, как этот тип разбудил меня, тёмная сущность внутри жаждала реванша. Ухмылку сдержать не удалось.

Резко оттолкнув его от себя я встала. Он поднялся следом с грацией хищника, поправляя камзол так, словно ничего не произошло.

— Признаюсь, ещё никому не удавалось так бесстыдно обвести меня вокруг пальца.

Я проигнорировала комплимент и вернулась к делу:

— Ты хотел сделать мне предложение. И судя по всему, не романтического характера... раз сердце и руки связаны. Что именно двору угодно от чернокнижницы?

Теодор перестал изучать меня взглядом и посмотрел прямо в глаза. Маска игрока спала, уступив место холодной стали политика.

— Его величество Вильгельм Горд... — он запнулся на имени так театрально, что я презрительно скривилась, — ...Вильгельм Третий Фауст Радион фон Нацлёрн призывает вас для помощи в очищении крепости Лихтенглимберг.

Я закатила глаза от этого пафоса и просто махнула рукой:

— Ясно.

Этого ответа ему хватило сполна. Он нахмурился и скрестил руки на груди — поза человека, привыкшего к подчинению.

— Что означает твой ответ?

Извиняться я не собиралась. Молча подошла к двери и распахнула её настежь.

Он даже не шелохнулся.

— Я прошу объясниться, — в его голосе звенел металл.

Вздыхнув, я прошла к сумке, из которой вынула свиток с приглашением. Развернув его, зачитала вслух:

"Моя дорогая подруга,

Имею честь пригласить Вас на исключительное событие, которое происходит раз в десятки лет. Мой дорогой брат, лорд Артион Деонис Брайн Шерон, собирается остепениться. В честь этого грандиозного события, соберется весь цвет западных земель...

— Прочее, прочее, прочее, а вот, — ткнув пальцем в лист, продолжила читать,

...турниры начнутся в первый день недели великого солнцестояния и продолжаться всю неделю. Надеюсь, вы найдете время почтить мою семью своим присутствием.

П.С. Пусть ничто не помешает нам вместе разделить удовольствие от этого великого события, и оно оставит в нашей памяти прекрасные воспоминания на долгие годы.

Твоя дорогая, Катарина Шерон."

Закончив читать письмо, я устала на лорда. Тот, в свою очередь, усердно переваривал полученную информацию.

— Я, конечно, предполагал, что ты персона особенная, но что имеешь столь влиятельных знакомых... — пытаюсь подобрать нужное слово, махнул рукой Тео.

— Это удивило, — спокойно подсказала, — в любом случае, я занята и сегодня же покину ваш чудный город, — закончила, вновь указывая на дверь.

Мужчина понимающе кивнул и уже повернулся к двери, но остановился:

— Если передумаешь... ты знаешь, где меня найти.

Я едва сдержала усмешку. Некромантка при дворе? Лучше прыгнуть в пасть горгулье. Мысль была настолько абсурдной, что в голове наконец прояснилось. Пора было уходить.

Быстренько умывшись, я скрепила свои длинные волосы на затылке. Подвела стрелки. Кинув ледяной взгляд в мутное зеркало, пришла к выводу: если день не задался с утра, то его может исправить вкусный завтрак, ну или обед.

Не долго философствуя, подхватила сумку и только собралась покинуть эти стены, когда тишину разорвал жалобный писк. Только тогда в память врезались воспоминания о вчерашней встрече, которая вылилась в другую еще менее приятную.

Я замерла. Оставить его здесь? Выбросят в канаву, едва я скроюсь за поворотом. Взять с собой? Обуза, о которой я не просила.

Пока я размышляла, этот ненормальный котяра, будто чувствуя, что сейчас решается его судьба, попытался спрыгнуть на пол, но вместо этого шмякнулся и тихо заскулил. Не выдержав подобного зрелища, Я подошла и подняла его. Тело было лёгким, почти невесомым.

— Ну и что прикажешь с тобой делать? Мне ехать нужно и ты не входил в мои планы, но и оставить здесь...

Он не отвёл взгляда. В этих глазах была не мольба о спасении, а упрямое желание жить — то же самое упрямство, что гнало меня саму не так давно через непроходимый лес.

Взглянув в эти глаза цвета мокрой травы, я поняла, уже все решено. Вздыхнув я подхватила кота поудобнее и вышла из комнаты.

Внизу я выпросила у хозяйки старую корзину. Устроив на дне кота и укрыв его ветошью, я вышла на улицу. Он лежал тихо-тихо, словно боялся спугнуть свою удачу.

В трактире былолюдно, местечко по местным меркам было весьма людным, да и кормили здесь неплохо. За те дни, что мне довелось здесь отобедать, я познакомилась с милой и весьма расторопной девушкой Эли.

Девчушка не чуралась темных и не докучала сильно своей болтовней, всегда говорила по делу и подсказала, где найти хорошего травника в городе. Вот и сейчас, стоило мне войти, как она тут же отвела меня к столику и, приняв заказ, тенью метнулась на кухню.

Через несколько минут на столе стоял горячий чайник чая, свекольный суп и жаркое.

Опустившись на соседний стул, девушка тихо начала говорить:

– Вы уезжаете?, – с ноткой грусти начала она.

Я напряглась, но решила дослушать и узнать, что же она желает получить от меня:

– У вас не так много вещей, а это что?

Ее взгляд указал на корзину с котом. Отложив в сторону ложку, я промокнула губы салфеткой и прямо посмотрела на Эли:

– В корзине кот, вчера спасла от собак, нужен? Могу отдать, – сделав паузу и увидев готовую начать отрицать девушку, я перебила и продолжила, – скажи прямо, что тебе нужно, или не мешай обедать.

Конопатая девчонка быстро опустила глаза долу и начала мять фартук, я же сверлила ее взглядом, не давая возможности расслабиться, и это подействовало. Не выдержав, она резко вскинула взгляд и, посмотрела прямо в мои глаза:

— Вы близки с лордом де Маутхен?

Я усмехнулась, поймав её настороженный взгляд. В зале был кто-то, кто не сводил с меня глаз, и этот «кто-то» явно ревновал Теодора к приезжей.

Медленно откинувшись на спинку стула, я выгнулась, позволяя рассмотреть изгибы фигуры, и накрутила на палец локон.

— Наши отношения с Тео — загадка даже для меня. Но одно знаю точно: он с первой встречи так и липнет ко мне, — я подалась к подавальщице и понизила голос. — Принеси миску воды для кота.

Эли будто этого и ждала, подскочила и тут же кинулась на кухню. Проводив ее взглядом, я посмотрела на место, с которого меня прожигала взглядом невеста Теодора. Той и след простыл. Кажется, все, что она хотела услышать, услышала, и выводы сделала.

Усмехнувшись недалекости той, я продолжила обед.

Когда с едой было покончено, я уже собиралась уходить, но Эли робко тронула меня за локоть. В её глазах читалась тревога.

— Простите за расспросы... Вот, возьмите в дорогу. И вашему питомцу тоже.

Я приняла свёртки. Ткань пахла свежей выпечкой. Я посмотрела на неё сверху вниз — девчонка дрожала от страха перед неизвестностью, в которую сама же себя втянула.

— Не вини себя, — мой голос смягчился. — Я знаю, чья это была затея. Но послушай меня: держись от таких игр подальше. В них нет победителей, а заступиться за тебя будет некому.

Подхватив скудные пожитки, я шагнула за порог. Дверь корчмы захлопнулась, отрезая меня от тепла и чужих тайн. Впереди лежал пустынный большак, ведущий в княжество.

Глава 2 Без права на новый рассвет

Стоило выехать к Заячьей деревне, как события начали стремительно меняться. Проехав поселение, я решила свернуть на короткую дорогу — к мосту Саен. Это помогло бы сэкономить время.

Но чем дальше я ехала, тем больше понимала: что-то не так. Лес по обе стороны тракта сгустился, деревья сомкнули кроны, почти полностью перекрывая свет. Воздух стал неподвижным и тяжёлым, словно перед грозой, но небо оставалось ясным. Тишина здесь была неестественной — плотной, звенящей, нарушаемой лишь глухим стуком копыт коня и моим собственным дыханием.

— Слишком долго, — пробормотала я, чувствуя, как по спине ползёт неприятный холодок.

И тут — вместо моста с пограничными стражами — передо мной предстала крепость Лихтенглимберг.

Она возвышалась на склоне холма, словно древний исполин, застывший во времени. Могучие каменные стены мерцали мягким голубым светом — это последние отблески заката играли на камне, отражаясь от него призрачным сиянием. Каменная кладка поражала — ровные поверхности, целые и гладкие, будто время не тронуло их, несмотря на почтенный возраст. Над мощными укреплениями возносились острые зубцы башен, похожие на клыки хищного зверя в скале.

Крепость окружали бескрайние зелёные просторы полей — пшеничные волны колыхались на ветру, создавая резкий контраст с мертвенной белизной камня. Она казалась истинным символом древности и силы — одиноким стражем этих земель, забытым всеми, кроме призраков прошлого.

Присмотревшись к массивным воротам, я заметила полустёртый герб — две скрещенные лилии, оплетённые терновником. Символ давно сгинувшего рода. Прислушавшись, я могла бы поклясться, что слышу тихий, на грани слуха, шёпот, доносящийся из бойниц.

Последние солнечные лучи скользнули по земле у подножия башни, завершая живописную картину уходящего дня. Тени удлинялись, медленно поглощая свет и наполняя провалы окон чернильной тьмой.

Зло выдохнув, я резко развернула коня и направила его в лес. Но и десяти минут не прошло, как я вновь оказалась у крепости. Лес не хотел меня отпускать. Корни цеплялись за копыта коня, а низко нависшие ветви хлестали по плечам и капюшону плаща, словно подталкивая обратно к светящимся стенам. Деревья расступались неохотно, образуя коридор, который неизбежно выводил меня к проклятым воротам Лихтенглимберга.

Спрыгнув с коня, я осмотрелась. Прошла из стороны в сторону. И пришла к неутешительному выводу:

— Аушка. Чёртов дух, чтоб тебя!

В сердцах пнула камень — тот отлетел в дерево. С высоты послышалось тихое шипение. И черныш любопытно вытянул шею из корзины, его зеленые глаза блеснули в полутьме.

— Хочешь Лешего рассердить, тёмная?

Внимательно посмотрев на ветви деревьев, я наконец увидела Аушку: небольшой зверёныш, чем-то напоминающий кабана. Вот только бивней не было. Вместо передних копыт — лапы с четырьмя пальцами.

Паразит — одним словом.

Схватив с земли камень, я метко кинула — и попала бы точно в цель, если бы эта сволочь не исчезла, чтобы с хохотом оказаться на другой ветке. Закинув одно копыто на другое, он медленно протянул:

— Мдааа... тёмная, а такая недалёкая.

Мой глаз непроизвольно дёрнулся. В сердце полыхнуло раздражение.

— Да пошёл ты...

В духа полетел чёрный файербол — и разнёс ветку, на которой он сидел. Увы, не зацепив этого баламошку. Аушка же уже сидел выше, сложив лапы и покачивая головой с притворным сочувствием.

Плюнув на тщетность попыток, я схватила коня под узды и направилась в лес снова.

— Ты не выйдешь из леса, — послышалось сзади. Скорее утвердительно, чем угрожающе.

Остановившись, я чуть повернула голову в сторону духа и холодно бросила:

— Почему?

Аушка — дух троп, хозяин этих мест, хранитель — возник рядом со мной прямо из воздуха. Вернее, из тени между деревьями, где он, судя по всему, и обитал. Его мех был цвета осенней ночи — чёрно-бурым, почти сливавшийся с корой деревьев, и с сединой на загривке, там, где шерсть топорщилась, образуя подобие гривы. Глаза — единственное, что выдавало в нём не зверя, а нечто древнее и опасное — горели тусклым янтарём, как угли давно затухшего костра. Взгляд был умным. Слишком умным для такого существа.

— Видишь свет в той бойнице? — он ткнул лапой в сторону крепости. — Там живёт призрак. И любой, кто входил в эти стены, больше не выходил.

Он нахмурился, пытаясь придать себе важный вид.

— Крепость Лихтенглимберг — ловушка для живых.

Я впервые видела, чтобы призрак просил поймать другого. Это было настолько дико, что я на секунду растерялась, но быстро вернула себе привычную маску ледяного безразличия.

— Значит, ты хочешь, чтобы я избавила крепость от призрака. А тебе-то какая выгода?

Аушка оскалился. Это сложно было назвать улыбкой, но в его жёлтых глазах блеснул хитрый огонёк.

— Выгода? Вы, люди, всё к одному сводите. Будто без личной корысти и шага не сделаете.

Я скептически хмыкнула, скрестив руки на груди, и смерила его долгим, изучающим взглядом.

— Серьёзно? Ты хочешь, чтобы я поверила в твою бескорыстную любовь к человечеству? Или, может, в твою внезапную заботу о заблудших душах? — я иронично изогнула бровь. — Я не заключаю сделок с духами. Я их отправляю на покой. Или, в твоём случае, развоплощаю.

В ту же секунду Аушка встрепенулся, начал раздуваться, наливаясь багрянцем от негодования, и принялся метать проклятия в одну темную. Я же, безмятежно созерцая его гнев, продолжала стоять, не спеша предпринимать какие-либо действия.

Надувшись, как жаба перед грозой, он молниеносно взмыл вверх, к самым кронам. Оттуда в меня полетел комок сырой земли. Я даже не шелохнулась. Грязь с глухим стуком ударилась о ствол дерева позади.

Пожала плечами, словно отгоняя назойливую муху, и потянула коня за собой в темноту леса.

— Лааадно, стой!

Голос духа раздался прямо над ухом. Я подняла голову: он завис в воздухе, перекрывая тропу. Его шерсть стояла дыбом, а в глазах плясали злые искры.

— Я храню этот лес веками! Я видел, как приходят и уходят королевства! А такие, как этот призрак, пьют силу леса, — он театрально вздохнул. — Ты избавишь меня от головной боли. А я... может быть, укажу тебе дорогу. Если не помрешь...

По моим губам пробежала кривая усмешка. Руки скрестились на груди. Сцена была до смешного нелепой: лесной дух, торговался с некромантом.

— Значит, тебя другие призраки обижают?

Аушка фыркнул — звук получился похожим на хрюканье рассерженной свиньи.

— Обижают? Это ты называешь обидой?! Они убивают мой лес!

В его глазах больше не было хитрого блеска, только усталость старого зверя.

Обведя взглядом сначала Аушку, потом крепость, я прикинула за и против. Может, не самому духу — но одному конкретному деснице я бы могла оказать услугу. И выставить счёт. Раз уж меня занесло сюда против воли.

— Что за призрак? — спросила я, возвращаясь к главному. — Кем был при жизни и почему убивает?

Вопрос был глупым. Лесной дух вряд ли хоть раз подходил к крепости. Но выбора не было. Ехать обратно к Заячьей деревне — бессмысленно. Уже стемнело, и никто не станет отвечать на вопросы. Скорее поганой метлой погонят.

— Да чёрт его знает, — поморщился Аушка, будто пытался припомнить. — Мужик какой-то. С горя повесился. Вернулся домой, а там жёнка на соседке скачет... ну ты понимаешь.

Он многозначительно хрюкнул.

— Вот он от злости обоих и пришиб. А потом на службу вернулся, запил и в петлю полез. Банальщина, честное слово.

Я нахмурилась. Мстительный призрак. Нападает на неверных. Таких в крепости — немало. Кто, как не служивые, любили задержаться «по службе», а сами — в койку к чужой жёнушке прыгать.

Люди — странные. Своего не ценят, а в чужой огород бегут. Но мне, тёмной, не понять светлых. Мы держимся за своё до последнего.

Поморщившись от мыслей, глянула на корзину у седла. Оттуда выглядывал кот — слабый, но с живым интересом наблюдавший за нашим разговором.

— Хрен с тобой. Схожу в крепость. Но кот со мной. Присмотришь?

Многозначительно протянула и провела глазами полукруг — от кота к духу. Тот скорчил рожицу — будто лимон съел.

— Я? Присмотреть за котом?! Ты в своём уме, тёмная?!

Он всплеснул лапами.

— Я — дух! Создан ветром и соснами! Меня боятся волки и медведи! Я дороги запутываю и нечисть из леса гоню!

— Вот и присмотришь, — пожала плечами.

Аушка замолчал. Его янтарные глаза смотрели на кота. Кот смотрел на него. Между ними будто прошёл мысленный диалог.

Брови — или то место, где они должны быть, — то взлетали, то опускались.

Наконец дух вздохнул:

— У тебя кот странный.

— Кот странный, — согласилась я. — А ты ничего странного больше не находишь?

Намекнула на нас с ним. Аушка фыркнул и отмахнулся — будто каждый день с некрмантами сделки заключал.

— Ладно. Давай сюда своего кота. Присмотрю. Но ежели не воротишься... — он посмотрел на меня с хитрецей, — ...не ручаюсь за его судьбу.

Заломив бровь, я чуть наклонилась к духу:

— Вернусь... Вернусь и если увижу что тронул кота, развоплю!

Аушка, кажется, проникся угрозой. Или моим хищным выражением лица. Тут же закивал, завертел головой, затараторил:

— Да что ты, что ты! Ни ноготком, ни лапкой! Кот — священное животное! Я его беречь буду! Холить и лелеять!

Он даже лапку к сердцу приложил — театральным выхухоль.

— Это ты шуток не понимаешь, — буркнул он обиженно.

Вздыхнув, сняла корзину с привязанного к дереву коня и осторожно поставила на землю. Приподняла ткань — черныш лежал, свернувшись клубочком. Раны заживали, но медленно. Месяц минимум. Шерсть отрастать будет ещё дольше.

«Бедняга.»

Прикинула, как разместить корзину на случай дождя. За разговором с духом не заметила, как стемнело окончательно. Ночь вступила в полные права — тучи закрыли Луну.

Хорошо, что крепость всё так же светилась в темноте. Словно маяк для заплутавших.

Определившись: оставила кота под елью, раскинувшей широкие лапы. Так он точно не промокнет. Да и хищник не достанет — если Аушка всё же решит сбежать. Развернулась к коню. Сняла сумку и перекинула через плечо.

В крепости могла задержаться. Не на ночь — на больший срок. Поэтому самые необходимые вещи всегда лежали в одной сумке под рукой. Да и та была с секретом — который я никому никогда не показывала.

Проверив амулет на шее, я удовлетворённо кивнула, и направилась к крепости.

— Эй, тёмная! — обернулась. Аушка стоял, наклонив голову: — А как этого больного зовут?

Хотела бросить: никак или «Черныш» на худой конец. Но мысль возникла сама — откуда-то из глубины.

— Бонифаций.

Если бы я тогда, знала о истинных мотивах этого черта.

Пройдя через ворота, я тут же почувствовала запах смерти, боли и гнили. Это место — столь величественное на расстоянии — таило в себе страшные ужасы.

Повернув лицо чуть вправо — в голове пронёсся отчаянный вопль. Ужас. Крик обрывался тяжёлой, вязкой, гнетущей тишиной.

Предсмертный крик. От скелетов.

Они лежали здесь уже не первый год — погрызенные крысами, забытые всеми. Но их смерть была настолько тяжёлой, что кости сохраняли боль. До сих пор.

Подойдя ближе, я взялась за амулет. Приложила руку к костям и тихо выдохнула:

— Requiescant in pace.

Энергетический остаток от жестокого убийства начал медленно формироваться в свободной руке. Блеклое жёлтое свечение — как свет давно умершей звезды.

— Все они были светлыми, — тихо выдохнула я.

Склонила голову в последнем прощальном жесте. Взяла шар меж ладоней и отпустила в воздух.

Он резко разлетелся по крепости — на миг озарив пространство ярким солнечным сиянием. Тепло прокатилось по телу, словно кто-то обнял из-за спины:

— Спасибо, — шептали души. — Спасибо.

Холод вернулся, вытесняя остатки тепла. Души ушли за грань.

Я направилась к цитадели, но замерла. В тишине раздался тихий плач. Резко обернулась — тишина.

«Я здесь не одна...»

Это заставило напрячься все тело. Ноги на автомате скользнули к стене, я затаилась, и начала прислушиваться.

Через пару минут от одного из домов — кажется, бывшего амбара — послышался шорох. Осторожно приблизившись, заглянула внутрь.

На остатках затхлого сена спали люди.

Округлив глаза от увиденного, я хотела поинтересоваться — но быстро поняла: нищие. Они спали, крепко прижавшись друг к другу. Оборванная грязная одежда. Между взрослыми — дети. В таких же обносках.

Худые и бледные будто тени, тех веселых и озорных детишек, которых мне довелось встретить не так давно в столице Гетенбурга.

Это было настолько сильное различие, что возникло стойкое понимание глубокой пропасти, меж этими, лишь не давно начавшими жить людьми.

Они были настолько низкого сословия, что вынуждены селиться рядом с опасными существами. Жаль их. Возможно, именно здесь, под боком у злобного духа, они нашли пристанище. Крыша над головой — уже счастье.

«Стоит ли расправляться с призраком?»

Я быстро выкинула дурацкие мысли. «Сколько жизней уже было загублено? Сколько будет еще?»

Нет, может сейчас он не трогает их, но однажды войдя в фазу полного безумия, он уже не будет убивать изменников, он убьют любого живого.»

Вспомнив об увиденном перед входом, я уже более уверенно продолжила путь, оставляя нищих в амбаре. Войдя во вторые ворота, я оказалась на главном плацу. Взглянув вверх — на одной из башен виднелся силуэт, пронзенный остриём. Тело висело на пике, раскинув руки, лицо обращено к небу. Похоже, бедняга выпал из окна, пытаясь сбежать от мстительного духа. Вороны кружили над останками, время от времени поклевывая плоть.

«Несчастный дурак».

Оглядев сооружение со всех сторон, я пришла к выводу, что открытого прохода нет, а значит где-то была иная лазейка внутрь. «Нищие заперли любые входы и выходы в это здание?»

Походив еще не много вокруг я так и не нашла входа, а попытавшись открыть хоть одни ворота, было ощущение, что их намертво приварили.

Почесав затылок, единственной мыслью было вернуться к тем людям и узнать о входе. «Где-то точно должна была быть лазейка. В цитадели всегда делали выходы или...»

Замерев от очевидности мысли, я быстро покрутилась и увидела поодаль от себя колодец.

При штурме, если враг прорвался в стены, последним оплотом была цитадель. Оставшиеся воины и мирные люди могли прятаться неделями. Но без воды — невозможно.

«Значит, есть тоннель».

Вода поступала не из самого колодца — иначе враг перетравил бы всех. Вода шла из грунтовых вод от цитадели в колодец, а оттуда — дальше, вниз. Иногда ею наполняли рвы вокруг крепости.

«Если проход цел и воды не так много — смогу проникнуть».

Возвращаться и будить нищих не хотелось. Понимала, во что может вылиться моё желание уберечь их от злого духа.

Взяла камень, бросила вниз и начала считать. Послышался тихий глухой стук.

Колодец был не особо глубокий, а самое главное пуст. «Значит либо проход завален и мне все же придется пообщаться с местным населением, либо же вода просто покинула это место».

Сильного выбора не было, а потому достав веревку я намертво привязала ее узлом двойной восьмерки.

Скинув второй конец верёвки в бездну, подняла взгляд к башням. Тёмные силуэты врезались в ночное небо — молчаливые стражи проклятого места.

«Иногда, чтобы подняться в самый верх, стоит спуститься ниже», — вспомнились слова магистра.

«Кто бы мог подумать, что её древние советы однажды пригодятся».

Что ж. Вперёд.»

Резко выдохнув, я посмотрела вниз. Там, в непроглядной черноте, будто раскрывая свои объятия, ко мне взывала сама тьма. Холодная. Голодная. Древняя.

Я начала спуск.

Веревка скрипела, натирая ладони. Камни осыпались вокруг, тая во тьме. И уже скоро, я оказалась на сыром, илистом дне — колодец был мёртв. Но интуиция не подвела: прямо вёл небольшой узкий ход — через который когда-то текла живительная влага.

«Вода ушла, но остался путь».

Опустившись на корточки, я собиралась проползти — как что-то свалилось сверху. Стремительно. Беззвучно.

Подпрыгнув, я выхватила кинжал, и схватила незнакомый предмет. Готовая атаковать...

Только тогда до сознания долетел тихий, мерзкий хохот. Эхом скатившись по стенам, разносясь по дну колодца:

— Я жду тебя, тёмная... Иди ко мне...

Голос был шелестом мёртвых листьев. Шёпотом из-за могилы. Угрозой, что ждала своего часа.

А в моих руках оказалась порванная верёвка.

«Порванная?!»

Взглянула вверх — там, в зеве колодца, издевательски хохотал призрак. Его силуэт метался в лунном свете, словно демон, выпущенный из клетки.

«Он следил за мной с самого начала. Заманил в ловушку.»

— Саламандра тебя задери! — от злости выкрикнула я.

В ответ — тишина. Лишь эхо моих слов замерло в сырых стенах.

«Тварь».

Тоннель был тесным и сырым. Двигаться по нему — настоящая пытка. Руки и колени скользили, чавкая в иле. На лицо то и дело падали волосы, лезли в глаза, оставляя грязные следы.

Проползла ещё немного. И ещё. Воздух становился всё тяжелее. Вода хлюпала в ушах.

Тьма. Холод. Грязь.

Вконец обозлённая, покрытая с ног до головы грязью и в сырой одежде, я вывалилась из тоннеля.

Переводя дыхание, легла на сырой песок. Медитируя на тёмный каменный потолок, с которого свисали паутины пыли и каких-то водорослей.

«О, тёмные. Я, конечно, слышала о свиданиях вслепую, но не думала, что они проходят на дне мира и с ароматом дохлой тины. Кажется, меня жестоко обманули: в лесной брошюре обещали романтику, а не курсы по выживанию в стухших водах»

Окончательно придя в себя, поднялась на ноги. Быстро найдя лестницу, ведущую наверх.

«Милый, если ты хотел увидеть меня без одежды и в экстремальной ситуации — мог бы просто попросить. Но колодец? Это уже перебор даже для призрачной романтики. Ты испортил мне рубашку и настроение. А я испорчу тебе вечность. Время по квитаться, дорогой.»

Не теряя ни секунды, я влетела на следующий этаж — и замерла.

Перед глазами предстала ужасная картина. На одной из стен висел скелет в доспехах — прикованный посередине, будто на кресте. Всё тело было оплетено плющом. Лианы обвивали его плотным коконом, словно растение в прямом смысле поглотило несчастного, оставив в назидание другим.

Лишь лицо — искажённое болью, застывшее в безмолвном крике — и руки, тянущиеся к кому-то, стоявшему на моем месте, остались не тронуты.

«Так вот как он встречает гостей. Я-то думала, букет цветов и шампанское — это клише. А оказывается, классика — это скелет в доспехах на кресте из плюща. Очень... гостеприимно.»

Сразу видно: хозяин вложил душу. И, судя по всему, не одну. Это что, его бывший? Или просто неудачный пример для подражания? В любом случае, декорации впечатляют.»

Прислушавшись, я не нашла следов энергии. «Всё давно растворилось в пространстве. Может это такой способ сказать: Ты мне нравишься, давай умрём вместе?»

Пройдя немного дальше по коридору. Обнаружила ещё одну лестницу, ведущую выше. Собралась подняться — как земля под ногами вдруг задрожала.

«Что за?»

Пол начал уходить из-под ног. В полной темноте, где не было ни одной свечи, заметила притаившуюся магическую лиану — дикий плющ, пульсирующий еле заметным зловещим светом.

«Какая прелесть. Магический плющ. А я-то думала, худшее в этом месте — это запах. Ошиблась. Худшее — это флора-людоед. Урок усвоен: в этой крепости не трогать ничего зелёного. К счастью для тебя, плющ, я сегодня в чёрном. Надеюсь, у тебя нет расовых предрассудков?»

Едва мысль успела оформиться в голове, как лианы бросились ко мне — десятки зелёных щупалец, стремящихся сомкнуться вокруг тела.

Увернулась — но не полностью. Душегуб задел плечо, оставив багровый след на разорванном рукаве белой рубахи.

— Какая дерзость!

«Мы едва знакомы, а ты уже портишь мой наряд? В приличном обществе за такое вызывают на дуэль. Что ж, будь по-твоему.»

Я выпустила в чудовище струю зелёного пламени. Услышав крик, похожий на металлический скрежет, будто ржавые ворота скрипнули на ветру. Растение корчилось от боли, лианы дёргались, скручиваясь в узлы.

Не давая передышки, призвала огненный клинок — лезвие вспыхнуло в руке зеленым пламенем. И я тут же отсекла ползущие щупальца — они упали на пол, извиваясь, словно змеи.

Затем снова обрушила огонь туда, где на стене висел скелет. Монстр ответил новым воплем — гораздо громче, от которого заложило уши.

«Какой... дивный концерт. Скрип ржавых ворот — это, конечно, не арфа, но для твоего исполнения сойдёт. Позволь мне настроить инструмент. Сейчас звук будет чище»

Разбежавшись, я ухватилась за ближайшую лиану, позволив ей обмотать ногу. Подтянулась руками к бутону, спрятанному за обломками брони.

Но растение решило иначе.

Резко рвануло меня вниз — пальцы соскользнули по гладкой поверхности. Я падала, успев сгруппироваться...

...но оно не дало даже секунды передышки.

Подбросило тело обратно в воздух — направляя меня прямо в раскрывшуюся пасть монстра.

«Дракон? Бывал. Демоны? Плавали. Но стать обедом для сорняка? Это унижительно. Я не для того выбралась из канализации, чтобы закончить свой путь в желудке у растения. Это ниже моего достоинства. А значит, ты сейчас сдохнешь».

Я от души шарахнула рвотным проклятием в пасть гадины.

Не ожидавший такой подлянки Душегуб, резко отпустил меня, и я вновь упала на землю, кубарем откатываясь от него. Тот же замер на мгновение пытаюсь понять происходящее и мне хватило этого.

Вихрем, я взметнулась вверх, да бы не стать свидетелем того, что сейчас полетит из пасти той мухоловки.

Оказавшись на следующем этаже, передо мной открылся необычайный вид. В центре был размещен сад над открытым небом, окруженный аркадой, разрушенные и разбитые статуи Великих богов окружали это место.

«Какая прелесть. Это не сад, а кладбище амбиций. Сорняки задушили плодовые деревья, словно ревнивая мачеха — падчерицу. А эти статуи... Их разбили не в бою, их осквернили. Тот, кто это сделал, обладал вкусом пьяного тролля и манерами горгульи. Что ж, господа истуканы, вы были не просто богами. Вы были свидетелями того, как прекрасное превращается в сорняковый бордель. Теперь здесь поёт только ветер в ваших пустых глазницах. Какая поэтичная трагедия. Меня сейчас стошнит».

Пройдя вдоль сада, я увидела несколько проходов, но заметив в одном из коридоров свет, решила что он приведет к той самой бойнице, где якобы обитает призрак.

Оказавшись внутри, я выглянула наружу, это действительно оказалось то самое окно, про которое говорил дух. Только призрака здесь и в помине не было. В помещении ярко озаряя его, горел факел, судя по пламени, огонь был зажжен магическим путем.

Поставив тот в подставку, решила: «Пусть освещает нашу убийственную любовь». И направилась обратно в сад, откуда зашла в уже другой коридор и по лестнице поднялась выше.

Исследуя комнату за комнатой, я продвигалась вперёд с осторожностью охотника, ступающего по тонкому льду. Воздух здесь был другим — тяжёлым, спёртым, пропитанным запахом старой пыли и чего-то неуловимо сладковатого, напоминающего увядшие цветы.

Здесь не было ни скелетов, ни следов разложения, которые я ожидала увидеть в проклятом месте. Напротив, комнаты выглядели так, будто хозяева просто вышли на минуту: на столе стояла опрокинутая кружка, в углу валялся дырявый башмак. Это место не умерло — оно уснуло, застыло во времени, ожидая чего-то... или кого-то.

В одной из стандартных солдатских комнат моё внимание привлёк предмет, лежащий на грубо сколоченном столе. Это был дневник. Его кожаный переплёт потрескался от времени, а металлические уголки позеленели от паутины. Я провела пальцем по обложке, стирая вековую пыль. Под ней проступила тиснёная надпись, почти стёртая: «Личный дневник». Но не это заставило меня замереть.

Открыв дневник. Страницы были исписаны аккуратным, выверенным почерком, но чернила в некоторых местах расплылись неровными кляксами, похожими на слёзы или капли крови. Я пробежалась взглядом по строчкам:

«Семнадцатый день осады. Припасы на исходе, но вода и плоды в саду дают нам преимущество. Где помощь? Они должны прийти...»

Слова дышали отчаянием и железной волей. Автор был военным до мозга костей — решительный мужчина, привыкший командовать. Я перевернула страницу.

«День двадцать второй. Ночью была атака. Несколько десятков врагов попытались пробраться через южный вход. К счастью, наши лучники оказались на высоте. Потерь среди рыцарей почти нет, но я потерял друга — сержанта Зальмьера. Стрела угодила прямо в сердце... Надеюсь, подкрепление придёт раньше, чем Абранты снова нападут».

— Абранты?

Моё сердце пропустило удар. Я пролистала дневник к самому началу, туда, где я изначально решила не задерживаться. Теперь же каждая деталь казалась важной.

«Так-так. Лейтенант Роджер Орен Гранд. Верноподданный Его Величества Эдвина Шерона. Какая... своевременная находка. Я искала призрака, а нашла сорняка-переростка и историческое сокровище. Абранты, значит? Теперь понятно, почему здесь так пахнет поражением. Твой дневник, лейтенант, — это не просто исповедь мертвеца, это ключ к очень грязному скелету в очень большом шкафу Гетенбурга и возможно Аэдора... Надеюсь, ты простишь меня за то, что я использую твою последнюю волю как оружие».

Перелистнув страницы дневника дальше, я обнаружила небольшую карточку чудом сохранившуюся в этом аду. На меня смотрела семья.

Мужчина средних лет с едва заметной проседью стоял уверенно, его ясные голубые глаза излучали внутреннюю силу и тихую радость. На нём была парадная военная форма с орденом Королевского образца. Женщина рядом с ним обладала благородной красотой: волосы цвета грузового неба и светлые, почти янтарные глаза. На её шее покоился кулон — изящная вещица, которая показалась мне странно знакомой, будто я видела её во сне.

На коленях у женщины сидела девочка лет трёх с очаровательными румяными щёчками и доверчивым взглядом больших голубых глаз — отцовских глаз, обрамлённых густыми чёрными волосами как у матери.

Этот портрет был пропитан таким искренним счастьем, что у меня защемило в груди. Я вернула карточку на место и закрыла дневник.

— Теперь понятно... — прошептала я в пустоту комнаты.

Из обрывков знаний и записей складывалась картина прошлого. Сооружения «Светлой горы» были частью Аэдора. Они строились из солнечного камня, добытого в Ледяных горах — материала редкого и почти забытого. Кто-то намеренно стирал эту историю.

Я не успела даже выдохнуть, как воздух в комнате сгустился, стал ледяным и вязким. Тени по углам сгустились, поползли ко мне, и из них шагнула она — женщина с портрета. Только теперь её лицо было не улыбающимся, а застывшей маской скорби и ярости. Глаза — два белых угля — прожигали насквозь.

— Ты... — выдохнула я, и это было всё, что я успела сказать.

Она не стала слушать. Да и к чему? Дипломатия — это для живых и вменяемых. А этот... сгусток истерики явно не относился ни к тем, ни к другим. С диким, нечеловеческим воплем, от которого у меня заныли зубы, призрак бросился на меня. Видимо, решил, что лучший способ закончить разговор — это закончить меня.

Инстинктивно вскинув руку, я позволила зелёному пламени сорваться с пальцев. Магия ударила ее в грудь, отбросив эфемерную тушу в стену с влажным, чавкающим звуком. Красота. Теперь у меня есть и ответы, и труп. Ну, или что там у призраков вместо него.

Не теряя ни секунды, я схватила дневник со стола. Тяжёлый, зараза. Надеюсь, в нём написано что-то полезное, а не только её девичьи слёзы по поводу того, что я не принесла ей любимые пирожные на тот свет.

Я рванула прочь из комнаты, на ходу перепрыгивая через обломки.

— Вот вам и любовь до гроба! Моего, видать! — выкрикнула я в пустоту коридора, задыхаясь на бегу. Сердце колотилось где-то в горле, пытаюсь пробить себе путь наружу. — «Останемся друзьями»? Ага. «Давай просто поговорим»? Серьёзно? Я пришла изгонять призрака, а не участвовать в сеансе семейной терапии для мёртвых!

Теперь у меня были ответы... но они породили лишь новые вопросы. И самый главный из них — почему эта полоумная стерва пробудилась именно сейчас? Не пятьдесят лет назад? Какое потрясающее чувство такта.

Оказавшись на первом этаже, в саду, мне удалось на время скрыться от призрака. Пока я не разберусь, что именно удерживает ее здесь, избавиться от нее может не получиться.

Я быстро начала листать дневник, строчки мелькали перед глазами:

«...Продовольствие почти закончилось. Голод заставляет некоторых думать о сдаче, но сдаваться нельзя. Если мы падём, враги смогут продвинуться дальше вглубь королевства...»

«Что стало с его женой? Что с той женщиной?» Пыталась припомнить имя из дневника, откинувшись спиной на холодную шершавую стену:

— Нариса! Её звали Нариса.

«Легче дело не становилось.» Солнце, пробившееся сквозь свинцовые тучи, коснулось верхушки цитадели, когда я проходила мимо тех самых восточных ворот. Когда-то именно они

стали финалом последней битвы между Абрантами и Аэдорцами. Теперь двери были намертво заперты массивным деревянным засовом, но для мага это не преграда. Теперь, когда я внутри все проще. Простое заклинание — и тяжёлая конструкция с грохотом рухнула на землю, открывая путь наружу.

Передо мной раскинулся погост. Я присмотрелась внимательнее: одна из плит казалась неровной, словно её недавно тревожили. Вырвав пучки травы и протерев камень от грязи, я достала из сумки лист пергамента и грифель. Приложив бумагу к камню и заштриховывая поверхность, я начала «проявлять» надпись.

Совместив обрывки, выводы подтвердились: передо мной покоилась семья Гранд — герцог, герцогиня и их дочь.

— Бездна... — выдохнула я, чувствуя, как холод пробирает до костей.

Мысли скакали с одного на другое. Вопросов становилось всё больше. Найденные могилы не объясняли главного: «Почему Нариса пробудилась именно сейчас?» Взглянув на надгробие лейтенанта оценивающим взглядом, я приняла решение. Пора было поговорить с герцогиней по-настоящему. Хочет она того или нет — ответы я получу.

Дождавшись, когда земля подсохнет после ночного дождя, а солнце вновь спрячется за облаками, я начертила на земле сложный пентакль. Вокруг выстроила защитный барьер из некромантского пламени — зелёного и холодного, как зимнее небо Севера.

— *Invoco vos spiritum, qui non potuerunt invenire pacem*, — мой голос звучал ровно, но ветер усилился в ответ на первые же слова призыва. — *Te invoco, spiritum excitatum a somno. Veni ad me, et pugna!*

Дух был пойман.

Она появилась медленно, сопротивляясь моей магии с яростью загнанного зверя. Наконец силы оставили её. Нариса замерла на коленях внутри пентакля.

Я тоже не двигалась. Прошло минут десять, прежде чем разъярённая природа отступила.

Герцогиня медленно поднялась с колен. Её движения были грациозны и полны царственного достоинства, но в них чувствовалась натянутость, как у струны, готовой лопнуть.

— Тёмные... — выплюнула она это слово, будто оно было ядом, прожигающим язык. — Как смеешь ты призывать меня, словно безродную шавку!

Я скрестила руки на груди, чувствуя, как холодная земля кладбища пробирается сквозь подошвы сапог. Заломив бровь, я скопировала её надменную позу — спина прямая, подбородок чуть вздёрнут. В моём исполнении это выглядело скорее издевательски, чем величественно.

— О, прошу прощения, ваше сиятельство, — протянула я, и в моём голосе звенел лёд. — Я не знала, что у вас расписание приёма по записи. Но вы опоздали на пару столетий. Ты обычный злобный призрак, а не шавка. Ту я хотя бы удостоила куском заплесневелого хлеба.

Нариса, услышав это, с новой силой налетела на невидимый барьер. Чары держали крепко, но её ярость была почти осязаемой. Она ударилась о преграду с глухим стуком, испустила протяжный стон и начала оседать, но из чистого упрямства и гордости заставила себя остаться на ногах, лишь слегка покачнувшись.

Я покачала головой и медленно опустила руки.

— Послушай, — мой голос стал тише, лишившись сарказма. В нём проступила усталость, накопленная за годы работы с мёртвыми. — Я здесь не для того, чтобы ссориться. Я здесь, чтобы отправить тебя за грань. К семье.

Резкий, безумный смех пронёсся над погостом. Он был похож на скрежет ржавых петель.

— Ты? — её голос сорвался на злобный выкрик. — Как ты можешь мне помочь? Ты — мерзость! Тёмная дрянь! Ты даже смерти не нужна!

Она резко оборвала смех, и на кладбище повисла звенящая тишина.

Я вздохнула. Устало. По-настоящему.

— Расскажи мне, — твёрдо произнесла я.

Нариса замерла. В её глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Что?

— Расскажи всё, что произошло с тобой. Как ты умерла. Почему ты здесь.

Женщина зависла в воздухе. Было видно, что она борется сама с собой. Её призрачная фигура то становилась чётче, то снова подёргивалась дымкой.

— Нет! — прозвучал резкий протест.

И уже тише, почти шёпотом:

— Я покажу тебе.

Я поморщилась. Погружение в чужие воспоминания — это всегда риск. Это как нырять в ледяную воду с головой: можно захлебнуться чужими эмоциями и никогда не вынырнуть. Но выбора не было.

Сделав глубокий вдох, от которого защипало в носу от запаха сырой земли и гари, я кивнула.

— Ладно. Давай. Показывай свой ад.

Мир вокруг схлопнулся, как гнилая ткань. На мгновение я ослепла и оглохла, а потом реальность разлетелась на осколки, и я провалилась в чужую жизнь.

Воздух пах не сыростью и тленом, а сеном, свежей выпечкой и чистым бельём. Я открыла глаза в залитой солнцем комнате. Пылинки танцевали в золотом луче. Я смотрела на мир глазами Нарисы.

Она стояла у окна, сжимая в побелевших пальцах письмо. Бумага дрожала. Я чувствовала, как её сердце колотится где-то в горле. Это был почерк мужа. С границы. «...*держимся из последних сил... враг у ворот... жди меня...*».

Мир дрогнул. Теперь на ней тёмное платье для верховой езды. Ветер рвал волосы, когда она мчалась через лес. В глазах застыл ужас. Она нашла его. Герцог Гранд лежал на земле, а лекарь, склонившись над телом, качал головой.

Нариса спрыгнула с лошади, рухнула в грязь на колени и закричала. Но звука не было. Только вязкая, звенящая тишина.

А потом — темнота.

Годы спустя. Комната Дэи. Девочка лежала на кровати, бледная как полотно. Вены под кожей казались чёрными нитями. Нариса сидела рядом, вцепившись в её руку, и шептала что-то бессвязное.

Вошёл он. Эрвин. Его улыбка была мерзкой. Он положил руку ей на плечо.

— Нариса... Ты ведь знаешь, я всегда могу помочь.

Она дёрнулась, словно от удара током.

— Не прикасайся ко мне.

Её голос был тихим, но в нём звенела сталь.

Снова скачок. Столичная гостиная. Нариса уже не та сломленная вдова. На ней дорогое платье, но взгляд пустой. Она сидела за столом напротив Эрвина. Он говорил и смеялся, но она смотрела сквозь него.

Наверху раздался детский крик.

Нариса сорвалась с места, взлетела по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Дверь в комнату дочери была приоткрыта.

Картинка стала чёткой до тошноты.

Эрвин лежал на полу без сознания. В углу, сжавшись в дрожащий комок, сидела Дэя. Ей было лет двенадцать. Она смотрела на мать огромными глазами, полными ужаса.

Нариса не закричала. Она просто подошла к дочери и обняла её так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Бежим.

Видение таяло. Я увидела их вдвоём в карете, уезжающих прочь из столицы.

А потом — дуб.

Та же герцогиня лежала под развесистой кроной, на могиле своей дочери. Слезы падали на свежевскопанную землю. Последнее дыхание вырвалось из груди Нарисы беззвучным стоном. Тело обмякло.

Из-за стелы вышел он.

Эрвин подошёл к телу и тихо произнёс:

— Ты виновата в их смерти. Только ты.

Его слова были ядом для мёртвых ушей.

Последнее видение истаяло, оставив после себя лишь вязкую тьму. Её ещё звенящий отголосок заглушили грубые голоса:

— Ну ты, долго копать будешь? Тут пусто!— Хватит, паши отседоха...— Ща-а...

Картинка обрела чёткость. Трое мужчин в лохмотьях стояли среди разрытых могил. На плечах висели туго набитые мешки с тряпьем и побрякушками. Долговязый только что вылез из свежей ямы, сжимая в руке золотую цепочку с подвеской — ту самую, с семейного портрета.

Он хмыкнул и показал находку товарищам.

— И ради этой херни столько копался?

Двое заржали и пошли прочь по тропинке к выходу с кладбища.

Долговязый остался один. Он смачно харкнул в яму и громко высморкался. Сунув подвеску в карман, он потянулся и начал расстёгивать штаны.

Желание свернуть ему шею вспыхнуло мгновенно горячей волной, скрутив скулы до боли.

Но мысль не успела оформиться в действие, как мародёр вдруг дёрнулся всем телом. Его глаза расширились от ужаса, он издал нечеловеческий вопль и рванул со спущенными штанами к воротам цитадели.

Я перевела взгляд на старый дуб у ограды. Там, среди теней, клубилась тьма — густая, живая. Разъярённый дух Нарисы преследовал вора по пятам.

Лесную тишину разорвали короткие, пронзительные крики ужаса. А затем повеяло холодом — пахнуло смертью.

Я резко вдохнула холодный воздух кладбища и пошатнулась. Земля под ногами была твёрдой и реальной. Пентакль всё ещё светился холодным зелёным светом.

Нариса стояла напротив меня. Её призрачный силуэт дрожал, но она больше не пыталась напасть. Она просто смотрела.

Я вытерла рукавом выступивший на лбу пот.

— Вот значит как... — мой голос был хриплым.

Она молчала.

Я посмотрела ей прямо в глаза — теперь я знала, что искать.

— Ты не просто мстишь мародёрам за могилы, Нариса.

Её губы дрогнули.

— Они все одинаковы...

— Нет! — отрезала я жёстко. — Не все. Ты мстишь ему. Эрвину. Но он давно мёртв и сгнил в земле. А ты убиваешь живых людей только за то, что они мужчины и зашли на твою территорию.

Она вздрогнула, как от пощёчины.

— Ты не даёшь им шанса! Ты не разбираешься! Ты просто... выпускаешь свою боль на всех подряд!

В её глазах, белых и пустых, на мгновение мелькнуло что-то человеческое — то ли стыд, то ли гнев на правду. Но она тут же спрятала это за привычной маской презрения.

— Они все одинаковы, — её голос дрогнул, но она быстро взяла себя в руки, вскинув подбородок. — Ты не понимаешь. Ты не знаешь, каково это — потерять всё. Потерять себя.

Я усмехнулась, и в моём смехе не было ни капли веселья.

— Знаю, — холодно сказала я.

Она замолчала. Её взгляд скользнул по мне, оценивая, ища брешь в броне. В её глазах читалось недоверие.

— Ты? — она фыркнула, и изо рта вырвалось облачко призрачного пара. — Ты, живая? Ты, которая ходит под солнцем, ест, пьёт, спит? Ты не знаешь ничего.

Я шагнула ближе к барьеру. Моё лицо оставалось непроницаемым, но костяшки пальцев, сжатых в кулак, побелели.

— Знаю, — повторила я. Голос был тихим, но каждое слово падало тяжело, как камень. — Я тоже потеряла всё. Когда-то давно. Много раз.

Нариса смотрела на меня — долго, пристально. Она искала ложь в моих глазах, но нашла лишь отражение собственной боли.

— И что ты сделала? — спросила она наконец. Голос стал тише, в нём проскользнул интерес. — Что ты сделала, когда потеряла всё?

Я не ответила словами. Я просто позволила ей увидеть. На долю секунды мои глаза потемнели, и в них отразились тёмные коридоры и холодные тела. Шёпот тьмы, который не даёт спать по ночам.

— Я стала тем, кем стала, — ответила я, разрывая зрительный контакт.

Мы стояли друг напротив друга — две женщины, обе знавшие боль. Одна — живая, с сердцем, бьющимся в груди. Другая — мёртвая, с душой, разорванной на части.

— Я не могу отпустить тебя, — произнесла я наконец. В моём голосе звучала сталь. — Ты слишком опасна. Слишком многих ты уже убила.

— Убила? — она рассмеялась снова — сухо и горько. — Я защищалась! Я мстила!

Я шагнула к барьеру и положила ладонь на невидимую стену прямо напротив её лица. Она не отшатнулась.

— Твоя боль не исчезнет от того, что ты перестанешь убивать случайных путников. Она останется с тобой навсегда. Но ты можешь перестать быть чудовищем для тех, кто ни в чём не виноват.

Она закрыла глаза.

— Я... я не знаю как...

Я опустила руку и отступила на шаг.

— Я знаю как, — тихо сказала я. Вокруг нас начал клубиться туман. — Я могу провести ритуал упокоения. Но ты должна отпустить свою ярость добровольно. Иначе это место останется твоей тюрьмой.

Она открыла глаза. В них больше не было ярости — только бесконечная усталость.

— Ты другая... — её взгляд выражал признание.

Действительно, любой другой некромант развеял бы её дух и ушёл. Это заставило мои брови сойтись на переносице.

— Тут уже были некроманты до меня?

Она медленно кивнула. «Хренов Аушка... Значит планировал убить! Гадёныш!» — Ты... убила их?

Ещё один кивок, но теперь в нём не было гордости — лишь констатация факта.

Перед глазами встало лицо наставника Бальера: «Если призрак убил одного из нас — он должен заплатить».

— К демонам Бальера и его правила, — процедила я сквозь зубы. — Его здесь нет.

Нариса посмотрела на меня с любопытством.

— О ком ты говоришь? Я отмахнулась:

— Неважно.

Как только часы пробили полночь, я воздела руки к небу и начала читать заклинание упокоения. Слова были древними и тяжёлыми. Последние строчки слетели с губ. Открыв глаза — герцогиня всё так же смотрела на меня из центра пентакля.

Я шагнула вперёд.

— Ты застряла

Нариса замерла. Её силуэт дрогнул — впервые с тех пор, как она появилась.

— И что ты предлагаешь? — голос Нарисы был тише обычного. Слабее. — Убить меня? Изгнать? Отправить в небытие?

Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

— Отпусти ярость!

Её силуэт задрожал сильнее. На мгновение я увидела её такой, какой она была при жизни: молодой женщиной с надеждой в глазах и любовью в сердце. Но в следующий миг всё изменилось. Её образ вспыхнул изнутри адским пламенем. Волосы разметались невидимым ураганом. Лицо исказила уродливая гримаса безумия.

— Никогда!

Её голос прогремел так резко и громко, что я невольно отступила на шаг назад. Звук был похож на раскат грома среди ясного неба — внезапный и оглушающий.

Она не хочет уходить. Она не хочет прощать. Ей нужна кровь.

Я смотрела на искажённое яростью лицо Нарисы и понимала: обычные ритуалы здесь бессильны. Её душа не просто не упокоена — она проклята собственной ненавистью. Она стала частью этого места, его сердцем, его ядом. Разорвать эту связь можно было только одним способом.

Я выпрямилась, чувствуя, как по венам разливается знакомый холод. Это было опасное решение. Крайне опасное. Но другого выхода не осталось.

— Значит, будет так, — прошептала я, и мой голос прозвучал глухо в наступившей тишине.

Я достала из сумки кусок мела, чёрный, как уголь, и начала чертить новый круг. Не защитный. Призывной.

— Что ты делаешь? — её голос был настороженным.

— То, что должна, — отрезала я, не поднимая головы. Линии ложились ровно, замыкая сложный узор. — Ты не оставляешь мне выбора.

Я чувствовала её взгляд, прожигаящий спину.

— Ты... ты боишься меня?

Я фыркнула, не прекращая работы.

— Я боюсь не тебя, Нариса. Я боюсь того, кого мне придётся позвать, чтобы справиться с тобой.

Круг был готов. Я достала кинжал — простое лезвие без украшений, но с историей, написанной кровью. Сделала надрез на ладони, не поморщившись. Алая капля упала в центр узора.

Пламя вспыхнуло мгновенно. Не зелёное, как обычно, а чёрное с багровыми прожилками. Воздух в круге сгустился, стал тяжёлым и вязким.

Нариса отшатнулась.

— Нет... Ты не посмеешь!

— Уже посмела.

Я начала читать призыв. Слова были древнее камней этой крепости, тяжелее свинца. Они царапали горло и заставляли дрожать землю под ногами.

«Te invocamus te adoramus te laudamus o beata trinitas... Ego sum ille cui libertatem dedisti, ut messem messem tuam».

Ветер стих. Птицы замолчали. Весь мир затаил дыхание.

Тьма внутри круга перестала быть просто отсутствием света. Она стала чем-то. Обрела плотность и волю. А затем тьма заговорила.

— Ты редко просишь о помощи, — голос был похож на шёпот осеннего ветра в сухой листве и скрежет металла по стеклу одновременно. Он звучал отовсюду и ниоткуда.

Она шагнула из тени так легко, словно всегда стояла там, просто была невидима для глаз смертных. Высокая, стройная, в платье цвета звёздной ночи, которое переливалось синими и фиолетовыми оттенками. Золотой корсет в виде костяной руки обвивал её талию, а волосы струились жидким серебром.

Морана. Смерть.

Её взгляд был пепельным и бесконечно усталым. Она посмотрела на меня — коротко, оценивающе — и перевела взгляд на Нарису.

Герцогиня попятилась, её призрачная форма начала мерцать.— Прощу... Великая... Нет!

Морана сделала плавный шаг вперёд. Её движения были грациозны и лишены всякой спешки. Взмах рукой, и магические оковы Нарисы рассыпались серебристой пылью.

Смерть взяла герцогиню за подбородок холодными пальцами и заставила смотреть себе в глаза.

Это длилось вечность. Никто не шевелился. Я видела, как по щеке Нарисы катится призрачная слеза — не от страха, а от осознания. Морана читала её жизнь, её боль, её ошибки так же легко, как я читаю открытую книгу.

Наконец Смерть отпустила её и отступила на шаг. В её руке появился древний кинжал, лезвие которое казалось старше самого мира.

Нариса упала на колени в сырую траву.

— Прощу... — её голос сорвался на шёпот. В нём больше не было ни ярости, ни надменности — только бесконечная усталость и мольба. — Дай хоть одним глазком увидеть их... мужа... дочь...

Морана ничего не сказала. Она просто смотрела на неё с непроницаемым лицом. А затем одним плавным движением взмахнула кинжалом. Не было ни звука удара, ни вспышки света.

Я осталась одна посреди кладбища. Рука болела, ладонь была испачкана кровью и пеплом. На душе было пусто. Но впервые за эту долгую ночь я чувствовала странное, звенящее спокойствие. Дело было сделано.

Я перевела взгляд на то место, где только что стояла Нариса. Там ничего не было. Ни призрака, ни искр, ни даже лёгкого колебания воздуха. Она не ушла. Она не отправилась за грань к семье. Она просто... перестала быть.

Её душа не рассыпалась мириадами светлячков, уносящих свет в небеса. Она растворилась, как капля чернил в океане вечности. Беззвучно. Безвозвратно. Её ярость, её боль, её любовь — всё это стало частью великой пустоты. Стерто. Уничтожено. Не прощено, а именно стёрто из ткани бытия.

Нариса не нашла покоя. Покой — это дар, а ей досталось забвение. Вечность без возможности перерождения, без шанса на новую искру. Просто... конец.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как холодный воздух обжигает лёгкие. Это была не победа. Это была зачистка.

Проходя по коридору в бойницу, где горел факел, я задумчиво взглянула на него и, хмыкнув, схватила.

Воздух застрял в легких колючим комом. Вернувшись к дубу, я с силой выдохнула и швырнула факел. Пламя мгновенно охватило сухую кору старого дуба, жадно взметнувшись

вверх по стволу. Пламя, брошенное к подножию, разметало вокруг себя искры, и вскоре дерево вспыхнуло, словно давно ждало этого момента.

Сердце колотилось так громко, что я боялась — оно заглушит треск пламени. Свет ударил по глазам, заставив зажмуриться. Даже сквозь веки я видела багровое зарево. Горячая, едкая вонь смолы и пепла забила носоглотку. Я закашлялась, чувствуя привкус гари на языке. Листва зашипела, скручиваясь в чёрные клочья, а языки пламени, словно живые, лизали всё выше, добираясь до самой кроны.

Когда дуб превратился в столб пламени, силы внезапно покинули меня. Колени подогнулись, и я опустилась на землю, чувствуя, как дрожат руки. Огонь ревел впереди, а внутри была звенящая тишина.

Волна жара окатила меня, словно я подошла к открытой печи. Кожа мгновенно покрылась липким потом, а рубашка прилипла к спине. Над верхушками дерева за клубился густой чёрный дым.

Мой взгляд привлек отблеск около могилы Нарисы. Металл обжег пальцы мертвенным холодом. Я вздрогнула, словно коснулась не золота, а льда. Пальцы сами сжались вокруг находки до побелевших костяшек. Это был тот самый кулон. Последнее напоминание о не спасенной душе.

Покидала я цитадель, когда дуб сгорел полностью, магическое пламя, истратив свою силу на многовековой дуб, угасло, а остатки пепла от дерева ветер унес, как и историю герцогини, мстившей за свои ошибки.

Выйдя на плац с восходом солнца, я увидела разгневанную толпу. Нищие и бродяги, которых я прогнала из цитадели, собрались у ворот — человек пятьдесят, не меньше. Они стояли плотной стеной, сжимая в руках палки, камни, обломки досок — всё, что могло служить оружием. В их глазах горела ненависть вперемешку с отчаянием.

— Проклятая тварь! — крикнул кто-то спереди, и камень полетел в мою сторону.

— Ведьма! Грязная сука! — завопил другой, швыряя ещё один камень.

— Тёмная дрянь! Убирайся из нашего дома!

— Колдунья проклятая! Ты за это ответишь!

— Сдохни, ведьма! Сдохни!

Камни летели в меня один за другим, но близко подходить они боялись. И правильно делали.

— Она украла наш дом! — кричала женщина в рваном платье, прижимая к груди ребёнка. — У нас ничего нет! Ничего!

— Мы здесь жили! Жили! — вторил ей худой мужчина с пустыми глазами. — Десять лет жили!

— Призрак нас защищал! — выкрикнул кто-то сзади. — А ты его убила! Убила!

— Мразь! — плевался старый нищий, сжимая кулаки. — Кто ты такая? Ты думаешь, ты лучше нас?

— Да пошла она! — крикнул молодой парень, размахивая палкой. — Давайте её! Вместе!

Но никто не решался двинуться вперёд. Страх перед магией — перед некромантией — был сильнее ярости.

«Труссы. Храбрые только на словах.»

Они нашли здесь приют. Кров. Защиту. Надежду.

А я забрала всё это.

Воспользовавшись их страхом, я подняла магический щит — серебристая пелена вспыхнула вокруг меня, отражая летящие камни, — и быстро проскочила мимо толпы. Ноги несли меня к выходу из крепости.

Нищие бросились следом, крича и размахивая оружием:

— Убей её! Убей ведьму! Она украла наш дом! Сдохни, тварь! Гони её! Гони!

Так мы промчались через Южные ворота — я впереди, они сзади, крики гнали меня вперёд, как стая волков гонит оленя, — и вылетели напрямик под прицел арбалетов.

Гетенбургские рыцари стояли в боевой готовности, их доспехи блестели в утреннем свете, а арбалеты были направлены прямо на толпу.

«Отлично. Просто отлично.»

Толпа резко остановилась, увидев оружие. Нищие переглянулись — страх перед сталью оказался сильнее ненависти ко мне.

— Назад! — рявкнул один из рыцарей.

Толпа медленно попятилась, но не расходилась. Они смотрели на меня с той же яростью, с какой смотрят на волка, отнявшего добычу.

Ровный строй арбалетчиков стоял не шелохнувшись, только двое, по приказу своего командира, расступились, пропуская Его — моего столичного знакомого, Лорда Теодора Рояна де Маутхен:

– Темного утра, госпожа Кас.

Глава 3 Дорогой фальшивомонетчик

Письмо от Катарины обещало скуку, а привело меня прямиком в лапы к циклопу. Кто бы мог подумать, что академическая переписка закончится именно так?

Ещё до того, как я пересекла границу княжества, в сумрачных лесах Мириды, окольцовывающих земли Аэдора, судьба свела меня со старым другом — Вильямом. Бывший вор, чьё имя гремело в тёмных переулках, и мастер подделки долговых расписок, променявший звон монет на лязг рыцарских доспехов.

Ему не раз удавалось ускользать от виселицы, и это умение пригодилось ему как нельзя кстати. Он научился скользить между тенями и менять лица так же легко, как другие меняют перчатки. Этот талант сначала завёл его к бродячим лицедеям, а оттуда — немислимым образом — на службу к князю Бернаду.

Теперь мой старый друг носил герб на груди и выполнял тайные поручения. Одно из них касалось меня. Сомневаюсь, что сам князь Аэдора вообще знал о моём существовании, но Катрин... Она всегда была слишком предусмотрительна для простой дружбы. Её «милое» поручение встретить меня вызывало больше вопросов, чем давало ответов.

Впрочем, ответы могли подождать. Сейчас мы со всех ног неслись сквозь чащу, петляя между вековыми стволами. И только когда топот циклопа стих вдали, мы, утирая пот со лба, наконец-то смогли по приветствовать друг друга.

— Восхитительно, — выдохнула я, привалившись к шершавому стволу дерева. — Аэдор славится своими пейзажами, но я не припомню в путеводителях раздела «Бегство от одноглазых троглодитов». Это новый туристический маршрут?

Вильям сплюнул на землю и вытер пот со лба тыльной стороной ладони. Его дыхание уже выровнялось, а в глазах появился знакомый мне расчётливый блеск.

— Ха... — протянул он, поправляя перевязь с мечом. — Редкий вид. Обычно они сидят в своих ледяных норах, но когда с гор начинает течь дерьмо — в прямом и переносном смысле — они спускаются вниз. Глупые прут на деревни, где их ждут рыцари. Умные, как этот экземпляр, — он кивнул в чащу, — уходят в лес. Экономия ресурсов.

— Рыцари, подвиги, слава... Стандартный набор для идиотов. Но ты-то здесь каким боком? Я слышала, твой «бизнес» с бумажками процветает. Или ты решил освоить нишу «Охота на циклопов для чайников»?

Вильям усмехнулся, но улыбка вышла кривой и невесёлой. Он медленно достал из кармана потёртую монету и подбросил её на ладони.

— Так и было. Пока империя не решила провести «оптимизацию активов». Мне пришлось обналичивать векселя собственной жизнью, чтобы не познакомиться с топором новой власти. Я потерял всё. Весь портфель инвестиций сгорел.

Я резко остановилась. Ветка под ногой предательски хрустнула.

— Что? Ты хочешь сказать, что Жардон де Пак просто списал Пасифлору в убыток?

Горечь обожгла горло. Империя за последние семь лет разрослась, как раковая опухоль. Теперь у них был выход к морю и эльфийским границам. Если император Эвернесса решит атаковать Старший Народ, мир захлебнётся кровью, и даже мои навыки некроманта не помогут собрать этот пазл обратно.

— Этот психопат не остановится, пока не превратит запад в свой личный погост, а потом может и о севере подумает.

От одной мысли об этом тиране сводило скулы. Но его война — это лишь полбеда. Хуже солдатских сапог — страх, который он несёт. Страх перед тьмой. А в его империи тьмой считается любое знание, неподвластное жрецам света. Включая некромантию.

Пока я размышляла о грядущей катастрофе и слухах, Вильям убрал монету и заговорил тише. В его голосе больше не было цинизма, только усталость человека, потерявшего все.

Услышав последние новости, я присвистнула, заставив Вильяма поморщиться.

— Впечатляет, — я позволила себе кривую усмешку. — От вора до рыцаря. Почти история для баллад.

Он фыркнул, но в этом звуке не было веселья. Его рука машинально легла на эфес меча, поправляя съехавшие набок ножны. Даже в парадном камзоле он выглядел так, будто минуту назад выбрался из кабацкой драки — или только собирался в неё ввязаться.

— А у тебя что? — его голос был низким. — Куда на этот раз занесло злую темную? Что в ночи закапывает врагов? Или, может, выкапывает?

Я не ответила. Вместо слов я шагнула к нему, сокращая дистанцию до опасной близости. Мои пальцы коснулись кожаного ремня на его поясе, затягивая его ту же. Жест был хозяйским, почти интимным.

— Ты так себя выдашь, дружище, — прошептала я ему почти в самое ухо. — Стража у ворот не оценит твой... богемный стиль.

Вильям замер под моим прикосновением. На мгновение маска циника сползла, обнажив что-то живое и уязвимое. Но он тут же отшатнулся, разрывая контакт.

— Я не собираюсь задерживаться тут надолго, — бросил он с обезоруживающей лёгкостью, разводя руками в стороны, словно демонстрируя готовность уйти прямо сейчас.

Моё сердце сжалось в ледяной комок. Я заставила себя сохранить лицо.

— Возможно, тебе стоит подумать... — начала я, подбирая слова так осторожно, будто шла по минному полю.

Он оборвал меня резким взмахом руки.

— Нет, Кас. Мне здесь нет места.

Я сжала зубы так, что скрипнула эмаль. «Не стану тратить воздух на уговоры. Хотя по мне...» Он упрямо мотнул головой, пресекая спор ещё до его начала.

— Назови хотя бы одну причину! — выдохнула я с раздражением, которое уже не могла сдерживать.

Вильям отвернулся. Его спина была напряжена, как тетива лука.

— Скоро ты сама всё увидишь, — бросил он через плечо.

Мы продолжили путь в звенящей тишине.

Спустя пару минут мальчишка всё же не выдержал:

— Ты так и не ответила на мой вопрос.

Я медленно возвела глаза к светлому небу. Облака плыли безмятежно, им не было дела до наших проблем. Чем больше я вспоминала последние два года, тем меньше мне хотелось делиться этим с другом. Но он ждал. Собравшись с мыслями, я швырнула ему полуправду:

— Отдыхала на Единой земле.

Вильям остановился так внезапно, что я по инерции прошла ещё пару шагов вперёд и развернулась к нему. Он смотрел на меня так, будто я только что заказала ему стейк из вампира средней прожарки вместо обычного бифштекса.

— Где? — его голос сел до едва слышного хрипа.

Я вздохнула и повторила громче:

— На Единой земле.

Теперь его лицо исказила целая гамма эмоций: недоверие смешалось с обидой и глухой яростью.

— А мне ты говоришь об этом только сейчас? — холодно процедил он.

Я понимала его боль. Когда-то давно он признался мне — после пары кружек эля, конечно, — что копит на «билет». Для него Единая земля была мифом, раем для авантюри-

стов. Говорить ему правду о том месте было бессмысленно. Это было бы жестоко. Поэтому я просто набрала воздуха и нанесла удар:

— У меня есть ещё один билет.

Рыцарь сверлил меня взглядом. Всю жизнь зарабатывая на хлеб ложью, он видел меня насквозь и сейчас явно подозревал подвох. Закатив глаза от его недоверия (и от собственной трусости), я залезла в сумку и достала заветный пропуск. Билет бил точно в цель — в самое уязвимое место Вильяма.

Не успела я опомниться, как этот пройдоха выхватил его из моих рук с ловкостью уличного карманника. Он впился в пергамент взглядом так, словно тот вот-вот растает в воздухе или вспыхнет пламенем. Оторвавшись на мгновение от созерцания своей мечты, Вильям ошалело посмотрел на меня. В его карих глазах смешались недоверие и отчаянная мольба.

— Это же не подделка? Ты ведь его не подделала... или не купила копию?

Он смотрел из-под чёлки, спадающей на глаза, и ждал ответа. Мне же захотелось пошутить. Сказать какую-нибудь колкость о том, что его уроки не прошли даром. Тьма внутри меня сладко заурчала. Это был идеальный момент — ударить по его надежде, забрать билет и навсегда остаться той, кого он боится. Пальцы сами собой сжались в кулак с такой силой, что ногти впились в ладонь. Но я заставила руку опуститься. Закрыла уже раскрытый для насмешки рот и убрала ухмылку с лица.

— Он настоящий, — поморщившись от воспоминаний о том несчастном собутыльнике, ответила я. — Выменяла у одного пропойцы, которому билет уже не поможет — его печень держится на честном слове.

Хитро прищурившись (маска вернулась на место), я ткнула пальцем в Вильяма:— А вот ты можешь начать с нуля. Стать кем-то большим, чем парень, промышляющий кражей кошельков и чужой жизни.

Шатен замер. Он так и стоял посреди двора с билетом в руке, прижав его к груди так судорожно, словно боялся уронить своё счастье или что я передумаю. Слово «архимаг» повисло в воздухе между нами тяжёлым грузом. Его плечи дрогнули один раз, затем другой. Маска циника треснула и осыпалась осколками к нашим ногам.

Как мальчишка, он издал нечленораздельный вопль восторга и запрыгал вокруг меня.

Не ожидав такого представления от рыцаря княжеской службы, я на секунду выпала из реальности. А пришла в себя от того, что мои рёбра протестующе скрипнули. Он сжимал меня так крепко, словно боялся, что я исчезну, растворюсь в лесной тени — привычная для меня роль.

— Убери руки! — рявкнула я, резко выворачиваясь из объятий.

Скинула плащ и схватилась за ноющий бок. Вильям, кажется, не понял причины моего протеста, но попыток вновь стиснуть меня в тисках предпринимать не стал. Он лишь глядел на свой драгоценный билет, который мне в тот момент хотелось разорвать в клочья и сжечь. Просто чтобы увидеть, как на его лице проступит отчаяние и горечь потери того, что никогда не станет частью его бестолковой жизни.

Поймав себя на этой мысли, я глубоко вздохнула и резко выдохнула, считая до десяти. Тьма внутри меня медленно отступала, позволяя мыслям очиститься от шёпота злых соблазнов. Бок тянуло, а на белой рубахе начали проступать алые капли. Увидев это, Вильям резко замер.

— Кассандриэль, у тебя кровь! — он ткнул пальцем в мою рубашку. — Почему ты не сказала, что ранена? — уже другим, суровым тоном добавил он.

Из моего рта вырвался лишь нечленораздельный звук — нечто среднее между стоном и проклятием в адрес одного конкретного индивида. Услышав это, он подскочил ко мне.

— Тебе плохо? Дай осмотрю рану! — он схватил меня за край рубашки и резко дёрнул вверх.

От такой наглости я обомлела и успела лишь отшатнуться.— Rrrrrr... — вырвалось из моих уст.

Шатен от внезапного рывка покачнулся назад так, что послышался треск несчастного куска ткани. Рубашка не выдержала напора.

— Ой... — прозвучало в звенящей тишине леса.

Мой глаз непроизвольно дёрнулся и начал наливаться чернотой уже во второй раз за день. Я бы дала волю тьме, но шорох плаща и недовольное «мяу» из-под него вернули меня на брэнную землю. Я посмотрела вниз: на меня уставился Бонифаций выражением крайнего осуждения на усатой морде.

Тяжело выдохнув, я подошла к плащу, встряхнула его и накинула на плечи, пытаюсь скрыть наготу. Обернувшись же к всё ещё красному как рак Вильяму, который стоял, открывая и закрывая рот в безуспешных попытках выдать себя за существо разумное, я растянула хищную улыбку, обнажив белые клыки.

— Вильям, ты похож на монаха, державшего обет целомудрия все эти годы, — нежно пропела я, подливая масла в огонь.

С земли донеслось недовольное шипение чёрного кота.

Закатив глаза, я подняла своего спутника и позволила ему залезть мне на плечи, распластавшись чёрным меховым воротником. Кажется, произошедшее отрезвило друга. Он откашлялся в кулак и резче, чем следовало бы, спросил:

— Это ещё что? Мне казалось, ты никому и никогда не прощаешь желания сесть на шею, а тут ещё и столь бесстыдным образом.

Он пытался свести свой неуклюжий вопрос в шутку и при этом незаметно дёргал за кусок льна, так некстати зацепившийся за его наручи.

Я лишь шире улыбнулась, мягко поглаживая гладкую шерсть своего спутника, и стрельнула глазами в Вила:

— Ты прав. И я бы с радостью скинула это адово исчадьё... только вот он ещё не отошёл от произошедшего.

— Не отошёл? От чего? — Вильям делал всё, чтобы перевести тему с недавнего казуса.

Сделав вид, что не замечаю его борьбы с остатками моей рубашки, я перевела всё внимание на чёрного бесёнка, который уже снова дремал у меня на плечах.

Кот недовольно заворчал сквозь сон, крепче вцепляясь когтями в плащ. Вильям шёл рядом, насвистывая что-то себе под нос и делая вид, что не замечает, как я морщусь от боли в боку.

— Знаешь, — начала я, глядя на умиротворённую Бонифация, — он не всегда был таким... вальяжным. Я нашла его в столице Гетенбурга. Точнее, это он нашёл меня. Вернее, я спасла его шкуру от участи быть разорванным сворой псов.

Вильям фыркнул, даже не повернув головы:

— О да. История про «бедного котика» от злой некромантки. Звучит как начало плохой баллады. Или как попытка оправдать наличие ходячей неприятности на своих плечах.

— Не язви. Это было... познавательно. Я как раз шла в портовой район, искала одного алхимика. И тут из подворотни вылетает этот чёрный комок шерсти, а за ним — свора псов размером с некрупного медведя.

Я невольно ускорила шаг, вспоминая тот день:

— Ногу обожгло болью — когти у этого паразита — я бросила хмурый взгляд на кота. — ...думала прибить гадёньша на месте. Но тут выскочили эти глистастые.

Вильям наконец посмотрел на меня с интересом:

— И ты, конечно, выбрала спасение кота. Как... нерационально.

— Приоритеты пришлось пересмотреть со скоростью молнии. Сожжение наглой морды могло подождать. Я рванула так, что только пятки засверкали. А эти твари никак не отставали.

Я замолчала, глядя перед собой невидящим взглядом.

— Очнулась только на крыше.

Вильям замедлил шаг, его голос стал тише:

— А потом?

— Прогнала этих шелудивых демонов и отправилась в гостиницу.

— Серьёзно? И ты притащила его к себе?

— Я же сказала, Вил. Из-за чёртовых собак всё из головы вылетело — обиженно бросила я.

Шатен примирительно вскинул руки:

— Ладно-ладно, понял. И что дальше?

— А дальше я его отмывала и штопала. Этот задохлик был похож на грудку костей, обтянутую драной шкурой.

— Значит, ты у нас теперь кошатница, — подтрунивая надо мной, произнёс Вильям.

Я проигнорировала его подколку:

— Ты бы лучше подсказал, что с ним делать. После того как лесной дух его подлатал, он ест почти без остановки! — возмущённо продолжала. — Я лишь на пару минут посадила его в сумку, а он что?

— Что? — изумленно воскрикнул Вильям. — Какой дух?

Я мученически возвела глаза к небу:

— Кот сожрал все запасы!

Все еще переваривая полученную информацию шатен недоумении протянул:

— А зачем ты посадила его в сумку с едой?

Я застонала и посмотрела на него:

— Пока меня не было, он перелез из одной сумки в другую! — с рычащими нотками произнесла я и бросила взгляд на свисающее с моих плеч тело.

Бонифаций никак не отреагировал, продолжая изображать меховой воротник.

Вильям придя в себя, начал тихо посмеиваться над моими жалобами, вызвав новую волну негодования.

Так, продолжая обсуждать последние новости и проклятого прожорливого кота, мы и добрались до столицы Аэдора — Армонии.

Стоило пересечь ворота, как сладкий, приторный аромат цветов ударил в нос. Я поморщилась и вдохнула глубже, пытаясь отделаться от ощущения, что попала в гигантскую теплицу.

Куда ни глянь — стены домов оплетали живые гирлянды. Буйство красок карабкалось по каменной кладке к самой черепице. Она была ярко-красной, почти кровавой на фоне зелени, и оттого каждый дом выглядел как пряничный терем, выставленный напоказ.

Мы шли по мостовой, и под ногами вместо привычной грязи и сточных канав хрустел идеально ровный камень. Из-за каждого забора — а заборы здесь были низкими и аккуратными, явно для красоты, а не для защиты — выглядывали идеально подстриженные кусты и пёстрые клумбы.

Горожане прогуливались неспешно. Их лица... Я замедлила шаг, вглядываясь. Они светились. Не просто улыбались — они излучали какую-то идиотскую, беззаботную радость. Ни одного хмурого взгляда, ни одной торопливой походки. Энергия света была настолько плотной, что у меня зачесались костяшки пальцев — рефлекторно захотелось сплести щит от этой приторной благодати.

Торговый квартал оглушил шумом, но это был правильный, чистый шум. Никаких грязных палаток с драным полотном. За чисто вымытыми стёклами витрин блестели товары. Лишь у кафе жизнь выплёскивалась наружу: за столиками сидели люди всех возрастов, смеялись, звенели посудой.

Я остановилась у одной из витрин. Внутри группа девушек лет семнадцати, перехихикиваясь, прикладывала к себе платья. Они не просто мерили одежду — они восхищались друг другом так искренне, будто не видели ничего прекраснее в своей жизни.

Я протёрла глаза и снова посмотрела вокруг. Вся эта радушная обстановка вызывала недоумение и острое ощущение театральной постановки. Словно кто-то нарисовал декорации к сказке и населил их массовкой, забыв предупредить актёров, что пьеса уже кончилась.

— Теперь понимаешь, — идя прямо и не глядя по сторонам, хмуро произнёс Вильям.

Я открыла и закрыла рот, но друг, будто прочитав мысли, кивнул:

— Они всегда такие... — он махнул рукой, пытаясь подобрать слово.

— Ненормальные? — подсказала я.

Проходящая мимо женщина одарила меня таким осуждающим взглядом, будто я предложила сжечь местную святыню. Я лишь криво усмехнулась ей в ответ.

— Вот насчёт этого я не уверен, — задумчиво протянул Вильям. — Понимаешь, с их точки зрения ненормальная как раз ты! — он резко остановился на перекрёстке и ткнул в меня пальцем.

— Сам же говорил, что тебе здесь не нравится! — возмущённо воскликнула я.

— Я и не говорю, что разделяю их мнение, — примирительно поднял руки шатен. — Но сама посмотри: они живут как у Высших богов за пазухой. Солнце круглый год, вино льётся рекой, земля плодоносит. Приезжих — не счесть, деньги сыплются на голову.

Он рассказывал об этой прекрасной жизни, а я взирала на всё с ироничной усмешкой. Его слова звучали как рекламный проспект для идиотов.

— Ты себя слышишь? Если здесь всё так прекрасно, отчего же ты норовишь сбежать? Открой своё дело, глядишь, приезжие и тебе денег отвалят. Ты же неплохой артефактор.

Вильям кивнул, но его лицо стало ещё мрачнее:

— Меня тошнит от их радушия. Если ещё раз услышу фразу: «Как прекрасен сегодняшний день!», я отрежу себе уши, — он буквально выплюнул эти слова.

Я посмотрела на него внимательнее. Желваки на его скулах ходили ходуном. Кажется, произошедшее в Пасифлоре подкосило его сильнее, чем он пытался показать. Оставалась слабая надежда, что билет в кармане поможет ему склеить разбитые осколки прошлого.

Бонифаций, до этого мирно дремавший на моих плечах, вдруг резко поднял голову. Его усы встопорчились, он принялся и, соскочив вниз, без предупреждения рванул вглубь одной из боковых улиц.

— Бонифаций! Стой! — я оборвала поток беспокойства за друга на полуслове и рванула вслед за котом, но меня грубо схватили за кисть.

Резкая остановка заставила меня пошатнуться. Я едва не распласталась на мостовой. Гневно взглянув на рыцаря, я резче, чем следовало, спросила:

— Какого Урха?

Вильям тут же разжал пальцы, словно обжёгся, и понизил голос, бросив взгляд на прохожих:

— Ты куда? Нам в ту сторону, — он указал на светло-коричневую дверь с вывеской «Гостиница Мэтью».

Я вырвала руку и потерла запястье, где уже наливались синяком чужие пальцы.

— Задери тебя дракон! — прошипела я.

— Прости, — он примирительно коснулся моего плеча.

Я повела им в сторону, сбрасывая его руку. Этот жест заставил шатена нахмуриться ещё сильнее. Он взъерошил волосы на затылке — явный признак того, что он пытается подобрать слова для новой попытки извиниться. Но я уже окончательно потеряла Бонифация из вида. Лишь махнула рукой и, развернувшись на каблуках, молча пошла к гостинице.

Вильям так и не понял, что именно произошло. Он проводил меня до двери, явно чувствуя себя виноватым, но не зная, как это исправить. У входа мы простились; он пообещал зайти чуть позже и сопроводить меня во дворец.

Перспектива не радовала. Я бежала от одного двора, чтобы попасть в другой. Хотя, решаясь ехать в Аэдор, стоило понимать, что Катарина затащит меня ко двору при первой же возможности. Хотя бы ночевать среди вечного пафоса и занудства не придется.

Глава 4 Правила отбора

Номер, который Катарина для меня забронировала, поражал размерами. Окна выходили во двор, отрезая комнату от городского шума и суеты.

Взгляд тут же приковала кровать: гигантская, с невероятно пышным матрасом. Не раздеваясь, я с разбега запрыгнула на неё. Тело утонуло в перине, и я медленно провалилась вниз, словно в облако.

— Похоже, я попала в сказку, — протянула я, валяясь на спине.

Приподнявшись на локтях, я осмотрелась. Всё вокруг было выполнено из тёмного дерева и тяжёлых тканей благородных оттенков. Я провела рукой по прохладной спинке — прикасаться к такой роскоши было непривычно.

Повалявшись ещё немного, я решила найти купальню. Она оказалась за дверью с другой стороны гостиной.

Переступив порог, я замерла. Пол и стены были выложены гладким, отполированным камнем. Едва я вошла, один из мелких камушков в кладке вспыхнул мягким светом. По телу тут же разлилось приятное тепло. С потолка полилась вода — сплошным потоком, наполняя огромную каменную бадью в центре комнаты.

Я быстро сбросила грязную, местами порванную одежду и шагнула под струи. Вода оказалась удивительно тёплой. Я закрыла глаза, подставляя лицо под водопад.

На полке у стены стояли десятки баночек. Взяв одну наугад — внутри оказалось густое масло с запахом трав. Другая пахла чем-то сладким. Я высыпала в воду горсть сухих лепестков. Жидкость тут же окрасилась в нежно-лиловый цвет, по поверхности поплыла пена, а воздух наполнился ароматом лаванды.

Я опустила в бадью по шею. Мышцы расслабились так, словно я впервые за месяц выдохнула.

— Не знаю, что за магия, но я готова остаться здесь навсегда, — сквозь довольный стон протянула я. Глаза начали слипаться, а мысли стали медленными и тягучими.

Сумрак, заполнивший купальню, выдернул меня из дремы. Тело тут же покрылось мурашками — вода в бадье превратилась в ледяное стекло, а остатки пены липли к коже противной плёнкой. Я поёжилась и, стиснув зубы, быстро ополоснулась, прогоняя остатки сна.

Схватив мыло, я наспех затерла пятна на одежде, но, подняв рубашку к тусклому свету, лишь скривилась. Ткань расплзлась под пальцами, как мокрая бумага. С раздраженным выдохом я швырнула бесполезную тряпку на пол.

— Пункт первый, — пробормотала я, плотнее закутываясь в полотенце. — Купить рубашку. Желательно — дюжину.

Оказавшись в спальне я быстро натянула платье. Вещей было кот наплакал. Перебирая скудный гардероб, я пыталась прикинуть, в чем не стыдно заявиться к подруге. Вывод был неутешительным: мой вид годился для трактира, но никак не для дворца.

— Пункт второй, — протянула я, с тоской глядя на пустой шкаф. — Нарядиться так, чтобы не выглядеть нищенкой.

Мысль о том, во сколько это встанет, неприятно кольнула кошелёк. Я тряхнула головой, отгоняя тревогу. Сейчас же желудок сводило от голода. А еще этот Бонифаций... Я поймала себя на том, что прислушиваюсь к тишине за дверью, и это злило. С каких пор я вообще забочусь об этом наглом коте?

Выбросив из головы и финансовые проблемы, и блудное животное, я запахнула платье и решительно вышла в коридор. Ужин! Мой законный ужин, который я проспала, должен быть где-то здесь.

На втором этаже я буквально налетела на служанку. Девушка присела в торопливом реверансе.

— Ужин сейчас будет, госпожа! — затараторила она. — И... тут был господин Вильям! Час назад! Он стучал, но вы спали. Просил передать: завтра в восемь он ждет вас внизу. Чтобы отвести к ее светлости Катарине Шерон...

Я вгрызлась в утиную ножку, и мир вокруг перестал существовать. Кожа хрустнула, выпуская горячий, пьянящий сок. Сливочно-грибной соус обволок язык — мягкий, бархатистый, с едва уловимой кислинкой, от которой по спине пробежали мурашки. Это было не просто вкусно. Это было волшебство кулинарии.

В тот момент я была готова поклясться: кем бы ни был повар, я готова лично доставить его на Остров Надежды или исполнить любое, самое безумное желание этого гения с золотыми руками. Иногда не нужен физический контакт, чтобы получить незабываемое удовольствие!

Десерт стал последней каплей. Я поняла, что без зазрения совести похитила бы этого мастера и заперла в подвале, заставив готовить только для меня. Это было выше всяких похвал.

Хрустящая корочка песочного теста, посыпанная золотым сахаром, треснула под вилкой. Внутри скрывалась нежнейшая кремовая начинка... А венчала это великолепие россыпь свежих ягод — терпкая малина и ежевика, взрывающиеся кислинкой. Завершали картину ломтики сладкого миндаля, создавая идеальный контраст текстур. Каждый кусочек буквально таял во рту, оставляя долгое, пряное послевкусие.

Это было идеальное завершение ужина.

Поднявшись из-за стола в полнейшем блаженстве, я залпом осушила бокал вина и, не раздеваясь, рухнула на кровать. Матрас принял меня в свои объятия, и я провалилась глубоко в царство Морфея.

Ночную тишину разорвал глухой крик. Подскочив, я, не разлепляя глаз, нащупала под подушкой рукоять кинжала. Шум доносился из коридора.

Простонав, пришлось откинуть одеяло, и выйти в коридор.

Едва я открыла дверь, как что-то тёмное и пушистое влетело мне в ноги.

— Ух ты ж, тролль болотный.

Чудом удержав равновесие, я вцепилась в косяк.

В коридоре царил хаос: сновали заспанные слуги с фонарями. Ко мне тут же подбежал запыхавшийся паренёк лет шестнадцати.

— Госпожа! Приносим извинения! К нам кот чёрный проник... Пытаемся изловить! — выпалил он, готовый сорваться с места.

Быстро сложив два и два, я ухватила паренька за шиворот. Он издал сдавленный «ы-ыть» и повис в воздухе. Быстро поставив его на ноги, я отряхнула несуществующую пыль с его плеча.

— Вам не нужно искать кота, — спокойно сказала я, — он у меня.

Не давая мальчишке опомниться, я добавила, изогнув бровь:

— Это мой кот. Я его... выгуливала. Он, видимо, решил, что ночная охота на прислугу интереснее.

И тут же наклонилась к его лицу, вторгаясь в личное пространство. Мой взгляд стал тяжёлым, как могильная плита.

— Или вы вздумали его мучить? — тихо, почти шёпотом спросила я. — Бедняжка так испугался, что забыл, где его дорогая хозяйюшка остановилась? А страх, знаешь ли, имеет специфический привкус. Не хотелось бы мне чувствовать его здесь снова.

Слуга окончательно растерялся, его кадык нервно дёрнулся. Он промычал что-то невнятное и поспешил ретироваться, спотыкаясь на ровном месте.

Захлопнув дверь, я взмахом руки зажгла свет в номере и начала поиски одного юродивого кота. Тот же обнаружился аккурат под кроватью. Сжавшись в комок, весь в грязи и пыли, он злобно взирал на меня. Второй раз за ночь на моем лице возникло удивление.

Похоже, совесть одного не являлась встроенной функцией. Послышался новый недовольный мяв. От чего резко наклонившись к коту, я провела пальцем по горлу. Эта угроза подействовала. Кот зашипев, прыгнул на пол и побежал к двери.

И в этот момент раздался короткий стук.

Предположив, что это могли принести завтрак, я в более поднятом настроении отправилась к двери, где уже поджидал Бонифаций.

Обменявшись любвеобильными взглядами, я открыла дверь, отпихнув кота ногой в сторону, и услышала что-то похожее на далекий посыл.

Поставив поднос на столик, я решила для начала умыться. Стоило мне выйти из купальни, как первое проклятие сорвалось с пальцев само собой, а уже после в след полетели ругательства:

— Ты! Глиста шерстяная! Когда ты успел всё сожрать?!

Гоняясь за демоническим отродьем, я швыряла в того проклятия. Но эта заразина, окрепшая за последнее время, легко уворачивался от них, что злило ещё сильнее.

Стоило часам пробить восьми, в дверь постучали. Открыв её, я уже не удивляясь, что это происходит снова.

Вильям стоял на пороге, сияя, как начищенный самовар. Его доспех был отполирован до зеркального блеска, а на груди красовался герб: вставший на дыбы единорог. Кудрявые волосы рыцаря были уложены волосок к волоску, а милые веснушки лишь подчёркивали контраст между его добродушным видом и грозным вооружением.

Он прошёл к столу и потянулся к бутерброду. Я зарычала, выхватив тарелку и гневно сверкнула глазами, пытаясь прожевать остатки ветчины.

Удивлённо вскинув брови, Вильям уже открыл рот, чтобы задать вопрос, но я лишь стрельнула взглядом в сторону спальни. Шатен без лишних слов проследовал в указанном направлении и тут же вернулся, присвистнув.

— Интересно, и чем же этот несчастный на сей раз не угодил?

Я запила последний бутерброд чаем и коротко объяснила произошедшее. Рыцарь смеялся до слёз. Что злило меня еще сильнее, но я позволила ему эту слабость, пока заканчивала со сборами.

Заглянув напоследок в спальню, я бросила взгляд под кровать:

— Идешь?

В ответ раздалось лишь глухое шипение. Кот забился глубже, и из темноты теперь торчала только его бритая наголо задница.

Хмыкнув на оскорблённого до глубины кошачьей души бесёнка, я вышла в коридор. Вильям, всё ещё посмеиваясь, последовал за мной.

Оказавшись при дворе, рыцарь проводил меня в сад. В беседке, залитой утренним солнцем, за чайным столиком сидела Катарина.

Её светлые волосы были собраны в две косы, венцом оплетавшие голову. Платье цвета морской волны струилось по фигуре, которую так часто воспевали в балладах. Но я видела не статую, а знакомую улыбку и фиалковые глаза, сияющие неподдельной радостью.

Княжна вскочила так резко, что чашка звякнула о блюдец.

— Кас! — воскликнула она, и в её голосе звенел восторг. — Ты здесь! Я уже трижды послала слугу проверить ворота. О боги, ты совсем не изменилась! Только... — она прищурилась, окидывая меня цепким взглядом, — выглядишь так, будто опять во что-то влипла. Этот твой взгляд... Он у тебя появляется только перед большими неприятностями.

Я усмехнулась, скрестив руки на груди:

— Неприятности — моё второе имя. Но я в порядке. В основном.

Катарина рассмеялась — звонко и заразительно. Мы закружились прямо там, у беседки. За годы в академии она стала единственным человеком, с кем связь не оборвалась после выпуска. Это была настоящая дружба.

Поцеловав друг друга в щёки, мы, кажется, впервые вспомнили о существовании Вильяма.

— Вил, ты ещё здесь? — бросила я через плечо, увлекая подругу в беседку. — Можешь быть свободен. У нас тут чисто женские секреты, которые не для рыцарских ушей.

Княжна фыркнула и заговорщически подмигнула:

— И про того симпатичного барона из свиты отца тоже не для его ушей!

Мы юркнули в беседку и тут же погрузились в обмен новостями, напрочь забыв о приличиях.

— Как тебе номер, который я забронировала? — тут же спросила Катарина.

— Кэти, ты нашла лучший во всём княжестве! — воскликнула я. — Огромная гостиная, спальня с мягчайшей кроватью... А помывочная? Ты бы видела! Всё нагревается само, с потолка бежит тёплая вода. Но самое прекрасное — это еда. О, боги, я не знаю, кто их повар, но я готова молиться за его здоровье. Или похитить его для собственных нужд.

Княжна звонко рассмеялась:

— Рада, что тебе понравилось. Если что-то не так, можно подыскать место при дворе.

— Прости, Кэти, но ты меня оттуда теперь не выселишь. Только вместе с поваром.

Смех Катарины снова разлился по саду, мелодичный, как звон колокольчика.

— Сколько же мы не виделись... Помнишь, как в академии мы доводили магистров?

— Как такое забудешь? — усмехнулась я. — Помню, будто вчера: как мы подлили гримзе по трансформации слабительное в чай.

Наш смех разнёсся по саду.

— А помнишь, как ведьмочки с факультета по зельеварению заперли магистра Этлера? — Катарина смущённо улыбнулась. — Всю лекцию по рунам мы просидели на полигоне, подглядывая за красавчиками-боевиками.

— Скажи честно, — я хитро прищурилась, — часто вспоминала нашу дружбу?

Княжна смутилась и доверительно наклонилась ближе:

— Конечно. Все наши проделки, секреты...

Мы снова захихикали.

— А чем ты занималась все эти годы? — перевела тему её светлость.

Я резко помрачнела. Она тут же напряглась:

— Что-то случилось...

Я замахала рукой:

— Нет-нет. Всё в порядке. Просто за столько лет столько всего произошло... Сложно понять, с чего начать.

Катарина ободряюще улыбнулась:

— Брось, Кас. Я просто хочу знать, всё ли у тебя хорошо.

Я выдохнула и собрала с мыслями:

— Ты удивишься. Я погрузилась в исследования. Изучала древнее искусство...

Княжна подалась вперёд, её глаза загорелись интересом:

— Это просто невероятно!

— Знаешь, иногда, вспоминая старые времена, я... скучаю. Раньше всё было проще, — почти прошептала я, чувствуя, как её пальцы легко коснулись моей руки.

Я подняла взгляд. Катарина смотрела на меня своими большими глазами. В них не было ни капли дворцового цинизма — только та самая детская чистота, которая всегда меня обезоруживала. Может, именно поэтому нас так тянуло друг к другу. Ведь тьма не может жить без света.

Кэти, словно почувствовав смену моего настроения, весело воскликнула:

— Ой, а помнишь, как мы пытались создать собственное зелье красоты?

Я скривилась. В голове всплыла картинка: две двенадцатилетние адепки, дешёвый журнал с рецептом и кастрюля с бурлящей жижей. Мы намазались этой дрянью, а потом месяц ходили с зелёными лицами и бородавками, как у жаб.

От воспоминаний меня передёрнуло. Катарина рассмеялась, глядя на мою реакцию:

— Знаешь, — протянула я, отходя от жутких образов, — возможно, именно после этого случая я решила всерьёз заняться зельеварением. И особенно — противоядиями!

Это вызвало у неё новую волну смеха:

— А тебе как здесь? — спросила я. — Наверное, после Единых Земель двор кажется клеткой?

Кэти смущённо опустила глаза:

— Иногда я чувствую пустоту внутри. Все эти церемонии... Мечтаю сбежать отсюда. Увидеть мир или... вновь уехать туда.

Я понимающе кивнула и крепко сжала её ладони в своих. Кажется, получилось: через минуту княжна вновь сияла. Она беззаботно вытягивала из меня подробности путешествий, а я осторожно делилась ими, припоминая самые забавные моменты.

Так мы и проговорили до обеда, на который нас пригласила присоединившаяся к нам княгиня Висария Шерон.

Огромная зала встретила нас гулким эхом шагов. В центре, словно хребет этого каменного исполина, тянулся длинный дубовый стол. Интерьер дышал сдержанной роскошью: высокие потолки, с которых на цепях свисали позолоченные люстры с магическим светом, и стены в спокойных серо-бежевых тонах создавали ощущение кристальной тишины.

Слуга осторожно отодвинул мой стул. Место оказалось идеальным: я сидела вплотную к Катарин. Расчёт был тонким, и он льстил моему тщеславию. Едва опустившись на сиденье, краем глаза поймала взгляд подруги и ответила ей лёгкой, заговорщицкой улыбкой.

В этот момент тяжёлые двери плавно растворились.

На пороге стоял он. Внушительный. Высокий рост и безупречная осанка выдавали в нём дворянина до мозга костей. Волосы, тронутые благородной сединой, и мягкая улыбка смягчали острые черты лица. Морщинки у глаз говорили не о прожитых годах, а о мудрости и, возможно, о спрятанной внутри мальчишеской игривости. Под расшитым камзолом угадывалось крепкое тело — годы не отняли у него ни силы, ни выносливости.

Его взгляд — карамельно-медовый и пронзительный — заскользил по лицам, оценивая каждого с точностью прирождённого лидера. Когда он дошёл до меня, я ощутила волну тепла. Взгляд излучал такую уверенность и внутреннюю гармонию, что на секунду стало не по себе.

Но, вопреки общему обычаю, я не спешила льстиво раскланиваться, вызывая молчаливый упрек Катарин, пытавшейся легонько пнуть мою ногу своим сапожком. Выдержав ситуацию, я спокойно склонила голову в знак уважения, встретив тихое одобрение князя и лукавую улыбку, вызванную скрытой забавой ситуации. Только почувствовав его приветливый кивок, я расслабилась и поймала себя на лучике интереса, но быстро оборвала себя.

Обед проходил в непринужденной атмосфере, что позволяло понять — в этом помещении находились исключительно приближенные лица. И я являлась одним из них.

За время трапезы никто ни разу не высказал недовольства моей персоной, что было некой передышкой и приятным сюрпризом, но расслабляться я не спешила. Возможно, никто не решил высказать своего мнения в присутствии княжеских особ.

Когда князь Бернارد и её светлость Висария встали, зал синхронно качнулся в поклоне. Через несколько минут за столом остались только мы с Катарин и стайка придворных дам, похожих на ярких, но ядовитых бабочек.

— Катарина, не желаете ли вы в компании вашей подруги присоединиться к нам за послеобеденным чаем? — пропела одна из них.

Гостиная была залита светом, но казалась мне такой же душной, как и обеденный зал. Нам подали травяной чай с засахаренными лепестками роз. Аромат был приторным до тошноты.

Гостиная была залита светом, но казалась мне такой же душной, как и обеденный зал. Нам подали травяной чай с засахаренными лепестками роз. Аромат был приторным до тошноты.

— На третий день солнцестояния граф Вердус устраивает ночные гуляния в своём особняке, — проворковала лира Франциска, изящно отпивая чай.

— Опять... — протянула Мелисса, и в её голосе скользнула тень утомления, хотя пальцы, сжимавшие чашку, побелели. Она лениво откинулась на спинку кресла. — В третий день солнцестояния я еду в леса Мириды. На настоящие народные гуляния!

— О, дорогая, неужели вы вновь намерены лишиться этого пылкого кавалера последней надежды? — с улыбкой, не таящей иронии, произнесла лира Талиэн.

— Бедняга будет в отчаянии! Снова впадёт в уныние! — подхватили остальные, их голоса слились в единый хор, звенящий притворным сочувствием.

Мы с Катариной обменялись быстрыми взглядами. Кэти лишь пожала плечами, не уловив скрытого подтекста. Я же видела, как Мелисса едва заметно прикусила губу, прежде чем бросить очередную острогу. Слишком нервно для той, кому всё равно.

— Да ну вас! — отмахнулась вдова, отбрасывая за спину волосы жестом, отточенным до совершенства. — Этот граф... он просто невыносим.

— Вы хотели сказать, что граф интеллектуально инертен? — уточнила лира Таниэль.

— Лучше бы у него язык отсох, — беззлобно буркнула Мелисса, но её щёки предательски порозовели.

Она резче, чем следовало, повернулась ко мне. В её глазах плясали озорные искорки, но за ними пряталась мольба.

— Госпожа Кассандриэль... Скажите, есть ли заклинание, чтобы отвадить этого... короля скудоумия?

Я прищурилась. Она играла на публику, но её взгляд говорил об обратном. Она не хотела его отваживать. Она хотела, чтобы он продолжал бегать за ней, но тайно.

Отставив чашку, я наклонилась ближе, понизив голос до заговорщического шёпота:

— Боюсь вас огорчить, лира. Такого заклинания нет. Но если вы желаете его проклясть... или сделать так, чтобы он просто испарился... — я сделала паузу, глядя ей прямо в глаза, — ...то вы обратились не по адресу. Я не убиваю тех, кто способен заставить даму так очаровательно краснеть.

Её улыбка на мгновение дрогнула.

Насладившись ее реакцией, я резко и залиvisto рассмеялась, все остальные подхватили мой смех, только вдова старалась более не смотреть в мою сторону. Разговор вернулся в обычное русло и никто не пытался вновь подшучивать над Мелиссой и графом.

— Катарина, сегодня за обедом мы не заметили Его светлость, — задумчиво протянула Талиэн.

Подруга лишь холодно улыбнулась:

— Он занят.

Этого ответа оказалось достаточно. Талиэн прищурилась, явно зацепившись за прохладную интонацию, и я тут же заметила это.

— Наверное, Его светлость занят подготовкой к турниру! — с воодушевлением воскликнула Франциска, будто речь шла о её собственном сыне. — Ему предстоит доказать преданность народу, принести клятву на горе Безликих и победить всех соперников!

Остальные дамы согласно закивали.

Катарина выпрямилась. Спина — идеально ровная, как у статуи.

— Я не сомневаюсь в способностях моего брата. Он пройдёт каждый этап с достоинством рода Шерон.

Поток восхищения наследником возобновился с новой силой. Казалось, каждая из этих женщин готова была лично помочь будущему правителю. В их словах не было ни капли злобы. Только слепая, преданная любовь к правящему дому.

«Слишком идеально», — промелькнула мысль.

— Жду не дождусь начала отбора! — Мелисса захлопала в ладоши. — Почти все гости уже прибыли.

Внесли новый чайник с жасмином.

— Девять дворов прислали своих принцесс, — мечтательно произнесла она.

— Десять, — педантично поправила Юлиния, в очередной раз смахивая невидимую пылинку с платья. — Я видела прибытие кареты из Авантрии час назад.

— Говорят, ко двору со дня на день прибудет принцесса Амира, — тихо добавила Талиэн. В гостиной повисла гробовая тишина. А затем — взрыв.

— Эта выскочка!

— После всего, что было...

— Неужели князь позволит ей...

Я смотрела на них с недоумением. Война ведь закончилась. Мир заключён.

Внезапно Катарина резко встала. Одно её движение — и шквал возмущённых голосов оборвался на полуслове. Она подняла руку, и в зале воцарилась мёртвая тишина.

Реакция на имя принцессы была понятна. Десятилетняя война оставила слишком глубокие шрамы. Я помнила эти хроники: горы трупов, осиротевшие семьи, разрушенные города. Никто уже не помнил, с чего всё началось, но все знали, чем закончилось.

Князь Бернард Шерон положил жизнь, чтобы это прекратить. Но когда король Фердинанд наконец пошёл на примирение, в конфликт влез Вильгельм Третий. Он подстегнул Ливернию напасть на Аэдор, мечтая разделить эти земли.

Князя предали. Чтобы выжить, он выдал старшую дочь за короля Диации. Союз с ними переломил ход войны. Они ударили по врагу с двух фронтов. Вильгельм отступил, а Ливерния осталась разгребать последствия в одиночку.

Я обвела взглядом притихших дам. Их ненависть была живой, осязаемой.

Катарина выпрямилась. Её голос зазвучал холодно и властно, отсекая любые возражения:

— Прошёл год с момента подписания мира. Я понимаю ваше негодование, но не позволю оскорблять принцессу Амиру Эмили дон Иэр. Ни словом, ни делом. Ни в лицо, ни за спиной.

Она чеканила каждое слово. Я невольно выпрямила спину, чувствуя гордость. «Моя школа», — хмыкнула я про себя, вспоминая нашу первую встречу. Тогда я бы ни за что не распознала в забитой заучке дочь князя.

Женщины переглянулись и, словно по команде, кивнули. Франциска тут же сменила тему:

— Подготовка к отбору почти закончена. Как только прибудет её высочество дон Иэр, можно будет объявить о его завершении.

— Думаю, вы правы, — с осуждением поджала губы Талиэн. — Ждать официального представителя от Империи смысла нет. Они даже не удостоили нас ответом.

— С момента исчезновения кузена, император ведёт странную политику, — задумчиво протянула Катарина.

Леди тут же закивали, поддерживая княжну. — Не так давно он объявил войну Лунделии! — возмущённо воскликнула Мелисса. — Королю Жардону пришлось откупаться!

— Боги, это правда! — картинно всплеснула руками Франциска. — Моя кузина в Пасифлоре в ужасе! Не знает, куда податься: в Лунделию ехать не на что, а налоги в Империи после повышения торгового сбора просто грабительские!

Я едва заметно усмехнулась. В её «ужасе» было слишком много театральности. Ей было совершенно наплевать на кузину и народ, потерявший всё.

— Я одна вижу в этом подготовку к войне с эльфами? — с тревогой спросила Талиэн. — Если так пойдёт и дальше, он захватит всю Лунделию! А потом? Рит? Гетенбург?

Я отставила чашку. Фарфор глухо стукнул о блюдо, и все взгляды обратились ко мне.

— Вы ошибаетесь, — мой голос прозвучал в тишине резко и холодно. — Война с эльфами — лишь прикрытие. Ему нужны не южные леса. Ему нужны корабли Авантрии.

Я обвела их взглядом. Леди замерли, боясь вздохнуть.

— Император не пойдёт на юг. Он подчинит себе Авантрию с их лучшим флотом в мире.

Я замолчала, давая им время осмыслить сказанное. В гостиной повисла тяжёлая тишина.

Первой молчание нарушила Катарина. Она не сводила с меня глаз:

— Если император захватит Авантрию, какова вероятность, что ему удастся победить эльфов?

Я выдержала её взгляд:

— Я не могу сказать наверняка, но знаю одно: драконы не позволят занять эльфийские земли. У самих эльфов военная структура, которой нет равных. Эта война, если она начнётся, затянется на столетия. Но что я знаю точно? Она затронет всех. Это станет всеобщей проблемой.

В конце фразы мой голос окреп, не оставляя места для сомнений. В саду повисла тишина. Никто не желал жить в мире, охваченном таким пожаром.

— Возможно... возможно, его светлости стоит... навести мосты с империей? — робко, будто в тумане, произнесла Мелисса.

Тишина стала звенящей. Сестра тут же ткнула её локтем в бок. Четыре пары осуждающих глаз впились в бедняжку.

Мелисса вспыхнула, закашлялась и, пробормотав, что ей дурно, поспешила удалиться. Мы остались впятером.

— Предлагаю опустить эту тему, — примирительно сказала Юлиния. — Возможно, император жаждет не войны, а союза и обмена знаниями. Всем известно, что нет лучших магов природы, чем эльфы.

Дамы тут же согласно закивали, хватаясь за спасительную соломинку.

— Предлагаю обсудить состязания отбора! — быстро сменила тему Талиэн и посмотрела на меня. — Некоторые задания не внушают...

Я встретила её взгляд и вопросительно изогнула бровь.

— Касандриэль — моя гостья, — поспешила пояснить Катарина, правильно истолковав взгляд женщины. — Она не станет распространять услышанное.

Она повернулась ко мне:

— Ведь так?

Я хмыкнула и посмотрела прямо на Талиэн. Приложив руку к сердцу, я произнесла с наигранной торжественностью:

— Уверю вас, лира Талиэн, ваши секреты умрут вместе со мной.

Моя клятва разрядила атмосферу. Дамы тихо захихикали.

— Может, предложите нам интересный конкурс для невест? — с иронией протянула Франциска.

Я возвела глаза к потолку, делая вид, что глубоко задумалась. На самом деле план уже созрел. Я хищно улыбнулась и изрекла:

— Как насчёт «Королевского завтрака»?

Катарина, поперхнувшись чаем, закашлялась. В её глазах плясали черти — она уже поняла, к чему я клоню.

Остальные дамы уставились на нас с беспокойством. Когда княжна отсмеялась и восхищённо посмотрела на меня, я поняла: рыбка клонула.

— О Великие! Как я могла забыть! — воскликнула она. — Госпожа Кассандриэль, поясните суть?

Я выдержала паузу:

— Ничего особенного. Нужно просто съесть «королевский завтрак».

Женщины подались вперёд.

— Что именно? — не выдержала Юлиния.

Я наклонилась и прошептала:

— Самую малость. Одно сырое яйцо. Ложка горчицы. И стакан лимонного сока.

Гостиная содрогнулась от хохота. Катарина смеялась до слёз.

— Побеждает та, кто сохранит достоинство и осанку! — добавила я под общий гвалт.

К концу посиделок программа отбора была полностью скорректирована. Коронным номером стала «Вечеринка века».

Проболтав ещё час, мы с Катариной наконец сбежали из гостиной.

Дворцовый сад утопал в зелени, словно отдельный мир за мраморными стенами. Вечерний воздух был напоен ароматом роз и жасмина, а по дорожкам скользили тени от аккуратно подстриженных кустов. Фонтан в центре тихо журчал, отражая золотистый свет фонарей и бледный диск луны.

Мы с Катариной шли бок о бок, наши шаги тонули в мягкой траве. Подруга, смеясь, наклонилась к клумбе с пионами. Я же провела ладонью по прохладному мрамору скамьи, глядя на россыпь белых лилий у водоёма. Вокруг царил тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы и далёкой трелью соловья.

Мы свернули на узкую тропинку, где кусты сирени образовали зелёный коридор. Лунный свет пробивался сквозь листву, ложась серебристыми пятнами на наши волосы. У старой каменной арки, увитой плющом, я остановилась и посмотрела на подругу.

— Помнишь, как мы прятались от комендантши?

Кэти тихо рассмеялась:

— Конечно. Тогда ты была для меня глотком свежего воздуха.

Я усмехнулась, глядя не на неё, а на тёмную воду пруда, в которой плавали отражения звёзд.

— А сейчас? Сейчас я — некромантка с репутацией, от которой шарахаются даже опытные маги. Кто я для тебя теперь? Очередное напоминание о прошлом...

Катарина перестала улыбаться. Она подошла ближе и коснулась моего плеча:

— А сейчас ты — единственный человек при этом дворе, чьё слово для меня значит больше, чем все клятвы верности.

Мы пошли дальше, мимо клумб с лавандой. Где-то впереди вспорхнула ночная бабочка, и мы замедлили шаг, наслаждаясь моментом. Время будто остановилось.

Вдруг девушка подняла голову к небу:

— Жаль, что такие вечера не длятся вечно.

Я посмотрела на неё с нежностью:

— Но мы можем запомнить их навсегда.

Мы шли в глубь, растворяясь в тених сада, где ночь хранила секреты и детские мечты.

Вернулась в Гостиный двор я уже поздно вечером, и стоило отворить дверь комнаты, как в ноги влетела лысая крыса, улепетывающая куда-то в даль по коридору, вызывая громкий крик каких-то женщин.

Недоуменно проводив животное взглядом, медленно, но верно, до меня дошло. Сегодня утром, уходя из номера, я оставила глупого кота одного, к тому же ещё и обрила.

«Ой», я закусила губу, виновато посмотрев в то направление, в котором он умчался. Прикинув, что заблудиться он уже не сможет, я отправилась отдыхать.

После горячей ванны моя совесть всё-таки дала о себе знать. Пусть я оставляла Бонифацию еду, стоило открыть хотя бы окно. Вдохнув, я села на кровать и, махая ногами, смотрела на темное небо. Мысли бегали из стороны в сторону, и в конце концов незаметно для себя, я провалилась в глубокий сон.

Проснувшись от ночного стука в дверь. Быстро накинув халат, я выглянула в коридор — и встретилась взглядом со старым знакомым, управляющим. Он стоял с недовольным видом, явно собираясь высказать всё, что думает о тёмных магах, и держал в руках чумазого, лысого кота.

Не сказав ни слова, он молча всучил мне его в протянутые руки, а затем, резко развернувшись, зашагал прочь, будто маршируя. Я почти физически ощущала, как вслед мне летят все возможные проклятия, но, будучи некромантом, только усмехнулась — всё это было напрасно.

Закрыв дверь, я посмотрела на кота. В его глубоких изумрудных глазах читалось всё то, о чём в приличном обществе не говорят вслух. Я погладила его по голове и тут же получила болезненный укус и возмущённый вопль.

Закинув разъяренное животное в бадью с водой, я стараясь увернуться от когтистых лап. Хорошенько отмыв эту нечисть, вытерла и поставила рядом с тарелкой теплой жареной курицы.

Почувствовав запах съестного, Бонифаций без раздумий кинулся к ней и начал жадно поглощать содержимое. Я лишь позавидовала его аппетиту и посочувствовала Катарине: при выезде мне выставят внушительный счёт за ущерб.

Достав заранее припасённый флакон с зельем, я подняла уже сытого кота и начала методично втирать содержимое в его кожу. Бонифаций попытался брыкаться, но быстро сдался: на полный желудок сопротивляться было лень.

Закончив, я положила его на диван, а сама отправилась вымыть руки. Взглянув в окно, я поняла, спать мне от силы осталось пару часов. Решив не упускать больше ни минуты, отправилась напрямиком в спальню.

На подушках вальяжно развалился Бонифаций. Я обошла кровать и легла с краю, спихнув наглую морду вниз. Кот, похоже, решил меня простить. Он не сопротивлялся, лишь прижался крепче и замурчал.

Под его тихое урчание я и провалилась в сон.

Проснувшись от ощущения, что на грудь рухнул камень, не давая спокойно вдохнуть. Резко поднявшись, я жадно начала глотать воздух, Рядом лежала довольная морда. За ночь шерсть Бонифация отросла почти до прежней длины. Судя по наглой роже, он был весьма этим доволен.

Я ткнула его пальцем в бок. Кот лишь прищурил один глаз.

Окончательно проснувшись и приведя себя в порядок, я поняла, что так и не посетила лавки. Идти ко двору было решительно не в чем. Заказав завтрак, я быстро его уничтожила и открыла окно.

— Я ушла. Окно открыто. И ради всех богов, не доводи местное население до заикания, — с укором произнесла я.

Кот не усовестился. Довольный, он продолжил уплетать доставшуюся ему порцию. Махнув рукой, я схватила сумку и отправилась на торговую улицу. Благо лавка была прямо за углом — найти наряд не составит труда.

По крайней мере, я так думала.

Мне отказали везде. В каждой лавке твердили одно и то же: готовые платья раскуплены, а шить — времени нет.

Раздосадованная и злая на весь свет, я вернулась в гостиницу и с силой хлопнула дверью.

Бонифаций, дремавший на диване, подскочил и уставился на меня во все глаза. Я стояла в центре комнаты, скрестив руки на груди, и хмуро смотрела в пустоту.

Кот тихо мяукнул.

Бросив на него мрачный взгляд, я начала нервно отбивать каблуком дробь по полу.

Выбора не оставалось — придётся идти с чистосердечным признанием к подруге и снова надеяться на её доброту и понимание. Если бы я была здесь просто проездом или по делам, мой внешний вид сошёл бы за норму. Но я приехала по приглашению княжны, и вчера при всех приближённых было слишком явно показано, насколько мы с Кэт близки. Я не могу позволить себе опозориться.

Пока эти мысли роились в моей голове, Бонифаций не сводил с меня глаз. Не выдержав, он подошёл, встал на задние лапы и впился когтями в мою ногу, требуя внимания.

Я тяжело вздохнула, и опустившись на корточки позволила ему ткнуться мокрым носом в ладонь. Он смотрел на меня так внимательно, будто пытался понять, что произошло.

Улыбка расцвела на губах против воли, и я подняла его на руки, позволив устроиться у себя на плечах.

Почесав Бонифация за ухом, я шепнула:

– Ну что, здесь ты уже всех построил? Пора идти дальше.

Кот ответил вопросительным мяв и боднул меня в висок. Хмыкнув, я направилась напрямиком ко двору.

Оказавшись во дворце, я узнала, что у Катарины назначена важная встреча и она будет занята ещё какое-то время. Поэтому решила вместе с Бонифацием поискать Вильяма.

Проходя по одному из коридоров я встретила новую знакомую, лиру Талиэн.

– Кас'андра, какая встреча! – воскликнула девушка, растягивая моё имя на слоги.

Мои губы дрогнули. Люди умудрялись коверкать моё имя по-всякому, но именно это протяжное «Кас'андра» всегда звучало так, будто меня пытаются прогнать, как надоедливую мышь из кладовой. В этом обращении было что-то нарочито чужое, холодное, словно невидимая стена между нами.

— Доброе утро, лира Талиэн, — сдержанно, с ледяным спокойствием, ответила я, стараясь не выдать раздражения. Бонифаций, завидев Талиэн, резко зашипел, и мне пришлось снять его с плеча, крепко прижимая к себе.

— Ой, какой котик, — протянула она, заметив моего спутника. Любопытство и сладкая, тягучая речь лились из неё потоком. От этого голоса по спине пробежал холодок, а в висках застучало.

Собравшись, я ответила максимально вежливо:

— Да, не так давно спасла его от стаи разъярённых собак, — на последних словах чуть дёрнула бровью, быстро возвращая себе самообладание.

В её глазах промелькнуло что-то странное — не жалость, скорее отвращение, но кому оно было адресовано, я не поняла. Она, как и я, быстро взяла себя в руки и с натянутой жалостью протянула:

— Бедняжка

Стоило её руке приблизиться к Бонифацию, как он, словно разъярённая фурия, вырвался и цапнул её за палец, когда та попыталась его погладить. Крепче сжав зверя, я зажала его лапы, и нехотя извинилась перед лирой. Талиэн недовольно прижала палец к губам, слизывая выступившие капли крови, и бросила на меня взгляд, в котором смешались укол гордости и раздражения.

Девушка сдержанно улыбнулась, будто ничего не произошло, но в её голосе зазвенела тонкая сталь:

— У вас, Кас, и питомцы под стать хозяйке — дикие и не слишком дружелюбные.

Я чуть склонила голову, не отпуская Бонифация:

— Он просто не любит, когда к нему лезут без спроса. Впрочем, это у нас общее.

Девушка выдавила улыбку, больше похожую на оскал, оглядывая меня с ног до головы:

— Всё-таки удивительно, как вы умудряетесь находить приключения даже в самом мирном месте.

Она бросила взгляд на мой плащ, будто ища на нём следы ночных странствий.

Я пожала плечами:

— Мирные места — иллюзия. Здесь, во дворце, опасностей не меньше, чем в лесу.

Талиэн на мгновение замолчала, затем, чуть склонившись ко мне, прошептала:

— Вы такая выдумщица, госпожа. Это может принести вам проблем.

Я встретила её взгляд, в котором мелькнуло что-то темное:

— А вы говорите так, будто что-то скрываете. Это тоже опасно.

Между нами повисла короткая, напряжённая пауза. Бонифаций тихо заурчал, будто подтверждая мои слова.

Талиэн выпрямилась, вновь натянув на лицо безупречную улыбку:

— Надеюсь, сегодня вы не станете устраивать представлений, Кас'андра.

Я позволила себе насмешку:

— Всё зависит от того, кто первым начнёт.

Лира поспешила удалиться, стараясь более не смотреть на меня. Я проводила её взглядом, ловя себя на мысли, что её слова и интонация снова не совпали — слишком много скрытого, слишком мало искреннего.

Я посмотрела на всё ещё дрожащего в моих руках Бонифация и тихо спросила:

— Ты в порядке? Что-то случилось? — не дождавшись от кота никакой реакции, я тяжело вздохнула. — Что ж, друг, кажется, мы нажили себе врага еще до обеда, — задумчиво добавила, перехватывая кота поудобнее.

Он прижался ко мне всем тельцем, уткнулся мордой в мой плащ и, кажется, решил больше не рисковать. Я невольно улыбнулась, чувствуя, как его тепло немного успокаивает.

Вильям нашелся у западных ворот дворца, он и ещё несколько рыцарей тренировались на поле. Я же увидела его в окно второго этажа. Спускаться к другу не стала, как и отвлекать от тренировки. Поставив Бони на подоконник, я увлечённо принялась наблюдать за поединками меж рыцарей. И не заметила как ко мне подошли, только легкий ветерок качнул мой плащ.

— Тот мальчишка хорошо сражается для своих лет, — тихо произнесли рядом со мной. Наклонив голову чуть вбок, я задумчиво постучала пальцем одной руки по подбородку, продолжая гладить кота.

— Я согласна, но его пируэты и повороты плие страдают. Его легко сбить с толку, — тихо сказала я. Князь одобрительно кивнул в ответ.

— Вы хорошо разбираетесь в поединках, госпожа Кас? — Бернارد произнес это с легкой улыбкой, проявляя учтивость. Я чуть склонила голову и игриво ответила: — Как пожелает его светлость.

Бернارد улыбнулся чуть шире, в его взгляде мелькнуло одобрение — и, возможно, тень интереса.

— Редко встретишь женщину, которая так точно оценивает бой, — сказал он, глядя на поле, где Вильям умело уклонялся от ударов противника. — Вы сами когда-нибудь пробовали держать меч?

Я усмехнулась, не отрывая взгляда от тренировки:

— Иногда приходится. В нашем мире иначе нельзя.

Князь кивнул, будто мои слова только укрепили его мнение:

— Вижу, вы не из тех, кто прячется за чужими спинами. Это достойно уважения.

На моем лице появилась едва заметная, но искренняя улыбка. Продолжая гладить Бонифация, который довольно урчал на подоконнике:

— Спасибо, ваше светлость. Но иногда и за спиной бывает интересно — можно увидеть то, что ускользает от чужого взгляда.

Бернард рассмеялся негромко, сдержанно:

— Вижу, вы наблюдательны, госпожа Кас. Надеюсь, ваши наблюдения не обернутся для меня неприятностями.

Я бросила на него лукавый взгляд:

— Всё зависит от того, что вы сами считаете неприятностями.

Между нами повисла лёгкая, почти дружеская пауза. За окном рыцари продолжали тренировку, а в коридоре воцарилась атмосфера спокойного, слегка ироничного доверия.

Князь на мгновение задумался, затем, всё так же с улыбкой, произнёс:

— В таком случае, надеюсь, вы будете щедры на советы, если заметите что-то важное.

Я чуть склонила голову, глядя на него из-под ресниц:

— Совет — вещь опасная. Иногда за ним скрывается больше, чем кажется.

Мужчина рассмеялся, но голос его остался мягким:

— Тогда, быть может, я рискну и попрошу у вас совет прямо сейчас. Как думаете, стоит ли мне доверять молодым рыцарям важные поручения?

Я на секунду задумалась, наблюдая, как Вильям уверенно отражает очередную атаку:

— Молодость — не порок, но и не гарантия верности. Иногда самые преданные оказываются самыми неожиданными.

Бернард кивнул, его взгляд стал серьёзнее:

— А вы, госпожа Кас, умеете удивлять. Не часто встречаю столь прямых собеседников при дворе.

Я кивнула в знак согласия:

— Вежливость — не всегда лучший способ выжить, ваша светлость.

Он посмотрел на меня с интересом, будто взвешивая мои слова:

— Надеюсь, вы не станете моим врагом, Кас.

На моих губах расцвела усмешка, и я посмотрела прямо, глаза в глаза:

— Врагов у вас и без меня хватает, а вот честных советчиков — куда меньше.

Бернард на мгновение задержал взгляд, затем чуть склонил голову в знак уважения:

— Тогда будем считать, что мне повезло.

В этот момент Бонифаций тихо мяукнул, требуя внимания, и я, улыбнувшись, вновь перевела взгляд на поле, где Вильям одержал очередную победу.

Наконец князь обратил внимание на Бонифация:

— Ваш кот? — подходя к нему, он провел рукой по черной шерсти.

Я попыталась предупредить Его светлость, но, к моему удивлению, Бонифаций не выразил ни малейшего возмущения. Наоборот, он приблизился к князю и начал ласкаться, словно приглашая продолжить ласку.

Посмотрев на всё это со стороны, я скрестила руки и весело произнесла:

— Похоже, не я одна ощущаю силу вашего света.

Князь удивлённо посмотрел на меня и перевёл взгляд обратно на Бони.

— Не знал, что некроманты способны видеть силу света, как и животные, — задумчиво протянул Бернард. Я же покачала головой.

— Ни я, ни он не видим вашей силы, но ощущаем ее мощь, как и яркий свет вашей жизненной искры, — постаралась объяснить князю. Его светлость продолжал гладить в конец разомлевшего кота и задумчиво смотрел в окно.

– Значит, – он перевел на меня внимательный взгляд, словно очнувшись ото сна, – вы видите чужие искры. И знаете, сколько им осталось, – князь Аэдора не спрашивал, а утверждал.

— Я не вижу точный срок. Лишь силу искры — по ней можно понять, кто болен, кто слаб, а кому осталось недолго.

Князь кивнул, принимая ответ и хитро прищурился:

– В таком случае, я бы хотел попросить вас об одолжении.

Я же подняв бровь собираясь спросить, но князь не дал сказать и слова:

– Вы любите шахматы?

Князь перестал гладить кота и повернулся ко мне всем телом. Сложив руки за спиной, он снова принял величественный вид. В этот момент из-за угла вышла стража, патрулирующая дворец, отдав честь своему правителю, они продолжили патруль. Я проводила стражу взглядом и поняла: «Князь не любит лишних свидетелей и не позволяет видеть то, что остается за закрытыми дверями.»

Вернув свое внимание князю, я учтиво склонила голову:

– Почту за честь обыграть вас в этой игре.

Подняв голову, я увидела блеск смеха в глазах все такого же невозмутимого князя.

– В таком случае, я надеюсь вы сильно не разочаруетесь своему поражению, – в тон мне парировал государь.

Так, обмениваясь колкими любезностями, мы дошли до библиотеки.

Стоило пересечь порог огромного зала, как в нос ударил аромат старинных воспоминаний, бережно хранимых на пыльных полках. Тут же витали едва уловимые нотки старого пергамента, смешанные с терпким ароматом книжных переплетов, словно тихое дыхание веков. Тончайшие оттенки чернил, переплетенные с древесиной стеллажей, создавали особый шлейф. Помещение дарило тепло и уют каждому вошедшему и будто тихо шептало обещая открыть свои тайны каждому вошедшему. Остановившись, я на минуту прикрыла глаза вдыхая этот чудный запах и позволяя окутать себя теплом.

Со стороны послышался одобряющий голос:

– Здесь место силы и знаний, я, как и вы, люблю этот запах. В этих стенах можно найти ответы на любые вопросы, а порой можно потеряться или спрятаться от суеты и дел, – мягко и как-то по-отечески прозвучали его слова. Это заставило вернуться в реальность и нахмуриться, вспоминать об отце желания не было.

Выкинув лишние мысли из головы, я вернула себе привычную, чуть натянутую улыбку. Князь уже устроился в кресле, а Бонифаций, не теряя времени, занял место у него на коленях, будто всегда был здесь своим.

Следуя их примеру, я опустилась в соседнее кресло. На секунду прикрыла глаза, позволив себе короткий выдох, и вдруг тихо хохотнула в кулак — промелькнувшая мысль показалась настолько нелепой, что пришлось сделать вид, будто просто откашлялась.

Князь бросил на меня вопросительный взгляд, но я лишь пожала плечами, сохраняя видимость спокойствия. В комнате повисла лёгкая, почти домашняя тишина, нарушаемая только довольным урчанием Бонифация.

Перед нами на небольшом столике уже были расставлены фигуры. И, кажется, мне предстояло сделать первый шаг. Будто прочитав мысли, мужчина повел рукой вперед, разрешая сделать первый ход.

Не спеша, я вновь обвела библиотеку взглядом и задала вопрос:

– Значит, сильные мира сего именно так коротают свободные минуты?

Не подкол, обычное любопытство и князь это понял сразу:

– У меня не так много свободного времени, но если выпадает свободная минута, то да, именно здесь моя крепость тишины и спокойствия.

Делая первый ход, я посмотрела на пустые столы:

– Похоже гости здесь действительно редкость, – обращая внимание на тишину этого места и отсутствие других людей.

Отвечая на мой следующий ход, князь все же решил ответить:

– Да, у придворных хватает забот. Здесь кого-то, кроме меня или книг, можно встретить только по вечерам последних дней месяца, – задумчиво произнес он, хитро прищурился.

Я же интересом посмотрела на Шерона:

– То есть?

Не отвлекаясь от доски, его светлость пояснил, и тут же съел одного ферзя:

В последние дни месяца я разрешаю своим подданным завершить дела пораньше и собраться здесь. Кто-то читает книги, кто-то играет на музыкальных инструментах, а кто-то просто наслаждается общением.

Довольный собой, он подкинул ферзя в воздухе и, поймав плавной волной, разжал поочередно пальцы, показывая мастерство иллюзии. Весело усмехнувшись, я наклонилась чуть вперед и кивком головы указала на внутренний карман камзола Его светлости. Весело рассмеявшись, князь оттянул полу и выудил из кармана фигуру.

– Вас не проведешь, – одобрительно произнес он. Я же, сделав очередной ход и съев одну из пешек, мило посмотрела на мужчину.

— Когда-то я странствовала с циркачами, — негромко начала я, словно делаясь сокровенным. — Они были не просто бродячими артистами, а настоящими мастерами иллюзий и ловкости. Но за яркими костюмами и смехом скрывались свои интриги.

Князь, отложив ферзя, подался вперед:

— И что же, были у них секреты?

Я улыбнулась, вспоминая.

— Однажды на рудниках мне нужно было заключить сделку с болотником. Для отвода глаз я набила сумку камнями, наложив на неё заклинание лёгкости. Но в пути один ловкач из труппы решил, что в сумке — сокровища. Он подкрался ночью, схватил её и... тут чары спали. Сумка потянула его напрямик в топь. Мы потом всей труппой вытаскивали незадачливого вора, а он ещё долго ходил с мокрой репутацией и обиженным видом.

— Мда — протянул князь, задумчиво качая головой. — Много видел, но чтобы свой у своих — нет большего бесчестия.

— В мире цирка доверие — редкий товар, — ответила я. — Но такие истории только сближают.

Когда князь вернулся к игре, его король оказался в ловушке, и партия была проиграна. Он удивленно вскинул брови, а затем громко рассмеялся, глядя на меня.

— Признаю, расслабился, — одобрительно сказал он.

Я улыбнулась шире и развела руки в стороны.

— Думаю, вы забыли, с кем играете, — невинно заметила я.

— В следующий раз не проведёшь, тёмная, — несерьёзно пригрозил Бернард пальцем.

Я кивнула, подхватывая игру. Всё это время Бонифаций лежал у него на коленях, иногда приоткрывая глаз, будто следя за нами.

Когда князь вновь стал серьёзен, я поняла — пора переходить к делам. Я внимательно посмотрела на него, готовая слушать.

Князь начал говорить, задумчиво глядя вдаль:

— У меня к тебе есть просьба, и она не из простых. Моему сыну, наследнику, нужна достойная супруга. Благородство, честность, мудрость и рассудительность — вот качества, которые я ищу.

Мои брови поднимались всё выше по мере того, как он перечислял эти требования. Даже Бонифаций, который притворялся спящим, открыл глаза и внимательно посмотрел на Бернарда.

— Щедрость, доброта, образование, уважение к традициям — князь явно представлял кого-то конкретного, и вдруг с силой ударил кулаком по подлокотнику.

Я уже не удивлялась. Скрестив руки на груди и закинув ногу на ногу, я с иронией наблюдала за аэдорским правителем, не скрывая своей реакции.

— Интересно, — перебила я князя, нарушая этикет и приличия, — разве ваш сын не должен жениться на принцессе Амуре, чтобы закрепить мирный договор не только словами, но и наследником?

Бернард проигнорировал мои манеры. Но его реакция на слова была не искренней, а пугающе яростной. Князь вскочил с кресла и навис надо мной. Бонифаций, не ожидавший этого, упал на пол и спрятался за моим креслом.

Каждое слово звучало как приговор:

— Никогда! Никогда ни один дон Иэр не сядет на престол Аэдора, — отчеканил князь, пугающе тихо.

Я не дрогнула под его гневным взглядом, лишь понимающе кивнула:

— Значит, я не ошиблась, — пробормотала себе под нос, задумчиво глядя на всё ещё нависающего надо мной Бернарда.

Он не спешил отступать, проигнорировав мои слова:

— Ты можешь помочь. Ради Катарины и её будущего.

Я наконец поднялась, стараясь сократить разницу в росте — без особого успеха, но это не мешало мне показать своё недовольство и удивление.

— Вам стоит пояснить сказанное, Бернард, иначе у меня возникают сомнения в разумности ваших слов, — холод сквозил в моих словах, не отводя взгляда.

Мужчина отступил на шаг, и в его глазах вспыхнула такая ярость, что я подумала: мой путь закончится в этом дворе. Но князь удивил меня. Вместо гневных слов и приказа об аресте, он спокойно указал на кресло позади меня и сам опустился в него. Следуя его примеру, я внимательно смотрела на князя, который не спешил с объяснениями. Казалось, все тяготы мира разом обрушились на него, отражая истинный возраст и ту ношу, которую он нес как правитель.

Спустя время, вынырнув из тревожных дум, Бернард посмотрел на меня, а после перевел взгляд на кота, который за время нашего молчания забрался ко мне на колени и следил за правителем. Я же скучающе гладила Бонифация и блуждала взглядом по полкам с книгами.

Когда князь устремил на меня свой взгляд, я прислушалась и не ошиблась. Похоже, он решил довериться некромантке и рассказать истинные причины моего приглашения.

Он не сводил с меня пристального взгляда.

— Ты не похожа на остальных, Кас. Для Кэт ты — больше, чем подруга, почти сестра. А для меня — тот редкий человек, кто способен вовремя заметить опасность и не побоится сказать правду, какой бы она ни была. Ты справишься?

Я прищурилась, скрестив руки на груди.

— А если правда вам не понравится? Если она окажется... неудобной?

Бернард устало вздохнул, но в его глазах мелькнула сталь.

— Пусть лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Я слишком долго варюсь в этом котле, чтобы верить в сказки. А приезд наших «дорогих» соседей заставляет держать руку на пульсе каждую секунду.

Я усмехнулась, покачав головой.

— Значит, вас беспокоят делегации. Особенно та, что прибыла с юга. Я понаблюдаю. Постараюсь разузнать всё, что смогу.

Князь едва заметно улыбнулся, и в этой улыбке было больше доверия, чем в любых словах.

— Именно поэтому я и обратился к тебе. И, Кас... если дело дойдёт до худшего, мне нужна будет защита. Но не для меня — для неё.

В его голосе прозвучала непривычная мягкость, смешанная с тревогой.

Я на секунду задумалась, коротко кивнув:

— Попробую.

— Главное, чтобы все прошло тихо и эти черти убрались к себе, — тихо добавил Бернард. — Спасибо, Кас. Если что-то заметишь — не тяни, говори сразу. Если что-то понадобится — ищи меня не в тронном зале, а в библиотеке. Или в саду. Я не люблю лишних ушей. И все это между нами.

— Конечно.

Я ощущала, как напряжение между нами немного спало. Бонифаций, будто почувствовав перемену, тихо мурлыкнул, а я, улыбнувшись, перевела взгляд на окно.

Когда разговор подошел к концу, князь поблагодарил за беседу и ушел, оставив меня наедине с Бонифацием.

Не торопясь покидать это чудесное место, я прошла вдоль полок и, заметив стеллажи, относящиеся к истории еще королевства, остановилась, медленно проводя рукой по пыльным корешкам.

Выудив из сумки потертый временем дневник, состоящий из бычьей кожи, я вновь прочитала последние строки: «...*Подкрепление не пришло. Теперь я знаю цену предательс...*»

Кто бы знал, что судьба уже бросила кости. Закрыв дневник лейтенанта, я поставила его между других историй этих земель, здесь ему самое место. А после посмотрела на Бонифация, который будто соглашался со мной. Мы в полной ж...

Глава 5 Охота на принцессу

Третий день прибывания в Аэдоре вновь выдался солнечным, что уже начинало несколько бесить. Воздух был густой, почти липкий, а солнце будто нарочито припекало сильнее обычного. Чтобы хоть немного расслабиться и отвлечься от новых знакомств, фальшивых улыбок и навязчивых мыслей, мы с Вильямом решили устроить небольшую охоту.

Ведь уже завтра после обеда будет объявлено о начале турнира, и тогда вырваться из цепких лапок моей подруги, которая всерьез решила таскать меня по всем мероприятиям, будет трудно. Так что эта маленькая вылазка — мой последний шанс на передышку перед бурей.

– Бонифация ты дома оставила? – спросил Вильям, когда мы выехали через ворота Армонии.

– Ага, оставила, только дверь с утра открыла, как он тут же пулей вылетел, опять всех слуг взбаламутил, – ворча на бесстыдную кошачью морду, жаловалась я. Вильям же весело хохотал.

– Знаешь, Кас, я как то слышал выражение – хитро произнес друг, на что получил мой предостерегающий взгляд, – животные – отражение хозяина, – весело закончил он и тут же увернулся от чесоточного проклятия, еще громче заливаясь смехом. Я же обиженно надула губы и пришпорила коня, галопом бросаюсь по извилистой тропе прямо в густой и темный лес, из которого так приятного тянуло прохладой.

Позади осталось эхо Вильяма:

– Стой!

Я скользила между ветками, будто тень, наслаждаясь свежестью леса. Величественные ели, словно стражи, стояли в молчаливом дозоре, а тонкие берёзы и сосны вплетались в зелёный узор, уступая место диким кустарникам. Природа здесь была цельной, как единое дыхание, и эта гармония постепенно смывала усталость и суету последних дней.

Я вдохнула полной грудью прохладный, влажный после утреннего зноя воздух — он был как глоток свободы. Позволив коню замедлить шаг, я мягко соскользнула на землю, оставив его у самого порога охотничьих угодий, где начиналась настоящая тишина.

Пройдя чуть дальше я провела рукой по густым травам, чувствуя, как пальцы скользят по гладким листьям и цепляются за редкие колючки. Всё вокруг казалось настоящим, наполненным свежестью и покоем, будто сама природа обнимала меня, возвращая ощущение уюта и свободы.

Роса медленно испарялась под едва пробивающимися лучами солнца. А вокруг стояла почти звенящая тишина — только где-то вдалеке перекликались птицы, в густой траве едва слышно шуршали насекомые.

Я задержала дыхание, чтобы не спугнуть эту хрупкую гармонию. Лёгкий ветерок пробежал по лесу и трава под моими пальцами зашевелилась, словно отвечая на прикосновение. В этот миг я почувствовала себя частью леса: каждая клеточка наполнялась спокойствием, а хмурые мысли растворялись в свежести и зелёном свете.

Сердце билось ровно и тихо, будто подстраиваясь под ритм природы. Я позволила себе закрыть глаза и на мгновение забыть обо всём, кроме этого ощущения — когда земля под ногами живая, а воздух наполнен свободой.

Тихий хруст и мягкая поступь послышалось за спиной – Вильям подошел ко мне, ведя за узды своего коня. Я же продолжала стоять с закрытыми глазами не обращая на него внимания и, только после нескольких минут этой мягкой и приятной тишины, я позволила себе вынырнуть в этот мир и открыв глаза повернуться к такому же расслабленному и довольному Вильяму.

Почувствовав мой взгляд он медленно приоткрыл один глаз:

– Здесь все кажется другим, – боясь спугнуть атмосферу этого места, тихо произнес он, – будто время замедляется.

– Именно в такие моменты начинаешь понимать, что ты еще жив, – в тон ему тихо шептала я, вновь закрывая глаза.

И между нами вновь повисла легкая, доверительная тишина. Мы оба просто слушали, позволяя окунуться в этот момент: впереди ждали суматошные и тяжелые дни. Что-то подсказывало легко этот отбор не пройдет, но сейчас есть этот миг, наполненный свежестью, покоем и умиротворением.

Открыв глаза, я вновь повернулась к Вилу:

– Спасибо, что составил компанию.

Растянув губы в мягкой улыбке, шатен взлохматил свои волосы:

– Мне тоже не помешает развеяться, сейчас во дворце все на ушах, это дико раздражает. А рядом с тобой всегда спокойно.

Все так же беззаботно улыбался друг. На миг что-то сверкнуло в его глазах, но он быстро отвел их, что заставило не много нахмуриться, но я быстро выкинула это из головы, не позволяя вернуться к тяжелым думам. И поэтому улыбнувшись, я приблизилась к нему и закинув одну руку ему на плечи, второй обвела лес:

Подмигнув другу, я поймала его довольный взгляд:

– Сегодня это все в нашем распоряжении, а значит не будет заставлять дичь ждать. Сама себя она не поймает!

– Охота начинается!

С самого утра и до обеда мы с Вильямом выслеживали зверей, шли по их следам, но не спешили нападать, выбирая кого по крупнее. И наконец решили идти за кабаном – судя по следам он был крупным, хватило бы на целый отряд. Следы были свежими, а азарт охоты подстегивал нас двигаться быстрее. Ветки хлестали по лицу, трава тихо шуршала под ногами, сердце билось в такт шагам.

Переглядываясь, мы едва заметными жестами указывали направление кабана. Он был близко – это чувствовалось по напряженному воздуху и резкому запаху. В момент, я ощутила как кровожадная улыбка расцветает на моих губах: уже представила как мы выходим к нему из зарослей, и на мгновение мелькнула мысль, как этот трофей будет смотреться при дворе, сколько восхищения и зависти я получу от заядлых охотников. Резко отогнав эти мысли, я встряхнула головой, возвращаясь к охоте.

Мы с Вильямом работали слажено, словно две ищейки, понимающие друг друга без слов и медленно подвели зверя к ловушке, где все должно было свершиться.

С каждым шагом напряжение возрастало. Кровь пульсировала в висках, а ладони становились влажными от предвкушения. В какой-то момент все вокруг будто замерло: лес перестал быть просто декорацией, а стал еще одним участником нашей охоты. Каждый шорох, дыхание ветра, казались важным. И я поймала себя на мысли, что иду и дышу в такт с Вильямом, будто мы окончательно стали одним целым.

Впереди послышался резкий треск – кабан был совсем рядом. Я замерла, сливаясь с тенью дерева, и жестом остановила друга. Сердце ухнуло куда-то вниз, а все тело напряглось, будто натянутая до предела струна. В зарослях мелькнула темная массивная спина зверя – неподозревающего о нашем присутствии.

Я медленно подняла лук и достала из колчана стрелу, стараясь не выдать себя и малейшим звуком. Вильям был уже наготове, крепко сжимая в руке копьё. Его взгляд был холоден и сосредоточен. Зверь, будто что-то почувствовав, поднял голову и медленно повел носом в

воздухе. Фыркнув, он сделал шаг в нашу сторону. И в этот момент время замедлило свой ход, лес умолк, позволяя услышать стук собственного сердца.

Выдохнув, я резко натянула тетиву и тут же отпустила, позволяя стреле отправиться в полёт. В этот же момент Вильям, сделав замах, метнул копьё. Кабан взревел, метнулся вперёд, но наши удары оказались точны, пройдя ещё пару шагов зверь рухнул в сочную ярко-зелёную молодую траву, обагрив её кроваво-бордовой кровью.

На мгновение повисла тишина. И я почувствовала как мои руки тряслись от адреналина. Посмотрев на друга, я увидела в его глазах пламя возбуждения и гордости.

Подойдя к поверженному зверю, я провела рукой по короткой и жесткой шерсти, позволяя себе короткую усмешку.

– Хорошая работа, напарник, – весело усмехнулся Вильям, поднимая с земли свое копьё.

Убрав руку от мертвой туши, я чуть повернулась корпусом к другу, не спеша вставать с корточек.

– Хороший ужин получится, – весело продолжил шатен.

— Ужин? Тут на целый пир хватит, — задумчиво протянула я. — Как думаешь, князь оценит? — кивнула в сторону туши.

– Главное, чтобы нам самим разделять не пришлось, – поморщившись, будто от зубной боли, приговорил Вильям.

Я же хохотнула:

– Думаешь, при дворе повара резко разбегутся?

Поддержав хохотом, Вильям присел рядом со мной и осмотрел тушу:

– Я, конечно, за приключения, но как мы эту махину потащим?

– Закинем на коня либо соорудим что-то вроде носилок, – внесла свои предложения.

Вильям же прикинув в голове, кивнул моим словам:

– Стоит попробовать, – отряхнув руки, друг поднялся с корточек, и я последовала его примеру.

Оставив меня наедине с трофеем, он удалился за лошадьё. Собрав все свои силы, мы с Вильямом подняли тушу:

– Если честно, – прохрипел надсаженным голосом шатен, – мне больше нравится гулять по лесу, чем таскать туши, – я лишь кивнула на его слова, стараясь не выронить свою часть тела.

С горем пополам, но мы закинули кабана на спину лошади и услышали недовольное ржание, больше похожее на посыл. Но Вильям быстро осадил коня и, взяв того под уздцы, направился в обратный путь.

Воздух вокруг был наполнен запахом хвои и свежей крови. Под ногами хрустели ветки, а мы с Вилом, довольные удачной охотой, весело переговаривались:

– Как думаешь нас встретят с завистью и фанфарами? – повернувшись к другу спросила я.

– Не знаю как на счет фанфар, но повара точно будут ворчать, что им под конец дня привалит такое счастье, – пожал плечами друг и мы не сдержавшись залились хохотом.

– Знаешь если они посмеют ворчать, то в следующий раз, я выберу их, в качестве добычи, – оскалившись медленно протянула я и услышала как довольно хмыкнул Вильям.

– Даже если ворчавшей окажется твоя подружка, – хитро произнес он, за что тут же получил прилетевшей лапой ели по лицу. Возмущенно воскликнув, он резко обернулся ко мне, и я показала язык.

Не добро глянув на меня, он сделал шаг в мою сторону:

– Ну темная.

И, привязав коня к дереву, резко бросился за мной. Я же с криком побежала прочь от него. Носясь, как полоумные, вокруг лошади и весело смеясь, мы забыли о времени и просто наслаждались этими минутами.

Когда же Вильяму удалось меня догнать, он резко повалил на землю и, нависнув надо мной, хриплым от бега голосом произнес:

– Кайся и молись, тёмная, – пророкотал шатен.

Оборвав смех, я удивлённо взглянула на друга. Он всё так же серьёзно смотрел на меня.

Между нами повисла густая, почти осязаемая тишина — казалось, вот-вот он наклонится ближе. Я не отводила взгляда, упрямо молча, будто проверяя его на прочность. Но, видимо, поняв, что извинений от одной бесячей особы ему не дожидаться, шатен резко изменился: с неожиданной ловкостью он начал меня щекотать.

Я взвизгнула и разразилась смехом, пытаюсь вырваться, но у меня ничего не вышло. Лес наполнился моим звонким хохотом и его довольным ворчанием. Всё напряжение рассеялось, уступив место лёгкости и радости.

– Лаадно! Всё, всё, хватит, Вил, прекрати! Это нечестно!

Пытаясь увернуться из его рук, всё так же смеялась я, но он решительно не собирался останавливаться.

— Нечестно? И это мне темная говорит! Думала, сможешь в гляделки выиграть? Вся такая гордая и молчаливая!

– Ты же знаешь, темные не сдаются! – выкрикнула я.

– Ну вот теперь сдашься! – весело пропел он. – Признавайся, думала, я сдамся? Не догоню?

– Нет.. Ну может быть - протянула я, задыхаясь и не в силах больше хохотать.

Вильям же, наконец отпустив меня, плюхнулся рядом.

– Знаешь, а ты чертовски упрямая, – обиженно протянул друг.

Я же, тяжело дыша и простонав от болевшего после щекотки бока, поднялась и, усевшись в позу лотоса, на выдохе произнесла:

– А ты – ужасно вредный!

Вытерла выступившие после смеха слезы тыльной стороной ладони.

– Ну а кто меня таким сделал, – коварно протянул он. Я же возмущенно подпрыгнула и жестами указала на себя и на него. От чего шатен весело хохотнул.

Выдохнув, махнула рукой в его сторону и, откинувшись назад, протянула:

– Зато нам с тобой точно не скучно.

Возвращались в город мы уже поздно вечером, солнце клонилось к закату. И по решению Вильяма мы решили срезать путь. Выйдя на большак, уже по нему идти в столицу.

– Знаешь, – отведя одну из ветвей куста в сторону произнесла я, – есть у меня чувство, что мы не успеем до темна.

— А у тебя что, вдруг никтофобия проснулась? — пытаюсь подколоть, хитро произнес друг. Кинув в него зацепившейся за плащ палочкой, я закатила глаза.

– Думаю, что нам стоит в лесу переночевать, – внесла свое предложение.

— Хочешь комаров накормить? Если так, то можно, — обогнав меня, произнес Вильям.

Я же попыталась просверлить его взглядом:

– Кто-то комаров испугался?

Шатен резко развернулся и произнес:

– Я-то? Может, я переживаю, как бы тебя тварь какая лесная не утщила! А то ты любишь якшаться со всякими.

Я замерла, открыв рот, но, вспомнив не такие уж давние знакомства с Аушкой, а после и другие не менее необычные знакомства, согласно развела руки в стороны:

— Ну а что ты хотел? Я некромант, мне на судьбе написано шляться где попало да с кем попало знакомства иметь.

Вильям покрутил пальцем у виска:

— Ну по тебе сразу и видно, — за что тут же получил подзатыльник, а я увернулась от его подножки. Так мы и продолжили путь, пытаюсь толкнуть друг дружку, пока не услышали громкий крик.

Резко остановившись, мы переглянулись, и я кинулась вперед, только и слыша протяжный стон друга:

— Ну куда?!

Оказавшись на опушке, я резко спряталась за деревьями. На дороге стояла карета, окружённая дюжиной рыцарей в доспехах. Внутри кольца металась девушка в дорожном платье, отчаянно пытаюсь вырваться. Я уже собиралась броситься на помощь, как услышала командный голос — рыцари разомкнули строй. Девушка, не теряя времени, рванула вперёд, но тут же с криком влетела в колючие кусты барбариса.

Лес наполнился её возмущёнными криками и отборной ливернийской бранью. Вильям, наблюдавший за этим спектаклем, тихо рассмеялся, за что получил толчок в плечо.

Переглянувшись с ним, я предложила:

— Может, они заблудились или им помощь нужна?

Он посмотрел на меня так, что я сама поняла, как глупо это прозвучало.

Капитан рыцарей в одно мгновение оказался рядом с девушкой и легким движением вынул ту из кустов. На миг лес погрузился в полную тишину. А мое лицо приняло выражение восхищения — этот мужчина был чертовски хорош собой, и даже кривой шрам на всё лицо добавлял ему харизмы, вызывая желание узнать историю его появления.

Оценив капитана еще раз, я хмыкнула и кинула Вильяму через плечо:

— Предлагаю познакомиться.

И не дожидаясь реакции друга, уверено направилась к ним.

Первой нас заметила принцесса Амира, а после и ее верный капитан. Резко развернувшись, он схватился за рукоять меча, как и несколько находящихся по близости рыцарей, но я спокойно продолжила приближаться.

Все стояли тихо, напряжение летало прямо в воздухе. Жестом руки мужчина остановил нас:

— Кто идет? — его голос был бархатным и низким, что заставило мурашки пробежать по спине.

Не успев ответить, рядом со мной прозвучал недовольный саркастичный голос:

— Далеко же вас занесло от дома, капитан.

— Они едут к князю на пиршество, — тут же осадил я друга, давая понять что с этим грубить не стоит. Получив недовольный взгляд друга, я решила приблизиться еще не много.

— Я спросил: кто вы? — теперь уже недовольство исходило с оттенком угрозы.

Я вышла в круг света от факелов, сбросила капюшон и почувствовала, как голубые глаза мужчины внимательно скользят по мне. Наши взгляды встретились, и я на миг потеряла дар речи. Смутившись, перевела внимание на принцессу, и сказала по-ливернийски:

— Приветствую вас, принцесса!

Девушка скривила гримасу и махнула рукой, отгоняя мошек:

— Какое... витиеватое приветствие, — протянула она на родном языке, делая акцент на последнем слове. — Надеюсь, в остальном ваш этикет менее зубастый.

После этих слов девушка резко развернулась и отправилась в палатку.

Проследив взглядом за принцессой, мужчина вновь бросил недовольный взгляд на нас:

— Я не привык спрашивать дважды, — голос брюнета упал до ледяного шепота. Пальцы на эфесе побелели от напряжения.

Это заставило мысленно усмехнуться, кажется, он был из тех магов, что не любят энергии темных. Было видно, ему неуютно рядом со мной, что весьма печалило.

Я подняла руки в примирительном жесте, и спокойно заговорила:

— Вам не нужно нас бояться. Мы с моим спутником — гости князя Шерона. Прибыли по приглашению два дня назад. Охота — наше развлечение перед состязаниями.

Мои слова, кажется, подействовали: капитан внимательно посмотрел на меня, затем коротко кивнул своим людям. Рыцари убрали оружие, не сказав ни слова, развернулись и направились в сторону лагеря.

Я осталась стоять на месте, чувствуя, как напряжение постепенно уходит. В голове промелькнула мысль, что знакомство с делегацией получилось не самым тёплым. Решив не испытывать судьбу дальше, я развернулась и пошла обратно к Вильяму.

Он встретил меня с усмешкой:

— Ну что, познакомились?

Я фыркнула и махнула рукой, на что Вильям тихо рассмеялся, и мы вместе двинулись прочь от дороги, оставив позади чужаков и их напряжённые взгляды.

Найдя недалеко от дороги милую полянку, я накинула заклинание от насекомых. Всё-таки не привыкла задаром кормить летающих пиявок. Вильям же в это время быстренько соорудил костер, и мы довольные уселись около огня.

— Ну что, может, в картишки? — шатен, как настоящий фокусник, из воздуха вынул колоду.

— Ага, — протянула я и слегка толкнула его, — карты свои меченые убери, — и достала из стоявшей на земле сумки свою колоду.

— А у тебя они не меченые, — недовольно протянул этот мухлежник, но свои спрятал.

Хмыкнув, я сунула колоду ему в руки, чтобы он лично убедился, и только после тщательной проверки, я перетасовала их.

— На что играем, — довольный собой, хлопнул в ладоши шатен, и взяв карты в руки как-то заметно приуныл.

— Ну, судя по твоему лицу, на интерес, — засмеялась я и, получив кивок от недовольного друга, сделала первый ход.

— Чёт есть охота, — недовольный очередным проигрышем посмотрел на меня Вильям.

— Ну много припасов мы не брали, — почесав затылок, я посмотрела в пустую сумку, — но у нас есть кабан!

— Ага, разделять ты его будешь? — прищурясь, произнес друг. — Думаешь, всю махину сожрем? — обведя тушу взглядом, вернул внимательный взгляд на меня.

Я же пожала плечами:

— Ну тогда голодным сиди, — не колеблясь внесла новое предложение, что опять не устроило этого ворчуна.

Может, наш спор мог продолжиться, если бы в один момент на поляну вся в листьях и порванном платье, ниспадающем с одного плеча, громко визжа, не вылетела принцесса Амира и ее, несмотря на почтенный возраст, гувернантка.

Увидев нас поднимающийся с земли и готовых атаковать, они с криком бросились за наши спины:

— Чудовище, — верещала принцесса.

— Мы все умрем, — в такт с ней, находясь в полубморочном состоянии, горланила тощая, как спичка, женщина.

Мы же с Вильямом переглянулись и попытались увидеть то, отчего они убегали, но меньше чем через пять секунд на поляну ворвались вооруженные до зубов рыцари и нацелили на нас мечи. Не сговариваясь, мы с шатеном бросили оружие и, замерев, подняли руки вверх.

Капитан же, растолкав своих людей, разъярённым ястребом ворвался к нам и вцепился в моё горло:

— Это твоих рук дело, темная? — не кричал, но слова эхом отдались где-то в голове.

Не успела я и попытаться возразить, как тут же упала на землю, хватая ртом воздух, а Вильям, сцепившись с капитаном, катались по земле, позволяя стражам принцессы наблюдать за происходящим.

Придя в себя и посмотрев со стороны на весь балаган, я позволила тьме ненадолго выйти. Один взмах, и дерущихся разметало по поляне. Рыцари, схватившись за уши, припали к земле, а продолжавшая всё это время верещать принцесса отправилась в глубокий обморок, сразу же за уже бесчувственной гувернанткой. Успокоившись, я отменила действие заклинания, позволяя окружающим прийти в чувство, сама же, встав на ноги, отряхнулась:

– Ух ты ж, тролль болотный, мантикору вам в ж...

Стоило капитану подняться, как в его глазах вновь блеснул гнев:

– Значит вы признаете, что знакомы с троллем?

В руках он крепко сжимал меч. Мой же глаз не произвольно дернулся:

– А вам сударь какая печаль?– вырвалось из моего рта раньше, чем я подумала.

Мой душитель, повернулся в ту сторону из которой они пришли, и указал пальцем:

– Сами как думаете?

Посмотрев в указанном направлении, я ничего не увидела и хотела было уже предъявить этому недорослю всё, что думаю о его способах флирта с девушкой, как Вильям, ойкнув, резко побледнел и враз оказался за моей спиной.

В недоумении посмотрев на нервно икающего друга, я вновь перевела взгляд в ранее указанном направлении. И кто бы мог подумать, что именно я там увижу?

Прямо из-за деревьев на нас смущенно взирал чертов циклоп, а стоило присмотреться внимательнее, как до меня дошло, что это тот самый ранее встреченный нами с Вильямом великан.

Рыцари, очухавшись, вдруг почему-то оказались позади меня, а их капитан с грозно сдвинутыми бровями занял боевую позицию. Оглядев всех присутствующих ещё раз, я поняла, что старина-огр вовсе не рвётся бросаться в атаку.

Прочистив горло, я обошла боевого мага и постаралась спокойно спросить:

— Похоже, одной нашей встречи оказалось недостаточно Чего же теперь изволите?

Улыбаясь как можно приветливее, я посмотрела на великана.

Вильям же шикнул на меня:

– Давай как в прошлый раз, а? – но я лишь отмахнулась.

– А что было в прошлый раз? – шепотом уточнил капитан.

Ему на пальцах быстренько объяснили, нервно сглотнув, он кажется готов был согласиться с планом по отступлению.

– Ты меня понимаешь? – предприняла еще одну попытку заговорить с циклопом.

Тот на удивление кивнул. Не теряя времени, я повторила вопрос. На что он указал пальцем куда-то за спину, и пришедшая в себя так не вовремя гувернантка, похоже, решила, что гигант требует ее, от чего вновь рухнула на землю.

Заметно нервные рыцари быстренько припали к земле, стоило моему взгляду пробежаться по ним. И тогда за их спинами я увидела, что требует этот одноглазый тролль.

– Эээ.. – раздраженно протянула я, скрестив руки на груди, – это моя добыча, – продолжила уже обижено.

Возможно, мне не стоило так разговаривать с ним, но, вспомнив, сколько сил было потрачено на зверя, расставаться просто так с ним я не планировала.

— Тебе что, в лесу дичи мало? Ты на меня посмотри, я маленькая, худенькая, — пыталась пристыдить ворюгу, тот, похоже, пристыдился и отвёл свой глаз куда-то вниз.

После небольшой тишины он вновь поднял взгляд на меня и угукнул в сторону рыцарей, те, кажется, уже были на грани обморока.

– Да-да, жизнь женщины весьма тяжела, – начала жаловаться гиганту, – попробуй все лбы прокормить, так и помрешь, нечай, – кажется, от услышанного за спиной возникло некоторое замешательство, но спорить никто не спешил, – вот сам подумай, а, почти каждый день стирай, готовь, дырки на портках зашей, так еще и охоться сама, не, ну что за мужик пошел, уже даже добывать пропитание самой приходится, – давила на сочувствие, но, кажется, переборщила, и циклоп, посуровев, рыкнул в сторону рыцарей.

— Нет-нет, погоди-ка, пожалуйста, — попыталась смягчить ситуацию, улыбаясь ободряюще, — дело такое: мужчины, конечно, порой доставляют хлопот, но иногда бывают полезными — одни заборы чинят, другие могилки роют, пользы от них достаточно.

Великан задумчиво помолчал и, видимо осознавая всю сложность ситуации, шумно выдохнул воздух — да настолько сильно, что одна из стройных сосен резко наклонилась в двадцать пять градусов. Пробурчал что-то под нос и, развернувшись, пошел обратно в лес. Я же, поняв, что угроза миновала, так и села на землю, стараясь переварить только что произошедшее.

Через пару минут на корточки рядом со мной опустился Вильям, и, повернув к нему голову, я хрипло спросила:

– Что там с ужином?

Слуги, прибывшие вместе с принцессой и при появлении циклопа попрятавшиеся кто куда, вернулись обратно и тут же под строгий командный голос пришедшей в себя гувернантки быстренько перенесли лагерь на нашу с Вильямом полянку. Рыцари же разожгли костер побольше и, сделав самодельный вертел, начали жарить нашего кабана. Я с философским спокойствием наблюдала за всем происходящим, как и капитан, что сидел рядом со мной и пугающе внимательно сверлил взглядом своих голубых глаз.

– Да вы бесстрашная, – попытался завести беседу, но был полностью проигнорирован мной.

– Вам бы извиниться для начала, – вместо меня ответил Вильям и кажется у мужчин возникал новый спор, но пришедшая в себя Амира, резко поднялась от чего все находящиеся рядом нервно дрогнули.

Невинным взглядом она обвела присутствующих:

– Ой! А что случилось? Где мы?

Тут же рядом оказался капитан:

– Ваше высочество, как вы себя чувствуете?

Успокоив готовую впасть в очередную истерику принцессу, он велел слугам отвести ее в палатку, после чего устало вновь сел рядом со мной, от чего Вильям лишь закатил глаза и, сплюнув наземь, пошел куда-то в лес.

— Похоже, ваш друг не особо любит высокопоставленные лица, — снова пытался завязать беседу боевой маг.

Холодно взглянув на него, я всё же решила удостоить того пояснением:

— Он не особо любит ливернийцев.

Мужчина поднял глаза к звездам:

— Вот как. Могу я узнать причину или вы тоже не особо жаждете общения с нами?

– Я не имею предвзятого отношения к вашему народу, но мне не нравится общаться с тем, кто не так давно пытался меня придушить, – не меняя интонации, я сверлила капитана взглядом, и, когда он собирался что-то сказать, вернув свое внимание ко мне, я перебила: – К тому же у меня нет оснований говорить с человеком, который не удосужился даже представиться!

Кажется мои слова прозвучали слишком громко в ночной тишине леса, отчего все находящиеся на поляне, резко замерли смотря на нас.

– Вы правы, – голос прозвучал как сталь, холодный и угрожающий, отчего рыцари резко вернулись к своим делам, но старались прислушаться к происходящему.

Мужчина не отрывая своих магических глаз от меня, медленно поднялся и склонился в учтивом поклоне:

– Позвольте представиться, капитан сопровождения Её высочества, принцессы Ливернии, Амиры дон Иэр, Риан Томпсон. Я прошу простить мне столь гнусное поведение и благодарен за спасение моих людей и принцессы в особенности.

Он был спокоен, а голос звучал без суеты и иронии. Я наклонила голову набок, внимательно его изучая. Капитан говорил правду и действительно сожалел о случившемся, но в голосе прозвучала едва заметная пауза — явно что-то недоговаривал. Я усмехнулась, заметив это, и откинулась назад, устремив взгляд на звёзды, маринуя его. Он ждал моего ответа, не сводя глаз.

Я не стала затягивать паузу и спокойно сказала:

— Не волнуйтесь, Риан. Я умею хранить чужие секреты. Ко мне же вы можете обращаться - Кас.

Он чуть наклонился вперед, оставаясь настороженным:

— Приятно познакомиться, Кас. И я надеюсь, вы не станете искать правду там, где её лучше не знать.

Я улыбнулась уголком губ:

— Иногда незнание — лучший выбор. Особенно ночью.

Между нами снова повисла тишина, наполненная звёздами и недосказанностью. Капитан на мгновение отвёл взгляд, будто взвешивая мои слова, затем тихо ответил:

— В таком случае, надеюсь, вы выберете спокойную ночь.

Я чуть улыбнулась, не сводя глаз с неба:

— Спокойные ночи — редкость для некромага. Но я не из тех, кто пугается теней.

Он снова посмотрел на меня, теперь чуть мягче:

— Тогда, возможно, вы здесь не случайно?

Я повернулась к нему, встречая его взгляд:

— Никто здесь не случайно, капитан. Просто одни признают это, а другие — нет.

Он кивнул, и в его глазах мелькнуло уважение:

— Я у вас в долгу.

— Приму к сведению, – хмыкнула я.

На этом разговор иссяк, но между нами будто возникло невидимое соглашение — осторожное, но честное. Я снова посмотрела на звёзды, чувствуя, как напряжение уходит, уступая место вернувшемуся любопытству к этому человеку и к тому, что ещё может случиться.

Стоило полуночи пробить, а Луне достигнуть небосвода, как всю поляну наполнил аромат жареного кабана. Облизнувшись, я оказалась рядом с рыцарем, следящим за жаркой мяса, и, поиграв бровями, протянула деревянную самодельную тарелку.

Стоявшие рядом мужчины, заметив мой жест, весело рассмеялись. А я же, получив свою заслуженную порцию, весело подмигнула им.

Стоило только начать трапезу, как из палатки вынырнула растрёпанная голова принцессы, и, щурясь одним глазом, она пробежалась им по местности:

– Откуда этот очаровательный запах? – удивление вперемешку с громким бурлящим животом.

– Ваше высочество, – помахала я и указала на место рядом с собой, – присоединяйтесь здесь на всех хватит, – вот так просто произнесла я, что почувствовала недоуменные взгляды в свою сторону.

Принцесса же, на секунду исчезнув, появилась перед нами в простом платье и, протирая глаза, смачно зевнула. Приняв тарелку от одного из слуг, она села рядом со мной и жадно взглянула по сторонам.

Весь ее вид был на столько забавен, что я не сдержалась:

– Ваша светлость, ощущение, что за время пути ваши подданные морили вас голодом.

Получив надменный взгляд, Амира собиралась что-то ответить, но резко перебила саму себя:

– Дорога была не легкой, да и места где пришлось останавливаться не вызывали доверия, не говоря о еде.

Вильям, услышавший слова принцессы, присвистнул и, увернувшись от камушка, брошенного мной, с новой силой вцепился в доставшиеся ему ребрышки.

Риан же, наблюдавший за всем этим, хмыкнул:

– Путь действительно был не простой, наши земли еще не до конца примирились пусть и с заключения договора прошел год.

– Всего год, – с набитым ртом перебил друг, и в этот раз был удостоен моего сурового взгляда.

– Понимаю, сейчас путь из Ливернии в Аэдор является одним из опасных. Стоило мирному договору заключиться, как тут же мародеры и кладоискатели бросились доставать еще не успевшие придать земле и огню тела. Не говоря о группах повстанцев, – поморщившись от своих же слов, я взглянула на капитана.

И была удостоена удивленного взгляда:

– Вы хорошо осведомлены о наших землях, для приглашенной, – с намеком произнес брюнет.

Хмыкнув, я покачала головой:

– После получения приглашения, у меня было всего два пути для путешествия в Аэдор из Франкфурта.

Получив удивленный взгляд капитана и принцессы, я пожала плечами и принялась за остывающую ножку.

— Значит, вы родом из Франкфурта? — восторженно произнесла Амира. Ведь это королевство уже давно являлось сильным и верным союзником Ливернии, несмотря на свою отдаленность.

Покачав головой, я постаралась пояснить:

– Туда меня дела завели, а так родом я из других мест.

Не скрывая своего любопытства, принцесса продолжала допытываться:

– И откуда же вы?

Никто не спешил останавливать ее, даже присоединившаяся гувернантка, внимательно смотрела на меня, вместо того чтобы указать своей ученице на некоторую не учтивость.

Вздыхнув, я внимательно посмотрела на девушку. Ее энергия была светлой, но сама она была далека от света: избалована, капризна. Она ставила себя выше других, предпочитая слоняться без дела и читать глупые бульварные романы. Не то чтобы все это я могла прочитать по ауру, скорее годы наблюдений за людьми научили видеть чуточку больше.

Уже зная реакцию на свои слова, я спокойно произнесла:

– Я родом из Эвернесса, – и усмехнулась, возникшей неловкой паузе.

После недолгого молчания разговоры между рыцарями продолжились, а Вильям, чтобы хоть немного развеять эту неловкость, хлопнул в ладоши и предложил сыграть в карты. Несколько рыцарей тут же поспешили подсесть к нему, с разрешения их капитана.

Я внимательно посмотрела на принцессу:

– Вы наверное рады, представлять свое королевство, быть главной претенденткой на роль невесты наследника Аэдора?

Тяжело вздохнув, принцесса несчастным взглядом посмотрела куда-то мне за спину:

– Как я могу быть этому рада? В этих землях каждый ненавидит меня и мой народ.

Стараясь поддержать Амиру, я улыбнулась ей самой дружелюбной улыбкой:

И вы можете стать первой, кого они примут и полюбят, после всех долгих лет кровопролитной войны.

Скрытая неприязнь появилась во взгляде девушки, но сама она сохранила самообладание:

– Вы верно шутите?

Я же игнорируя слова девушки, уже смотрела на Риана:

– А что на счет вас, капитан? Вы участвовали в сражениях, были на передовой?

– Да, был. Надеюсь этим двум великим странам более не придется становиться врагами.

Аэдор великое княжество и рыцари их сильны и отважны.

– Проявлять уважение к противнику, а уж теперь к другу, дорогого стоит. Вы, капитан, пример настоящего рыцарства, достоинства и чести, – удовлетворенная его ответом, я чуть подняла уголок губ, стараясь скрыть недоверие. И избавляясь от горького привкуса скрытой злобы, так и струящегося от принцессы дон Иэр. Кажется, она была абсолютно иного мнения.

— Вы преувеличиваете мои заслуги, — холодно оборвал меня Риан и отвлекся на подошедшего рыцаря.

Я дождалась, пока обсуждение патрулирования стихнет, и решила подлить масла в огонь:

— Может, я и преувеличиваю. Но рада, что теперь здесь мир. Нет ничего страшнее, чем реки крови, пролитые зря.

Мои слова задела Амиру:

— Зря? — резко переспросила она. — Вы правда считаете, что всё было напрасно?

Рыцари нахмурились, а капитан, прищурившись, спросил спокойнее:

— Почему вы так решили?

Я склонила голову:

— Простите, если задела. Но скажите, из-за чего длилась эта война почти сто лет?

На поляне повисла тишина.

— Разве время не стёрло часть истины? — продолжила я. — Кто был прав, кто виноват?

Две державы сражались за идею, а в итоге потеряли саму суть.

Один из рыцарей попытался возразить:

— Может, история и забыла детали, но те, кто пал в бою...

Его перебил другой, кажется, Рамиль:

— Не смей оскорблять их память!

Я подняла ладони:

— Я не хочу никого обидеть, боги мне свидетели. Просто хочу понять: за что вы сражались все эти годы?

Опять тишина. Никто не бросился защищать корону или оправдываться.

Я продолжила:

— Мне кажется, время стёрло причины, но оставило обиду и жажду мести. На месте любого воина я бы тоже хотела отомстить за близких. Но есть ли смысл, если никто уже не помнит, с чего всё началось? Может, именно нам и суждено было закончить эту войну?

Мои слова повисли в воздухе. Рыцари молчали.

Вдруг Риан твёрдо сказал:

— Судить не нам. Короли приняли решение — и мир заключён. Больше кровь невинных литься не будет.

И я на секунду позволила уголку губ приподняться в хитрой улыбке, поймав таки капитана на истинных суждениях.

– Кас, – протянул капитан, заслужив мой внимательный взгляд, – у вас столь не обычное имя.

Я поправила его:

– Это сокращение.

Принцесса жадно ухватила за новую тему, стараясь увести разговор подальше от неприятной:

– И как же звучит ваше полное имя?

– Мое полное имя Касандриэль – если вам угодно, – чуть склонила голову в ее сторону.

Поморщившись, принцесса внимательно оглядела меня:

– Вам не идет. У вас в роду были эльфы?

– Благодарю, нет, – сухо ответила я, возвращаясь к еде.

Амира нервно дернула бровью. Быстро закончив с трапезой, принцесса вновь удалилась в свою палатку, напоследок смерив меня взглядом со смесью презрения и вражды. Было странное ощущение от ее взгляда, но я предпочла выкинуть эти мысли из головы, вернувшись к созерцанию звезд.

В то же время ветви деревьев едва шевелились в лёгком ветерке, и где-то вдалеке перекликались ночные птицы. Звёзды, яркие и холодные, рассыпались по небу, будто кто-то небрежно высыпал горсть серебра на чёрный бархат. Воздух был свежим, с лёгкой примесью дыма от костра и пряных трав.

Тени вокруг становились плотнее, очертания предметов размывались, и всё вокруг казалось чуть нереальным, словно мир затаил дыхание в ожидании чего-то важного. В лагере царил полусонная тишина: только потрескивание углей да редкие шаги часовых нарушали покой.

В этом ночном полумраке всё ощущалось острее — взгляды, прикосновения, слова, сказанные вполголоса. Казалось, сама ночь стала соучастницей, пряча тайны и подталкивая к откровенности.

– Ты не из тех кто любит долгие разговоры, – тихо произнес бархатный голос. Большая часть сопровождения уже укладывалась спать.

– А ты не из тех кто любит пустую болтовню, – чуть насмешливо произнесла я и не увидела, но почувствовала усмешку капитана.

– Иногда молчание, говорит больше любых слов, – его голос завораживал, – скажи, Кас, – еще тише произнес он, будто боялся спугнуть, – зачем ты здесь?

Переведя взгляд со звезд на Риана, я завораживающе смотрела в его глаза:– Каждый ищет свое, кто-то славу, кто-то покой.

Он внимательно слушал меня, а после задумчиво посмотрел куда-то сквозь, будто мои слова эхом отдались где-то внутри него:

– Ты не похожа на того, кто ищет покой, – все еще смотря сквозь меня медленно произнес брютет.

– А ты не похож на того, кто верит в покой, – в тон ему медленно произнося каждое слово почти шептала я.

Поймав взгляд мужчины, я почувствовала, как он приблизился ко мне. Наши руки соприкоснулись, и на секунду мое тело прошибло молнией. Слегка вздрогнув, я не спешила отстраняться, продолжая смотреть в два синих омота, в которых видела свое отражение.

– Ты опасна, – замороженно, не отрывая от меня взгляда, произнес он. Я же тихо улыбнулась, не отрицая и не подтверждая его слов.

– Ты не так прост как хочешь казаться, – протянула я, позволяя себе все же отстраниться от этого не вообразимо притягательного мужчины.

– А ты не так холодна, как желаешь выглядеть, – парировал брюнет, так же отстраняясь от меня. И посмотрел в лес, позволяя себе изредка кидать заинтересованные взгляды в мою сторону.

Время пробило два ночи, когда весь лагерь погрузился в тихую сонную тишину. В траве неподалеку стрекотали светлячки, угли в костре окончательно потухли. А где-то в ветвях, почти сливаясь с тенью, затаился филин. Начиная свою охоту за одной маленькой и прыткой мышью. Его жёлтые глаза внимательно следили за каждым движением внизу. Мышка, не подозревая об опасности, быстро перебежала по мягкому ковру из мха и опавших листьев, время от времени замирая, прислушиваясь к ночным звукам.

Филин не спешил. Он был терпелив, почти недвижим — только перья на груди едва заметно вздымались от дыхания. Вдруг мышка выбежала на открытый участок, и в этот миг филин бесшумно расправил крылья. Мгновение — и он скользнул вниз, сливаясь с ночным воздухом. Когти сомкнулись сцепившись в хрупкое тельце и...

Проснувшись я от пронзительного визга одной особенно надоедливой принцессы. Вспомнив, где оставила лопату, только тяжело вздохнула. Амира, как ураган, пронеслась через весь лагерь и скрылась где-то в кустах. Я лениво проследила за этим представлением, заметив ошарашенный взгляд Риана, и усмехнулась, позволяя себе сладко потянуться. Повернувшись на другой бок, я с удовольствием вновь погрузилась в сон — и пусть весь мир подождёт.

Второе пробуждение было полно непечальных ругательств и моего свирепого взгляда в сторону опять чем-то недовольной принцессы. Плюнув, я взглянула в рассветные лучи солнца, а после взглядом нашла хмурого и отчитывающего часовых капитана. Встав, я резко хрустнула спиной, заставляя замолчать Амиру. Взглянув на меня, она удивленно подняла брови:

— Вы так рано проснулись, — в ее голосе сквозило удивление с нотками раздражения. Я же сдержала рвавшиеся слова, предпочтя простой кивок, и направилась напрямик подальше от лагеря к ручью.

Умывшись прохладной водой, я с удовольствием подставила лицо едва пробивающимся солнечным лучам. Вдруг из кустов донёсся подозрительный шум. Я резко выпрямилась и тут же сотворила из холодного пламени меч, готовая встретить зверя. Но вместо опасности из зарослей задом вперёд выполз вчерашний рыцарь — Рамиль, отчаянно натягивая штаны.

Победив таки не простого противника, с легким восклицанием, он резко повернулся и уставился на меня во все глаза, медленно покрываясь красными пятнами.

Я же, успевшая убрать меч, стояла, прислонившись к дереву, и с искорками веселья взирала на этого «великого укротителя».

— Поздравляю с победой, — не удержалась я.

Рамиль возмущённо воскликнул что-то нечленораздельное, а я, громко рассмеявшись, махнула ему рукой и направилась обратно в лагерь. На сегодня утренних приключений было вполне достаточно.

Вернувшись в лагерь, я увидела, что уже всюю идут сборы. Принцесса сидела рядом с капитаном и возмущенно что-то высказывала тому. На что Риан стойчески молчал, становясь с каждой секундой всё хмурей. Увидев меня, он кивнул, а принцесса резко оборвалась и, взмахнув длинными ресницами, мило улыбнулась.

– Пора сваливать, – послышалось из-за спины.

Обернувшись, я увидела довольного Вильяма. Удивленно подняв брови, моему возмущению не было предела:

– Только не говори что ты выспался!

Он хмыкнул, мотнул головой и, не скрываясь, проводил взглядом проходящую мимо нас служанку:

— Просто день хороший, — бросил он, явно довольный собой, а после тихо пропел строчку из старой похабной песенки — Ничего на свете лучше нету, чем скрипеть кроватью до рассвета.

Я уже собралась высказать всё, что думаю о его утренних похождениях, но вдруг остановилась. А какая мне, собственно, разница? «Логичная мысль», и я кивнула самой себе, решив не тратить нервы.

— Вот и отлично, — довольно произнес друг.

Приподняв брови, я взглянула на Вильяма:

— Ты это о чем?

И поймала уже его вопросительный взгляд:

— В смысле? Я говорю пора нам!

Кивнула головой в сторону Амиры:

— Принцесса со свитой еще не собрались.

— Ты хочешь ехать с ними? Ну нет без меня, — обиженно протянул Вильям и отвернулся.

Я же на его слова, глупо улыбнулась и наклонившись ближе, шепотом произнесла:

— Боишься, дама сердца увидит, что в седле ездить не умеешь?

Глаза Вильяма широко распахнулись, и он начал беззвучно открывать рот, вертя головой.

— Ну ты и ведьма! — совладав с собой, в сердцах произнес он, за что тут же получил часоточное проклятие, не успев увернуться.

— За ведьму, — только и произнесла я, обиженно уходя от друга.

Вильям, почесываясь, фыркнул мне вслед:

— Я знал, что ты такая, но не знал, что настолько.

Я только махнула рукой, не оборачиваясь, но внутри уже веселилась — день становился интересным.

Не спеша я направилась к лошадям, чувствуя на себе взгляд друга. Он, конечно, не унижался — уже через минуту догнал меня, по-прежнему почесываясь и делая вид, что ничего не произошло.

— Кстати, — начал он, стараясь говорить невозмутимо, — если кто спросит, почему я чешусь, скажи, что это из-за новых доспехов. А то начнут шутить.

Я хмыкнула:

— Конечно, расскажу, что это твои доспехи такие колючие. Может, ещё скажу, что ты их сам связал?

Не успел ответить мне шатен, как рядом оказался Рамиль и, поклонившись, чуть смущенно отвел взгляд:

— Капитан просил узнать, поедете ли вы с нами?

Я одобрительно кивнула на вопрос рыцаря, а потом не удержалась и тихо рассмеялась, глядя на попытки Вильяма почесаться незаметно. Он хмуро глянул на меня и только усерднее заёрзал, будто надеялся, что зуд пройдет сам собой.

В этот момент мимо проходила та самая служанка, с которой он провёл ночь. Она заметила его странные телодвижения, вопросительно посмотрела сначала на него, потом на меня. Я лишь пожала плечами, изображая полное недоумение, и сдержала улыбку.

Вильям поймал её взгляд, смутился ещё больше и попытался сделать вид, что просто поправляет ремень на поясе. Служанка возмущенно воскликнула и быстро развернувшись бросилась назад.

— Вот видишь, — шепнула я, — теперь все будут думать, что у тебя, — сделав весьма заметную паузу, посмотрела на пах, — блохи.

Вильям бросил на меня гневный взгляд, но я только хмыкнула и пошла в сторону большака, наслаждаясь его неловкостью и злостью.

В сторону столицы мы тащились с такой скоростью, что казалось — ворота увидим только к закату.

— Как там говориться? Тише едешь — дальше будешь? — пробормотал Вильям почесываясь, и бросил взгляд в сторону кареты, — Тот кто придумал эту чушь, явно не ездил бок о бок с королевской особой.

— Не знаю как там правильно, но я говорю иначе, — хмыкнула поправляя выпавшую прядь волос из тугой косы.

Поймав заинтересованный взгляд капитана, я мило улыбнулась:

— И как же говорите вы?

Усмехнувшись, я игриво посмотрела прямо в глаза капитана:

— Тише едешь — меньше должен!

Рыцари хмыкнули, кто-то даже прыснул со смеху. Только друг продолжал бурчать без остановки, будто кто-то песка в сапоги насыпал, ну или по другим причинам:

— Если бы ехали одни, то уже бы давно пили вино при дворе!

Посмотрев на друга с интересом, он лишь отмахнулся. Но не выдержав обернулся ко мне и смерил взглядом:

— А если бы кто-то не упрямылся, то летели бы.

Я уловила его намеки, но ускоряться не спешила. Желая оставаться в компании капитана. Что-то в нем будоражило все внутри меня, и я хотела понять, что это.

Из кареты высунулась раздраженная принцесса:

— Сколько можно? Меня же укачивает!

Вильям закатил глаза и нервно бросил:

— Сделай что-нибудь! — проклиная меня в сотый по счету раз, но я стойчески перенесла очередной посыл друга и тихонько шепнула левитирующее заклинание.

Карета плавно взмыла над дорогой. Лошади с явным облегчением понеслись вперед. Рыцари удивленно посмотрели на летящую карету и, кажется, выдохнули с облегчением. Подобные выкрутасы им были недоступны по долгу службы.

Вильям бросил на меня возмущенный взгляд:

— А раньше нельзя было?

Я показала ему язык и пришпорила коня. Услышав в спину громкий смех мужчин и возглас Вильяма.

Так мы и преодолели остаток пути, менее чем за четверть часа и уже въезжали в городские ворота, когда принцесса вновь высунула голову из кареты:

— А раньше нельзя было так ехать?

В этот момент заклинание левитации закончилось и карета с легким скачком подпрыгнула. Принцесса с воплем и характерным щелчком челюсти, исчезла внутри.

Я смущенно посмотрела на Риана:

— Ой...

Он же только усмехнулся:

— Спасибо.

Глава 6 Дыхание перемен: когда рыцари бьются, а коты правят

Ворота дворца медленно распахнулись, пропуская уставшую кавалькаду. Впереди ехал капитан Риан — его осанка была безупречна, взгляд цепкий, а рука привычно лежала на рукояти меча. За ним, окружённая рыцарями, в карете ехала принцесса Амира. Лошади фыркали, а копыта глухо стучали по каменным плитам внутреннего двора.

Я же шла в конце, рядом с Вильямом, ведя лошадей. Мы не спешили и не прятались. Наше появление вызывало у стражи сдержанное напряжение: ливернийцы не были здесь желанным гостем, но и прогнать их никто не смел. Слуги, затаив дыхание, наблюдали из-под арок, перешёптываясь и бросая косые взгляды.

— Вот мы и на месте, — негромко бросил Риан, спрыгивая с коня и оглядываясь на меня.

— Вы умеете произвести впечатление, — с усмешкой заметила я, окидывая взглядом мраморные колонны и вычищенные дорожки.

Дверца кареты распахнулась, и Амира, не скрывая усталости, выбралась наружу. Она бросила на меня короткий взгляд, в котором смешались презрение и осторожность.

— Надеюсь, здесь нас встретят не только формальностями, — тихо сказала принцесса, поправляя плащ.

Рыцари выстроились полукругом, готовые к любым неожиданностям. Один из них, не выдержав, шепнул соседу:

— Говорят, отсюда сложно выбраться...

Я же усмехнулась, не оборачиваясь:

— Иногда мёртвым легче, чем живым.

Риан бросил на меня предостерегающий взгляд, но промолчал. В этот момент к ним поспешно вышел дворцовый распорядитель, низко поклонился и объявил:

— Его светлость, князь Бернанд Шерон, ждёт вас в тронном зале.

Риан, не меняя выражения лица, кивнул и первым шагнул вперёд, оставляя за собой ощущение лёгкого холода. За ним, чуть настороженно, двинулись остальные.

Внутри дворца было тихо, только эхо шагов разносилось по мраморным коридорам. В этот день стены замка впервые за долгое время ощутили дыхание перемен.

Не успев проститься с ливернийской делегацией, на меня налетела разгневанная Катарина:

— Ты куда пропала? — шипела та словно змея.

Я же не успела и рта раскрыть как она перебила:

— Я волновалась, думала что, что-то произошло! — повернувшись в сторону Вильяма, она сделала к нему резкий шаг.

— А ты куда смотрел? Я же велела вам вернуться до вечера!

Вильям смутился и опустил глаза, стараясь незаметно поерзгать на месте:

— Прошу простить...

Не успел он начать оправдываться, как подруга взмахом руки перебила его и схватила меня за плечи:

— Лира Талиэн в истерике, вот вот начнется турнир, причёска не сделана. Господин фон де Бридж уже в предобморочном состоянии, еще и ты пропала!

«Вот о них, я больше всего и переживала то», промелькнула крамольная мысль.

Глаза Катарины метали молнии, когда она резко отстранилась зажимая нос:

— Что за отвратительный запах? — помахала она рукой перед собой, — И как ты планируешь отмываться?

Только открыла рот собираясь махнуть в сторону делегации, как Катарина тут же перебила:

— Не говори не слова!

Хватая меня за руку она потащила ко дворцу, так и не заметив, наблюдавших за всем ливернийцев:

— Мы с тобой должны блистать на турнире, где это видано, чтобы моя подруга так выглядела? — замерев на секунду, она вновь сморщила нос, — И пахла!?

Я уже перестала искать оправдания и покорно следовала за этой златовласой фурией.

Не размениваясь на слова, Катарина без лишних церемоний буквально втокнула меня в большую бадью с тёплой водой и, не моргнув глазом, велела служанкам оттирать меня до тех пор, пока, по её словам, «от меня не перестанет нести болотом и я не стану похожа на живого, здорового человека».

Увидев мою недовольную гримасу, она лишь прищурилась и, с едва заметной улыбкой, пригрозила:

— Если не перестанешь корчить рожицы, велю облить тебя ледяной водой.

Я вздохнула, смирившись с судьбой, и позволила заботливым рукам служанок смыть с меня следы прошедшего дня.

В покоях Катарина царила особая атмосфера: мягкий свет ламп, запах свежих трав и тихий шелест дорогих тканей. Я стояла у зеркала, поправляя высокий воротник своего тёмно-синего платья. Я не любила излишнюю роскошь, но сегодня позволила себе серебряную брошь в виде ворона — знак уважения к дворцовому этикету.

Катарина, напротив, суетилась у трюмо. Она выбирала между двумя лентами для волос — алой и лавандовой, — и никак не могла определиться. В конце концов, остановилась на лавандовой, чтобы оттенить светлую кожу и подчеркнуть цвет глаз.

— Ты уверена, что хочешь идти? — спросила я, наблюдая за княжной в отражении зеркала.

— Конечно, — с улыбкой ответила Катарина. — Турниры — это не только зрелище, но и возможность узнать, кто из рыцарей достоин доверия.

Я кивнула, поправила перчатки и взяла в руки тонкую чёрную вуаль. Она не скрывала лица полностью, но лёгкая дымка придавала моему облику загадочности.

В соседней комнате громко переговариваясь сидели уже готовые сопровождать нас лиры. Девушки обсуждали участников турнира и прибывших гостей, настраиваясь на торжественный лад.

Катарина надела тонкое кольцо с сапфиром, и бросила последний взгляд на меня:

— Готова?

— Всегда.

Только тихое волнение за Бонифация никак не желало покидать меня.

Двери покоев распахнулись, и под аккомпанемент нежных аккордов Катарина и я в окружении фрейлин вышли в коридор. Наши шаги были уверенными, а взгляды — полны ожидания. Впереди ждал турнир, где решалась не только судьба рыцарей, но и многое для нас, только тогда я еще не знала этого.

Трибуны ломились от людей. Шум стоял такой, что заглушал даже крики глашатаев: ликование, аплодисменты, имена фаворитов — но чаще всех звучало одно: Артион, наследник Аэдора. Это имя скандировали так, будто он уже был победителем, а не просто одним из участников.

За те дни, что я провела при дворе, мы так и не были представлены друг другу. Я знала о молодом принце лишь из слов Катарина — гордый, самовлюбленный, немного высокомерный.

И вот сегодня мне предстояло впервые увидеть его живьём, а вечером — предстать перед ним на официальном пиру в честь открытия турнира. Как и остальным впервые прибывшим ко двору.

Избранницы и участницы будущего отбора волновались сильнее всех. Их руки нервно теребили веера, глаза бегали по полю, а сердцебиение, казалось, было слышно даже сквозь шум толпы. Было не понятно: их волнение связано с участвующими рыцарями от их земель или же они боялись, что во время турнира их возможно будущего мужа слегка... помнут?

При этой мысли на моих губах мелькнула кровожадная улыбка. Но я быстро взяла себя в руки и ещё раз пробежалась взглядом по прибывшим участницам.

Их посадили всех вместе в один ряд — на противоположной от княжеской трибуны стороне. За ними, на ряд выше, разместились официальные представители земель — важные персоны с гербами и титулами.

Казалось, что подобное размещение сделано для лучшего обзора — логично, всё-таки дамы должны видеть своих героев. Но что-то подсказывало мне: князь просто хотел держать их всех на виду, не спуская глаз. Словно это был не турнир, а... смотрина. И не важно, кто кого выбирает — главное, чтобы никто не сбежал.

Я хмыкнула про себя и откинулась на спинку кресла, ожидая начала.

Найдя взглядом капитана Риана, я заметила, что он тоже смотрит на меня — с лёгким интересом, но без расслабления. В его глазах читалась та же внимательность, что и всегда. Я послала ему лёгкую улыбку из-под вуали, которая скрывала моё лицо лишь наполовину.

За спиной послышались шаги. Зрители начали подниматься, шум толпы постепенно затихал, пока не воцарилась полная тишина. Я чуть склонила голову в приветственном поклоне перед князем и княгиней.

И тут взгляд зацепил знакомую наглую морду. Бонифаций — этот кот, явно наслаждался жизнью, — грациозно проскользнув мимо Бернарда, бестия запрыгнул прямо на моё кресло, обитое красным бархатом. Князь, казалось, даже не заметил наглого паразита. Он помог своей супруге разместиться в таком же, но более массивном резном кресле.

Следя за примером остальных зрителей, я опустилась на своё место и взяла кота на колени. Платье было тёмным — глубокий синий, почти чёрный, с серебряной вышивкой по подолу. И это была моя главная ошибка.

Бонифаций, этот наглый паразит, моментально устроился у меня на коленях и принялся тереться о ткань своей мордой. Шерсть — чёрная, густая, словно бархат — моментально облепила всё вокруг.

Более чем уверена, что к концу дня это платье отправится прямиком в урну. От шерсти мне его не избавить никогда.

Я уже представляла, как буду отдавать его служанкам, а те будут смотреть на меня с недоумением.

А этот нахал, с довольной мордой, умудрялся ещё и тереться о мой бюст. Я осуждающе шикнула на кота, но Бонифаций лишь прищурил изумрудные глаза и продолжил своё дело с видом полного безразличия. В дополнение хлестанув по лицу хвостом, вызывая желание скинуть его в центр поля и наслаждаться как из него сделают волосатую котлету. Будто почувствовав мои кровожадные мысли он все же устроился на моих коленях.

И тут я почувствовала на себе пристальный взгляд. Опустив глаза, я заметила Лиру Талиэн — она сидела на ряд ниже, на княжеской трибуне, и буквально прожигала меня взглядом.

Бонифаций тоже её заметил. Я услышала тихое шипение — кот напрягся, шерсть на его загривке встала дыбом, а изумрудные глаза сузились в две тонкие щёлочки. Он явно недолюбливал эту женщину.

Ли́ра высокомерно окинула нас с котом взглядом — сверху вниз, будто смотрела на что-то очень неприятное. Её губы изогнулись в милой улыбке, но сквозившая волна неприязни всё же достигла меня. Это была не просто холодность — это была ненависть, тщательно скрываемая за маской вежливости.

Я лишь мило улыбнулась в ответ, демонстрируя полное спокойствие. Но внутри что-то похолодело.

Что ей нужно? И почему она смотрит на меня так, будто знает что-то, чего не знаю я?

Бонифаций снова зашипел, и я машинально погладила его по спинке, успокаивая. Кот замолчал, но продолжал следить за Лирой с тем же напряжённым вниманием, с каким хищник следит за добычей.

Между нами — молчаливая война. И я чувствовала, что она только начинается.

Что же касается остальных, они наконец уселись, и только тогда князь позволил себе начать торжественную речь:

— Дорогие гости, благородные рыцари, представители земель и королевств!

Толпа замерла, внимая каждому слову.

— Сегодня мы собрались здесь не просто ради зрелища и славы. Сегодня мы чествуем то, что делает нас людьми: честь, отвагу и преданность делу, большему, чем мы сами.

Князь обвёл взглядом арену, где в ряд стояли рыцари в сверкающих доспехах.

— Турнир — это не просто поединок. Это испытание духа. Каждый из здесь присутствующих рыцарей доказал свою храбрость в боях и походах. И сегодня они покажут нам, на что способны не только руки и меч, но и сердце.

Бернард указал на трибуны:

— Пусть дамы смотрят и выбирают. Пусть юные учатся видеть настоящих героев. Пусть каждый из нас вспомнит, ради чего стоит жить и сражаться.

Его голос стал твёрже:

— Но помните: сегодняшней день — не только о победе. Это день единения. День, когда забываются распри и вспоминается то, что делает нас едиными. Пусть победит сильнейший, но пусть никто не уйдёт с поля боя униженным.

Князь поднял кубок:

— За храбрость! За честь! За тех, кто сражается за мир и свою семью!

Трибуны взорвались криками, рыцари подняли мечи, и турнир начался.

Первое состязание турнира началось ровно в полдень когда Солнце Игнис полностью закрыло собой Фульгор, и их свет сплелся в единое целое, ярко озарил наш мир. Я сидела рядом с Катариной на возвышении, откуда открывался отличный вид на поле.

Катарина выглядела взволнованной — её глаза сияли, губы тронула улыбка. Я же, напротив, ощущала странное спокойствие, будто наблюдала за этим издали, сквозь тонкую вуаль. Все так же осторожно поглаживая Бони и более не смотря в сторону Талиэн.

— Смотри, начинается, — прошептала княжна, сжав мою руку.

На арену вышли первые рыцари — в сверкающих доспехах, с гербами своих домов. Но доспехи были не просто стальными: я видела тонкие серебряные линии, проступающие на стали, — плетения защиты, вплетённые в металл. Рыцари носили на поясах небольшие кристаллы — камни-концентраторы, хранящие заранее подготовленные заклинания.

Перейдя на магическое зрение я отметила - их аура была достаточно мощной, почти одного уровня.

Один из них, высокий и светловолосый, бросил короткий взгляд в нашу сторону. Я уловила в его взгляде смесь решимости и страха. На его груди мерцал амулет — судя по слабому свечению, с плетением усиления. Другой, более приземистый, держался уверенно, но пальцы его дрожали на рукояти меча — и на руке я заметила татуировку с боевым узором, который активировался перед схваткой.

Как странно: для них это — шанс прославиться, для меня — просто ещё одна сцена, где жизнь и смерть сплетаются в танце. Я привыкла видеть исход заранее, но сегодня позволила себе быть просто зрителем.

Глашатай выкрикнул имена участников, и толпа взорвалась одобрительным гулом. Катарина наклонилась ко мне:

— Как думаешь, кто победит?

Я улыбнулась:

— Сложно сказать. Иногда побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто умеет ждать момента. Да и магия — штука непредсказуемая.

Бой начался резко: мечи скрестились, щиты глухо гремели. Но это было лишь начало. Светловолосый рыцарь сделал движение рукой, и вокруг его клинка вспыхнуло серебристое плетение режущего ветра — лезвие меча будто удлинилось, рассекая воздух с шипением. Его противник среагировал мгновенно: щит вспыхнул золотистым светом, барьер из уплотнённой магии принял на себя удар, рассыпавшись искрами.

— Смотри, настоящее магическое искусство! — прошептала Катарина, заворуженно наблюдая за поединком.

Один из рыцарей пошёл в атаку, другой ловко уклонился, и на миг показалось, что всё решится в один удар. Но бой затянулся — оба были упрямы, оба не хотели уступать. Они обменивались ударами, плетения вспыхивали и гасли, мечи пели, разрезая воздух, а щиты мерцали, принимая на себя магические атаки.

Я смотрела на них и думала: сколько в этих молодых лицах надежды, сколько страха быть забытым. Для них этот турнир — целая жизнь, для меня — лишь короткий миг среди многих. Но магия... магия была красива. Переплетение силы, скорости и древних узоров, которые рыцари носили на себе, как вторую кожу.

Катарина с замиранием следила за каждым движением:

— Какой накал! Я бы не выдержала такого напряжения.

Я сжала её ладонь:

— Прекрасный бой, сразу видно — профессионалы!

В этот момент светловолосый рыцарь сделал что-то неожиданное. Он сплёл пальцами сложный узор — я узнала технику, которую использовали боевые маги Аэдора, — и его меч вспыхнул ослепительным белым светом. Удар молнии — классическое, но эффективное плетение. Противник не успел среагировать: щитовые плетения на его доспехах вспыхнули и рассыпались под натиском силы.

Рыцарь упал, светловолосый победитель остался стоять, тяжело дыша. Толпа взревела, Катарина радостно всплеснула руками, а я поймала себя на том, что тоже улыбаюсь.

Может, иногда стоит позволить себе быть частью этого мира, хотя бы на миг. Просто смотреть, просто чувствовать, просто жить.

Первый поединок закончился, и рыцари один за другим выходили на арену. Я успела увидеть ещё несколько схваток:

Вторым поединком, была схватка двух рыцарей из северных земель. Оба рослые, в тяжёлых доспехах покрытые заклинаниями легкости — на Севере без них никак. Бой был грубым, больше силовым, чем магическим. Один из них использовал плетение ледяного клинка, но второй оказался быстрее — скоростное усиление сделало его движения почти неуловимыми. Победа досталась тому, кто первым сумел достать противника.

В третьем же поединке участвовала женщина-рыцарь. Редкость. На ней был лёгкий доспех с плетениями гибкости — движения плавные, почти танцевальные. Её противник явно недооценил её. Она использовала магические нити — тонкие, почти невидимые силки, которые обвилились вокруг его ног и повалили на землю. Толпа ахнула.

Следующими оказались два архимага-рыцаря. Это было зрелище: они не бились вблизи, а обменивались огненными залпами, ледяными копьями, молниями. Арена покрылась льдом и копотью, воздух потрескивал от напряжения. В какой-то момент один из них создал купол тьмы, скрывший его от глаз противника, но второй оказался хитрее — тепловое плетение помогло ему увидеть соперника в темноте. И победа досталась тому, кто первым нашёл противника.

А потом объявили его:

— Пятнадцатый поединок! Его светлость, наследный принц Аэдора, Артион Шерон!

Толпа взорвалась. Катарина схватила меня за руку:

— Смотри! Это он!

Кажется подруга была взволнована не меньше остальных. Она схватила меня за руку, да так, что я почувствовала ее легкую дрожь и осторожно накрыла своей. Конечно здесь и сейчас решалась судьба ее брата.

На арену вышел молодой человек — лет тридцати, с тёмными волосами и фиалковыми глазами, какие были у Катаринины и их матери. Его доспех был из тёмной стали с золотыми инкрустациями — герб Аэдора, крылатый лев. Но главное — на нём не было видно ни единого плетения. Ни татуировок, ни амулетов, ни камней-концентраторов.

Интересно. Почему он скрыл свою магическую суть?

Его противник — рыцарь из соседнего герцогства, с русыми усами и мощным телосложением — вышел следом. На нём я заметила сразу несколько защитных плетений, выгравированных на кирасе: щит равновесия, упругость стали и что-то вроде отражения удара.

Артион же был пуст. Ничего.

Я прищурилась, пытаюсь прочесть ауру. Магия есть. Но скрыта. Глубоко.

Не сводя взгляда с Артиона, я чуть повернула голову к подруге и тихо прошептала:

– Почему его магия скрыта?

Катарина перевела взгляд с поля на меня и лишь загадочно улыбнулась. Поняв, что эта тайна за семью печатями и лучше один раз увидеть, чем пытаться выспросить, продолжила наблюдать за турниром.

Бой начался. Русский рыцарь сразу пошёл в атаку — мощный удар меча, направленный в голову. Артион уклонился с лёгкостью, которая показалась мне подозрительной. Плетение скорости? Но я не вижу его...

Противник продолжил: серия быстрых выпадов, каждый сильнее предыдущего. Артион уходил, парировал, отступал — но не атаковал. Толпа начала роптать.

— Он что, сдаётся? — разочарованно прошептали где-то в нижних рядах.

И тут русский рыцарь решил использовать магию. Он сплёл пальцы в боевой узел и крикнул:

— Горн ветров!

Из его ладоней вырвался вихрь — сотни острых воздушных лезвий, летящих прямо в Артиона. Это было мощное атакующее плетение, способное разорвать человека на части.

Артион поднял руку.

И мир изменился.

Вокруг его ладони вспыхнуло плетение, которого я никогда не видела — чёрное, с искрами белого и золотого. Оно поглотило вихрь. Просто... поглотило. Как будто ничего и не было.

Толпа ахнула.

— Это... — я подалась вперёд, пытаюсь разглядеть, — это плетение пустоты? Такое возможно?

Катарина увлеченная поединком, не расслышала моих слов:

— Что?

Но я не успела ответить. Артион наконец атаковал. И мы вернулись к поединку боясь отвлечься.

Его меч вспыхнул — не серебром, не золотом, а чистым белым светом, который казался ослепительным. Это было не просто плетение усиления — это было что-то древнее, что-то, от чего по спине пробежал холод.

— Разрез истины, — прошептала я, узнав технику. — Легендарное плетение Диабрэ...

Артион шагнул вперёд и сделал один-единственный удар.

Его меч прошёл сквозь щитовые плетения противника, как сквозь воду. Русский рыцарь отлетел назад, ударился о землю, его доспех треснул. Победа.

Трибуны взорвались. Крики, аплодисменты, топот. Артион поднял меч — клинок уже погас, — и поклонился публике. В его глазах не было торжества. Лишь спокойствие человека, который точно знает, что он сильнее.

Я смотрела на него и понимала: это не просто наследник. Это — оружие. И мне лучше пока не становиться его врагом.

Первый день турнира закончился. Перевозбуждённая толпа хлынула с трибун, унося с собой восторженные крики и огромную волну энергии, которая ещё долго висела в воздухе.

Катарина вместе с семьёй покинула трибуны одной из первых. На прощание подруга весело усмехнулась мне и, наклонившись, тихо прошептала:

— Это ты ещё не видела прошлый поединок братца.

Оставшись переваривать её слова, я машинально погладила загривок Бонифация — и вздрогнула. Кот цапнул меня за палец так, что кровь моментально выступила на коже. От неожиданности я одёрнула руку и с изумлением уставилась на наглую бестию.

Бонифаций замер в недовольной позе, нервно махая хвостом, и смотрел на меня в ответ. В его изумрудных глазах читалось недовольство пополам с обидой.

Приложив кровоточащую рану к губам — точно так же, как пару дней назад это делала Лира Талиэн, — я всё ещё не могла отвести взгляд от кота. Тот не шевелился, только хвост дёргался яростнее, словно он сам не понимал, почему так отреагировал.

Я тихо выдохнула и провела ладонью по его загривку — осторожно, мягко, почти просяще. На этот раз Бонифаций не сопротивлялся. Он замер, позволяя себя поднять, и я, аккуратно прижав его к груди, поднялась с кресла.

Пора было уходить.

Проходя мимо одного из выходов, я заметила палатки, где находились рыцари, для подведения итогов дня и подготовки к следующему. Решив немного осмотреться, я прошла чуть дальше и заметила знакомую фигуру.

Подойдя ближе к уже знакомому мужчине, я прочистила горло заставляя того обернуться:

— Ты всегда так внимательно смотришь на бойцов? Или только когда на кону честь двора?

Риан усмехается, скрестив руки на груди:

— Я слежу за порядком. И за теми, кто может его нарушить.

— Значит, и за мной тоже? — бросила на него лукавый взгляд.

Риан резко всем корпусом развернулся в мою сторону, и как коршун навис надо мной и Бонифацием, все еще сидящем в моих руках:

— За тобой особенно, — прозвучал тихий ответ капитана, являя мягкую улыбку, — ты слишком непредсказуема.

Наши взгляды одновременно опустились на наблюдающего за происходящим кота.

Склонив голову на бок, я хмыкнула:

— А ты слишком предсказуем. Но это почему-то не раздражает.

Риан продолжая улыбаться хотел протянуть руку к Бони, но тот предупреждающе зарычал, от чего нам пришлось сделать шаг друг от друга. Шикнув на кота я отпустила его на землю, но тот не спешил убегать, а наоборот пройдя вокруг меня сел у моих ног, словно сторожевой пес.

Капитан проследив с интересом за происходящим перевел взгляд на поле.

И скрестив руки на груди, он не смотрел в мою сторону, но говорил тихо, будто знал, что я точно услышу его:

— Ты сказала что приехала в гости, давно гостишь здесь? По свободе не скучаешь?

Он не обвинял, но в голосе звучала обида. Я же кашлянув в кулак позволила себе помолчать, не спеша разочаровывать в неверности своих выводов этого притягательного водника.

Но все же сделала шаг к нему и встав боком пробежалась взглядом по турнирному полю:

— Свобода — это иллюзия. Даже здесь я могу быть собой иногда.

Он повернулся ко мне, но я продолжала смотреть на поле:

— Иногда — мало. Ты заслуживаешь большего.

Его слова рассмешили, но я сдержалась и подарила ему лишь мягкую улыбку:

— А ты? Ты ведь тоже прячешься за долгом.

Риан чуть нахмурился, но в голосе появилось тепло:

— Может, когда-нибудь я научусь жить не только ради других.

Он споткнулся на последних словах, будто желал сказать больше, но не мог.

— Если решишься — дай знать, — тихо произнесла я.

Время до вечернего пира пролетело незаметно. Стоило шагнуть под дворцовые своды, как слуги схватили меня с двух сторон и буквально утащили напрямик в гостевые покои — так и не дав толком проститься с капитаном.

Разумеется, они выбрали именно этот момент, чтобы проявить усердие.

Благо Бонифаций, похоже, решил, что компания князя ему наскучила, и предпочёл оставаться рядом со мной. Он гордо возлежал у меня на плечах, пока слуги тащили меня по коридорам, и смотрел на всех свысока — словно это он здесь главный, а мы все так, приложение к его величеству.

Пир проходил в огромном зале — потолки терялись во тьме, колонны взмывали вверх, теряясь в тенях, а стены украшали гобелены с изображениями былых побед и гербов. Столы ломились от различных яств: запечённые окорока, жареные птицы, горы овощей, блюда с соусами всех мыслимых оттенков. Вино лилось рекой — в кубках, чашах, даже в специальных фонтанах, где алое вино переливалось при свечах.

Несмотря на столь грандиозное событие, на празднество были приглашены исключительно важные персоны: лорды, графы, представители крупных домов и, разумеется, те, кто имел право участвовать в отборе невест.

Во главе стола восседал князь Бернард с супругой Висарией — женщиной с холодной красотой и взглядом, от которого хотелось одеться теплее. Справа от князя сидел Артион, и в его глазах так и резвились бесенята.

Именно это зацепило меня, когда я взглянула на наследника. Характером он точно пошёл в отца — тот же взгляд, который говорил: "Я знаю больше, чем показываю".

Рядом с княжной восседала Катарина, мило переговариваясь с одним из представителей, прибывших сопровождать кандидатку отбора. Он был из Рита — небольшого княжества, даже меньше по площади, чем Аэдор, но имевшего внушительное население менталов.

Рит. Интересное место.

На тринадцать тысяч населения почти половина была способна проникнуть в незащищённую ментальными барьерами голову и выведать все тайны — вплоть до таких, за которые можно случайно исчезнуть и не вернуться. И только на этих землях, уходя куда-то в глубины

земной коры, располагался источник земной магии. Никто не смел иметь дело с этим пусть маленьким, но умевшим быть как кость в горле государством.

— Менталы, — тихо прошептала я себе, — надо будет держать ухо востро.

Бонифаций, что продолжал довольно лежать на моих плечах, согласно муркнул.

Пройдя за слугой, я оказалась за главным столом — это вновь вызвало мою тихую гордость и заставило поймать несколько любопытных взглядов с других столов. Дамы смотрели с интересом, мужчины — с опасением. Некромантка за главным столом — это что-то новенькое.

Я собиралась уже сесть, когда поймала взгляд Бернарда и почтительно кивнула. Получив кивок в ответ, он жестом указал на кресло по другую сторону стола — аккуратно рядом с наследником.

Катарина, которая было уже вцепилась в мою руку и собиралась высказать мне за опоздание, резко отпустила. Я услышала лишь тихий недовольный вздох.

— Поторопилась бы хоть немного, — прошипела она, — а то сидишь теперь рядом с ним.

— Это ещё почему? — я приподняла бровь.

— Потому что это место для тех, кого представляют официально, — Катарина многозначительно посмотрела на меня. — А ты ведь ещё не была представлена, да?

Прикинув, как это будет выглядеть со стороны, я мельком бросила взгляд в огромный зал и, поняв, что все заняты пиром, перепорхнула в конец стола и чуть склонив голову села рядом с Артионом.

Наследник с интересом рассматривал новую соседку. Его глаза — фиалкового цвета, при ближайшем рассмотрении отдавали лёгким отблеском золота — изучали меня с той же невозмутимостью, с какой хищник изучает добычу.

— Некромантка, — произнёс он первым, и его голос был таким же, каким я и представляла: бархатным, с легкой хрипцой. — Интересно.

— Наследник, — парировала я. — Тоже интересно.

Артион приподнял уголок губ — почти улыбка, но не совсем.

— Вы ведь не из тех, кто любит церемонии, я угадал?

— Угадал, — я взяла кубок с вином и пригубила. — А вы не из тех, кто любит церемонии, но притворяется.

Его брови слегка приподнялись — признак удивления. Моя маленькая победа.

— Прямая. Мне нравится.

— Прямая, — согласилась я.

Артион откинулся на спинку кресла, продолжая изучать меня с тем же невозмутимым выражением лица:

— Так значит, ты та самая некрмантка, о которой говорит весь двор?

— А что говорят? — я приподняла бровь.

— Разное, — он пожал плечами. — Что ты пришла со стороны непроходимого леса и сразу привлекла внимание. Что ходишь везде с этим... — он указал на Бонифация, — ...котом. Что смотришь на людей так, будто видишь их смерть.

— А ты веришь слухам? — я отставила кубок.

— Я верю тому, что вижу, — Артион наклонился чуть ближе, понизив голос. — А вижу я женщину, которая явно не боится ни меня, ни моего отца, ни этого зала. Это... редкость.

— Редкость — это бояться кого-то, кто может убить тебя одним движением пальца, — так же тихо парировала я.

Его глаза блеснули.

— Ты угрожаешь наследнику Аэдора?

— Констатирую факт, — я пожала плечами. — Не более.

Катарина, сидевшая чуть поодаль, слышала наш разговор и периодически поглядывала на нас с смесью любопытства и беспокойства. Наконец она не выдержала и отклонилась назад за спины князя и княжны:

— Артион, не пугай Кас. Она и так еле выжила на турнире.

— Еле выжила? — Артион усмехнулся. — Ты видела её лицо, когда я использовал Разрез истины? Она выглядела так, будто увидела что-то интересное, а не опасное.

— Потому что и было интересно, — тихо произнесла я. — Такое плетение редко увидишь.

Артион на мгновение замер, а князь слышавший наш разговор довольно хмыкнул. После чего губы наследника изогнулись в настоящей улыбке — не вежливой, не высокомерной, а искренней.

— Ты знаешь о плетениях?

— Немного.

— Немного, — он хмыкнул. — Большинство людей не знают ничего. А ты смотришь на Разрез истины и говоришь "немного".

Бонифаций между тем издал недовольный мурлык и перемахнул мне на колени, явно показывая, что внимание хозяина должно принадлежать только ему.

Артион посмотрел на кота и поднял руки в примирительном жесте:

— Ладно, ладно. Не ревнуй.

Потом снова обратился ко мне:

— Катарина рассказывала, что ты помогла ей с... проблемой. Надеюсь это не связано с тем циклопом, что шастает в восточной части леса?

Я помедлила с ответом. Стоит ли рассказывать наследнику о том, что произошло?

— Связано, — наконец сказала я. — Но это уже закончилось.

— Закончилось, — Артион кивнул, но в его глазах мелькнуло что-то, что заставило меня насторожиться. — Хорошо. Но если что-то начнётся снова — дай знать.

— Это приказ?

— Это предложение, — он поднял кубок. — За странных гостей, которые появляются в самый неподходящий момент.

Я невольно улыбнулась и подняла свой кубок в ответ:

— За странных хозяев, которые не дают нормально поесть.

Артион рассмеялся — громко, искренне, и несколько голов повернулись в нашу сторону. Катарина с облегчением выдохнула, а представитель Рита смотрел на меня с явным опасением. Менталы. Вечно они чувствуют что-то неладное.

— Ты интересная, Кас, — произнёс Артион, когда смех утих. — Надеюсь, мы ещё поговорим.

— Взаимно, Ваша светлость.

— Артион, — поправил он, — мы не на церемонии.

— Хорошо, Артион.

Он кивнул и отвернулся, возвращаясь к еде. Бонифаций проводил его взглядом, полным интереса, и я тихо погладила кота по холке.

Что ж. Первый день знакомства с наследником Аэдора — и я уже чувствую, что это начало чего-то большого. Больших проблем, судя по взгляду князя.

Мило отсалютовав Бернарду бокалом вина, я пригубила его практически залпом. Вино было хорошим — терпким, с нотками вишни и чего-то ещё, более тёмного, что я не могла определить. Но сейчас меня интересовало не это.

Просьба князя.

Она так и сверлила голову, не давая покоя. Осуществлять какие-либо планы трезвой было как-то не комильфо — слишком много думается, слишком много сомнений. А вино... вино помогало заглушить эту мысль.

Пробуя различные блюда — нежное мясо под сливочным соусом, запечённые овощи с травами, какой-то десерт с мёдом и орехами — я тихо выпивала бокал за бокалом. Вино согревало изнутри, расслабляло, делало мир чуть более мягким и податливым. К третьему бокалу в глазах начало слегка расплываться, а к четвёртому — всё вокруг стало казаться забавным.

Катарина хмурится. Катарина переживает. Какая милая сестрёнка.

Вытерев салфеткой рот — надо же хоть какие-то манеры соблюдать — я осмотрелась в поисках кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить. Может быть, тот посол из Рита? Или какая-нибудь важная дама, которая явно хотела со мной познакомиться, но не решалась подойти?

Но тут я встретилась взглядом с Катариной. Её глаза — фиалковые, как у брата, но с более глубоким оттенком — смотрели на меня с явным предостережением. Она заметно напряглась, её пальцы сжали край стола, а губы слегка приоткрылись.

Она видит. Она всё видит.

Я постаралась успокоить её тихим кивком и указала на пустой бокал, пытаюсь объяснить, что с вином покончено. Ну, то есть я собиралась закончить. Скоро. Может быть.

Катарина недовольно поджала губы — эта гримаса была такой знакомой, такой сестринской, что я едва не рассмеялась. Она явно хотела сказать что-то вроде «ты что, совсем?» или «остановись», но промолчала. Только глаза говорили всё, что она думала о моём поведении.

Наша молчаливая перебранка — я: пьяная и беспечная, она: обеспокоенная и строгая — была удостоена весёлого взгляда Артиона. Он наблюдал за нами с тем выражением, которое появляется у человека, когда он видит что-то забавное, но старается это скрыть.

— Сестрёнка беспокоится? — тихо спросил он, наклонившись чуть ближе.

— Сестрёнка слишком много думает, — парировала я, и мой голос был чуть более пьяным, чем мне хотелось бы.

Артион хмыкнул — в его глазах мелькнуло веселье, но также и что-то ещё. Что-то более глубокое, почти понимающее.

— Она всегда такая, — произнёс он. — Беспокоится обо всех, кто ей дорог.

От этих слов что-то внутри дрогнуло. Я посмотрела на него — на этого наследника, который только что разделался с противником одним ударом, — и увидела не высокомерного аристократа, а человека. Который тоже кого-то любит. Который тоже о ком-то заботится.

Получив мой пьяный, чуть глупый оскал — больше похожий на оскал кошки, которая не знает, что делает, — я неожиданно для себя спихнула Бонифация прямо ему на колени.

— За что? — возмутился Артион, едва поймав кота.

— За то, что смотришь, — буркнула я, и этот ответ был настолько абсурдным, что даже я сама рассмеялась.

Бонифаций, оказавшись на руках у наследника, замер на мгновение. Его изумрудные глаза расширились от негодования — он явно не ожидал такого предательства. И смерил Артиона уничижительным взглядом, который говорил: "Ты недостойн моего присутствия", — гордо отворачиваясь.

Артион хмыкнул и, к моему удивлению, начал чесать кота за ухом. Его движения были уверенными, но мягкими, и Бонифаций — этот предатель — начал мурлыкать.

— Интересный у тебя кот, — заметил наследник, не отрываясь от своего занятия.

— Бестия, — поправила я.

— Бестия, — согласился Артион, и в его глазах мелькнула усмешка. — Но хорошая бестия.

Бонифаций муркнул — видимо, решил, что наследник Аэдора всё-таки не безнадёжен. А может, ему просто было приятно, когда его чешут за ушком.

Я откинулась на спинку кресла и посмотрела на обоих — на кота, который предательски перешёл на сторону врага, и на наследника, который почему-то выглядел совершенно расслабленным.

Вокруг царил атмосфера праздника — музыканты играли на лютнях и флейтах, слуги сновали между столами, наполняя кубки, а гости переговаривались, смеялись, интриговали.

Мир Озарон. Княжество, раскинувшееся на востоке от империи, где магия течёт в каждой реке, в каждом камне.

Здесь, в этом зале, собрались представители десятков домов. Многие из них — потомки тех, кто когда-то помогал основать первые королевства. Фамилии, звучащие как заклинания: Торнвуд, Эйвери, Блэкмор, Вансар. Каждый дом носил свои плетения, свои традиции, свои тайны.

Отбор невест — это не просто церемония. Это политика, сплетённая из древних законов и новых амбиций. Каждый из присутствующих здесь кандидатов — не просто женщина, а союз. Земли, ресурсы, влияние — всё это решалось за этими столами, в этих разговорах, за этими улыбками.

И я... я была здесь как некромантка. Чужая. Приглашённая, но всё равно чужая.

Переведя взгляд, я заметила её — юную девушку в светло-голубом платье, сидевшую за соседним столом. Она смотрела на меня с явным интересом, но не так, как смотрели остальные — не с опасением и не с презрением. Её взгляд был... изучающим. Как у человека, который пытается разгадать загадку.

Кто ты такая?

Она была красива — не той холодной красотой, что я видела у жены Бернарда, а чем-то более тёплым, более живым. Волосы цвета спелой пшеницы, глаза — светло-голубые, как летнее небо. На её шее поблёскивал амулет с плетением, которое я не сразу узнала — плетение ясновидения, редкий дар, позволяющий видеть дальше обычного.

Аннабель. Принцесса Авантрии. Одна из участниц отбора.

Я решила подойти. Чего тянуть?

Поднявшись — мир чуть качнулся, но я быстро восстановила равновесие, — и направилась к её столу. Она проводила меня взглядом, и когда я остановилась рядом, слегка склонила голову.

— Можно? — спросила я, указывая на свободное место рядом.

— Можно, — её голос был мягким, как шелест листвы. — Тем более, мне уже надоело сидеть одной и притворяться, что мне интересны разговоры о погоде.

Я усмехнулась и села.

— Кас, — представилась я. — Некромантка, если ты ещё не слышала.

— Слышала, — она улыбнулась. — Но мне интересно узнать мнение из первых уст. Это правда, что ты подняла мёртвого прямо в академии?

— Правда, — я пожала плечами. — Правда, что он был мой. Или почти мой.

Аннабель рассмеялась — звонко, искренне, без фальши.

— Ты забавная. Большинство из тех, кого я встречала, либо боятся говорить со мной, либо пытаются произвести впечатление. А ты просто... сидишь.

— А ты? — я приподняла бровь. — Ты ведь ясновидящая. Что ты видишь, когда смотришь на меня?

Она помедлила, её глаза на мгновение затуманились — плетение активировалось.

— Вижу... тьму, — наконец произнесла она. — Но не злую. Скорее... одинокую. И ещё — что-то древнее. Что-то, что было задолго до того, как эти земли получили имена.

Я молчала. Молчала и смотрела на неё — на эту девушку, которая только что почти разгадала мою тайну.

— Это пугает? — тихо спросила я.

— Нет, — она покачала головой. — Это... красиво. Как звезды в ночном небе. Они тоже далеко, но от этого не становятся менее прекрасными.

Бонифаций, незаметно пробравшийся ко мне на колени, муркнул. Аннабель посмотрела на кота и протянула руку.

— А это кто?

— Бонифаций, — представила я. — Бестия.

— Красивый, — она почесала его за ухом, и кот, к моему удивлению, подставил голову. — У тебя странные спутники, Кас.

— Угу, ты не первая замечаешь это, — согласилась я. — Самые странные попадают.

Аннабель улыбнулась снова, и в этот раз в её улыбке было что-то особенное — обещание? Или предупреждение? С ясновидящими никогда не угадаешь.

— Знаешь, — произнесла она, — в этом отборе будет много игроков. И многие из них будут играть грязно. Но если тебе понадобится союзник... — она слегка склонила голову, — я буду рада помочь.

Я смотрела на неё — на эту светловолосую девушку с глазами цвета неба — и понимала, что только что приобрела что-то ценное. Или потеряла что-то, ещё не осознав.

— Спасибо, конечно, но я не участвую в отборе, — глупо протянула я.

Аннабель поймала мой взгляд и усмехнулась:

— А я и не про отбор...

Хотела было уточнить, что она имеет в виду, как плеча слегка коснулась мужская рука. Повернув голову, я встретилась взглядом с Теодором. Все мысли тут же вылетели из головы, и я поднялась — чуть покачнувшись, вцепилась в его плечи и всё ещё удивлённо произнесла:

— Либо вино было крепче заявленного, либо ты меня преследуешь.

И тут же получила тихий с легкой хрипотцой смешок:

— Не знаю сколько ты выпила, но я точно не планировал преследовать, скорее обстоятельства вынудили приехать сюда.

Его голос обволакивал, и как в нашу первую встречу, мне хотелось подразнить его:

— Надеюсь, твоя невеста не сильно расстроилась твоему отъезду, — произнесла я и невольно облизнула пересохшие губы.

Тео хмыкнул, но на провокацию не поддался. Вместо этого он повернулся к Аннабель и вежливо склонился:

— Прошу прощения, Ваше высочество. Эта женщина порой забывает о манерах, но является прекрасным магом своего ремесла.

Аннабель приподняла бровь:

— Вы знакомы?

— Сложилось впечатление, — Тео слегка улыбнулся.

Я фыркнула:

— Сложилось впечатление — это когда ты отправил меня в проклятую крепость.

— Ты отказала, — поправил он, — и это было один раз.

— Один раз — это уже традиция.

Аннабель смотрела на нас с явным интересом, её глаза поблёскивали — ясновидящая явно читала что-то в нашей перепалке.

— Что ж, — произнесла она, поднимаясь, — не буду мешать. Кас, надеюсь, мы ещё поговорим.

Она оставила после себя лёгкий аромат пихты и морозной свежести.

Тео проводил её взглядом, потом посмотрел на меня:

— Пьяная?

— Немного, — призналась я.

На что получила сочувственный вздох. После чего меня аккуратно обняли за плечи и повели куда-то в сторону — подальше от шума, подальше от любопытных глаз.

Мы оказались на балконе. Несмотря на поздний час, прохладно не было — лето в этом краю было щедрым на тепло. Да и солнце Фульгор не спешило скрываться за горизонтом.

Фульгор — так эльфы называли свою звезду, что в переводе означало "молния" — всё ещё висело низко над землёй, продолжая освещать землю мягким жёлтым светом. Его лучи переливались серебром от Луны.

Три светила на небе. Два цвета в воздухе. Мир в эту ночь летнего солнцестояния напоминал вечную борьбу между светом и тьмой — они сталкивались, переплетались, не желая уступать друг другу.

Как символично.

Я посмотрела на Тео — его лицо было освещено с двух сторон: тёплым золотым и холодным серебром. Он молча смотрел на небо так же, как смотрела я.

— Красиво, — тихо произнёс он.

— Да, — согласилась я. — Мир в эту ночь похож на бой. Никто не хочет уступать.

Он повернулся ко мне, и в его глазах мелькнуло что-то — понимание, может быть.

— Как ты?

Я не успела ответить — Бонифаций на моих руках шевельнулся и требовательно мяукнул, напоминая, что он тоже здесь и тоже хочет внимания.

— Молчи, — буркнула я коту. — Взрослые разговаривают.

Тео усмехнулся:

— Взрослые?

— Взрослые, — подтвердила я. — Очень взрослые. Пьяные взрослые.

Он рассмеялся — тихо, хрипловато, и этот звук остался висеть в воздухе вместе с последними лучами солнца.

— Почему ты здесь? — спросила я, когда смех утих. — Не говори, что это тоже «обстоятельства».

Тео помолчал, глядя на горизонт. Его лицо стало серьёзнее, словно он боролся с собой.

— Дело в отборе, — наконец произнёс он.

Я замолчала. Отбор невест. Конечно. Здесь всё и все были связаны с отбором.

Бонифаций, будто почувствовав моё настроение, ткнулся мордой в ладонь. Я машинально почесала его за ухом, и кот замурлыкал — тихо, успокаивающе.

Тео смотрел на нас обоих с чем-то похожим на нежность. Но я читала его как открытую книгу — и видела больше, чем он хотел показать.

— Он тебя любит, — заметил он.

— Он меня терпит, — холодно поправила я. — Это разные вещи.

— Похоже на правду, — виновато отвёл взгляд десница.

Мы снова замолчали. Солнце Фульгор медленно опускалось, розовый оттенок начинал брать верх. Мир менялся — свет уступал тьме, но не полностью. Всегда оставалась полоска на горизонте, где они встречались.

— Кас, — тихо позвал Тео.

— Да?

Он повернулся ко мне лицом, и в его взгляде появилось что-то — неуверенность. Странно видеть его таким. Обычно он был таким уверенным, таким... закрытым.

— Мне нужна твоя помощь, — произнёс он.

— Моя? — я удивилась. — С чем?

— С отбором, — он почесал затылок, словно ему было неловко. — Там будут разные испытания. Тесты на магию, на характер, на смекалку. И мне нужно, чтобы кто-то... присмотрел... За порядком.

Я прищурилась:

— Ты просишь меня, некромантку, помочь с отбором невест?

Ирония так и сквозила в моём голосе. Тео почувствовал это — его лицо на мгновение помрачнело, словно мои слова задели его сильнее, чем следовало бы.

— Именно, — он окинул меня цепким взглядом и кивнул, окончательно снимая маску влюблённого ловеласа. — Потому что ты не из тех, кого легко обмануть. И ты видишь... больше, чем другие.

— Вижу мёртвых? — хмыкнула я.

Тео закатил глаза:

— Видишь людей такими, какие они есть.

Я понимала, почему об этом меня просила Катарина, почему князь намекал и просил помочь с невестками. Но Теодор... Теодор стал настоящим испытанием для моих нервов.

Всё происходящее напоминало цирк. А все зрители желали, чтобы я была ведущим этого представления и заставила "животных" танцевать так, как нужно им.

Но цирк ещё не начался. И я ещё не решила, какую роль буду играть.

Мы с Теодором разговаривали ещё какое-то время — о погоде, о турнире. К прошлой теме не возвращались. И слава богам.

Когда часы пробили десять, мы распрощались — каждый в свою сторону. Теодора утянули к группе скучающих аристократов, которые явно жаждали обсудить последние новости. Я пошла обратно к пиру.

Ночь плыла тихая, звёздная. Факелы горели ещё ярче — придворные явно не собирались заканчивать раньше полуночи. Музыка лилась отовсюду, смешиваясь с смехом и звоном бокалов.

План максимум выполнен.

До гостиницы тащиться было лень. Да и ночь уже на дворе — кто знает, что бродит по улицам в такое время?

Бонифаций будто чувствовал моё состояние не стояния. Следовал за мной неотступно — то крутился под ногами, то тёрся о край платья, то вообще шёл впереди, словно охранник.

— Ты чего? — спросила я, глядя на него и вовремя увернулась от взявшейся будто из воздуха стены.

Посмотрев на Бонифация, тот мотнул головой и пошёл дальше.

Кот. Что с него взять.

Я зашла в гостевые покои — небольшие, но уютные. Камин ещё не потух, на столе стояла бутылка вина и пара яблок. Кровать широкая, с балдахинном, застеленная бархатным покрывалом.

Бони запрыгнул на кровать и уставился на меня.

— Слезь, — сказала я.

Кот не шевельнулся.

Я закатила глаза, швырнула туфли в разные стороны и рухнула на кровать, не утруждая себя даже раздеться. Подушка приняла меня мягко, словно давно ждала.

Бонифаций свернулся калачиком рядом с моей головой и замурчал.

Проснулась от того, что на меня обрушилось что-то тяжёлое. Судя по запаху перегара и дорогого парфюма — не иначе как пьяный аристократ. Целиком.

Кто-то явно перепутал не только двери, но и, возможно, весь замок. Или хотя бы этаж.

Я задохнулась. Рефлекс сработал быстрее мысли — пнув незнакомца промеж ног.

Дивный звук. Прекрасный стон. Боль. Резкая, искренняя, та самая, от которой любой некромант заслушается и, возможно, даже запишет в свой личный сборник «Мелодии агонии».

Музыка для мёртвых. И для тех, кто скоро им станет.

Затем незнакомый хриплый, пьяный голос:

— Напилась... веди себя доступно...

Оттолкнув его в сторону, я вскочила. В свете луны — силуэт. Пьяный, шатающийся, явно не понимающий, где он, кто он и почему его так не любят. Камзол был расшит золотой нитью так густо, что в темноте он казался чешуйчатым, а на шее болталась массивная цепь с гербом какого-то захудалого рода.

— Это мои покои, — процедила я.

— Твои? — он хмыкнул. — А мне сказали... третьи двери слева...

— Это четвёртые справа. Но, видимо, в твоём состоянии и арифметика — враг народа.

— Какая арифметика... — замка он и плюхнулся на пол.

Бонифаций, единственный достойный собеседник в этом дурдоме, не просто зашипел. Он выгнул спину дугой так, что стал похож на меховой мост через реку Страха. Шерсть на зашивке встала дыбом, а в глазах зажёгся недобрый огонёк. Он оскалился, демонстрируя клыки, достойные небольшого дракона, и издал звук, похожий на скрежет ржавых доспехов.

— Убирайся.

— Ужо... уже ухожу... — он пополз к двери, оставляя за собой пьяный шлейф и, вероятно, след в истории как самый неуклюжий кавалер столетия.

На пороге обернулся:

— Красивая... такая красивая...

— Вон!

Силуэт исчез.

Я обречённо переглянулась с Бонифацем. Кот презрительно фыркнул, чихнул от остатков чужого парфюма и демонстративно повернулся ко мне спиной.

Так и знала: не стоит оставаться на ночь при дворе. Так и чести лишиться можно, пусть она и была давно утеряна где-то в Волчьих лесах, вместе с моим терпением и верой в человечество.

Потянувшись, Бонифаций потоптался по подушке, словно вымещая на ней всю свою фамильную гордость, и свернулся в клубок. Мой же сон, как зомби при виде лопаты, решил закопаться куда-то в глубь и не отсвечивать до утра.

Глава 7 Короли нуждаются в советах

Слуги вломились в мою комнату и распахнули шторы. Солнце хлынуло внутрь ярким потоком, ослепляя меня.

— Тьма священная, вырубите это!

Пробормотала я, натягивая одеяло на голову, и устало вздохнула. Но что-то странное оказалось во рту — волосатое, противное.

Бонифаций.

Резко подскочив, я начала выплёвывать шерсть, сверля яростным взглядом кота. Он смотрел на меня свысока — будто это я посмела опорочить его тонкую натуру.

— Ты! Это твой..! Бэ...

Бонифаций же вильнул слюнявым хвостом и удалился прочь с достоинством оскорблённой аристократки.

Проводив его взглядом, я решила вернуться в кровать. Ещё пять минут. Десять. Всего ничего...

Но одна из служанок буквально вытолкнула меня из постели.

— Её светлость велела помочь вам подготовиться ко второму дню! Вы не можете опоздать!

Прежде чем я успела возразить, меня избавили от одежды и запихнули в уже готовую бадью с горячей водой.

— Эй, я сама...

Но возмущение замерло на губах. Вода была идеальной — тёплая, с запахом пихты и чего-то ещё, успокаивающего.

Я замурчала и расплылась в бадье, как лужица.

Ладно. Может, второй день будет неплохим.

Когда служанки наконец закончили, я встала перед зеркалом и не узнала себя.

На мне было платье — точнее, два предмета, вместе составляющие нечто совершенное. Верх — блуза из бархата глубокого винного цвета. Длинные рукава расшиты несколькими рядами кружев — тёмных, почти чёрных, они обрамляли запястья и спускались к локтям, как языки пламени. На шее красовался широкий бант из той же ткани — пышный, драматичный.

Юбка — чёрная, объёмная, из двух слоёв. Верхний — с тиснёным узором, который при определённом освещении казался то звёздным небом, то древними рунами. Нижний — простой, создающий пышность, которая заставляла двигаться меня медленно, величественно.

Талию обхватывал чёрный корсет с серебряной пряжкой — единственная деталь, отражающая свет.

Волосы собраны небрежно наверх, придавали образу что-то дикое, не до конца укрощённое.

Смерть, решившая посетить турнир. Или турнир, решивший не пережить моего визита.

Покрутившись немного у зеркала, пришла к выводу что я само совершенство. И не став тратить время отправилась напрямиком на поле.

Оказавшись рядом с трибунами, я обратила внимание на палатки. И чуть помедлив решила сходить в ту сторону, вдруг смогу встретиться с Артионом и пожелать удачи на турнире.

Пока наблюдала за рыцарями, выискивая нужное лицо. Скорее почувствовала, чем увидела его. Он пах кожей, сталью и чем-то неуловимо горьким — как дубовый мох после дождя. Риан появился бесшумно, словно тень обрела форму.

Не оборачиваясь, я тихо спросила, зная, что он услышит:

— Думаешь, кто-нибудь из них сегодня удивит? Или это будет очередной парад разукрашенных болванов?

Капитан пожал плечами. Движение скупое, выверенное. Я почувствовала его усмешку затылком:

— Вряд ли. Настоящие сюрпризы обычно приходят не с арены. Они предпочитают держаться в тени.

Намек прозрачен. Я позволила себе лёгкую улыбку, с интересом рассматривая брюнета:

— Например?

Наши взгляды встретились, и Риан не отвел глаз:

— Например, когда некромантка вдруг оказывается самой живой среди всех, кого я встречал.

В его голосе нет лести, только констатация факта. Но от этого комплимент звучит веселее любого цветистого вранья.

Я зарделась:

— Осторожно, капитан. Такие слова опасны. Вдруг я поверю и решу, что ты со мной флиртуешь?

— Риск - часть моей жизни.

Его голос звучит тихо, но в этой тишине слышался вызов.

— Видел меня вчера на пиру?

— Скорее слышал. Говорят, ты перебрала вина.

— Но не успела наделать глупостей, — хмыкнула на его заявление. — Принцессы тоже кстати не было.

Лицо Риана окаменело. Он не хотел обсуждать свою подопечную.

— Почувствовала себя неважно. Решили удалиться.

Я чуть прищурила глаза. Правды там было меньше, чем он говорил. Скорее всего, решили не испытывать судьбу.

«Правильно. Привыкать к бывшему врагу надо постепенно.»

— Мудро, — кивнула я. — Принцессе стоит быть осторожнее.

Капитан чуть склонил голову — соглашаясь или нет, непонятно.

— Она осторожна.

Он явно желал закончить разговор. Сделав шаг назад, разрывая невидимую нить напряжения между нами. Поклонившись, без лишних слов — Риан двинулся к трибунам. Я провожала того взглядом, пока он не растворился в толпе.

«Странный он. Но... приятный.»

Ещё раз окинула взглядом округу. Артиона нигде не было видно.

«Видимо, не судьба сегодня.»

Пожав плечами, я отправилась в княжескую ложу. Заняв место рядом с Катариной, которая с самого утра была как на иголках.

— Сегодня скачки! — она едва не подпрыгивала на сиденье. — Ты представляешь? Победит быстрейший!

Я представила. И сразу же пожалела.

Турнирное поле переделали за ночь. По всему периметру выстроили барьеры — невысокие, но достаточные, чтобы лошади не вырвались на зрителей. На противоположной стороне красовалась трасса — шесть препятствий, три виража, финишная прямая.

«Рискованное развлечение. Без некроманта могут не обойтись...»

Зрители заполнили трибуны. Шум стоял такой, что заглушал даже крики торговцев. Я заметила знамёна нескольких домов — Альбрехтов, Вольтов, Рейнмарков. Каждое королевство прислало своих всадников.

— Смотри! — Катарина ткнула меня локтем. — Вон тот, в чёрном. Это сэр Маркус. Его лошадь — чистокровный анхорн. Быстрее ветра!

Я посмотрела в ту сторону. Маркус — высокий, худощавый, с лицом, не выражающим ничего. Его конь — чёрный, как ночь, с серебряной гривой — стоял неподвижно, будто ждал команды.

«Интересно. Такой спокойный. Либо уверен в себе, либо дурак.»

Рядом с ним — рыцарь в зелёном. Катарина шепнула:

— Сэр Гастон. Вчера проиграл Артиону. Сегодня хочет реабилитироваться.

Гастон нервно поглаживал своего гнедого коня. Тот явно чувствовал настроение хозяина — уши прижаты, ноздри раздуваются.

«Неважный знак.»

А потом я увидела того, кто смог ускользнуть от моего взгляда с утра.

«Артион.»

Он сидел на коне — белом, почти серебристом в свете солнца. Без доспехов, в одном кожаном жилете. Волосы убраны назад. Лицо — спокойное, почти безразличное.

«Выглядит как человек, которому всё равно. Интересно.»

— Артион! — Катарина помахала ему.

Он поднял взгляд — на сестру и меня. На одно мгновение что-то мелькнуло в его глазах.

Потом он кивнул — едва заметно — и отвернулся.

«Станный человек.»

Труба протрубила. Всадники выстроились на старте.

— Началось! — Катарина схватила меня за руку.

Я придвинулась к краю ложи.

Десять первых всадников. Десять первых лошадей. Один победитель.

Красный платок взлетел — и полетели.

Первым рванул Маркус. Его чёрный конь взорвался со старта, как стрела из лука. За ним — рыцарь в синем, потом Гастон. Катарина нервно сжимала и разжимала мою руку, и что-то подсказывало, волновалась она не за брата. Хмыкнув мыслям, я вернулась к состязанию.

Артион шел пятым.

«Он что, специально?»

Первый вираж. Маркус сохранял лидерство. Зелёный рыцарь поравнялся с ним — плечом к плечу. Гнедой Гастона шёл третьим.

Второй вираж. Препятствие — бревно, не выше колена. Лошади перепрыгнули — все, кроме одного. Синий рыцарь замешкался, и его конь задел барьер копытом. Всадник удержался, но потерял секунды.

Три секунды. Может быть, достаточно.

Артион обходил соперников одного за другим. Плавно, без усилий. Его серебристый конь словно читал мысли хозяина — каждый поворот, каждый прыжок — идеально.

— Он впереди! — Катарина вскочила. — Смотри!

Я смотрела.

Третий вираж. Последнее препятствие — жердь, высотой в полтора человеческих роста. Маркус чуть не завалился — его конь споткнулся, но выправился. Гастон — позади, злой, яростный.

А потом — Артион.

Он не прыгал. Он взлетел.

Конь взметнулся — серебристая молния — и перемахнул через барьер, как будто его там и не было. А через мгновение — финиш.

Первый.

— Победил! — Катарина вскочила, радостно хлопая в ладоши. — Артион победил!

Я молчала.

«Пять секунд. Он выиграл с разницей в пять чертовых миллисекунд».

Это было не просто мастерство. Это было что-то ещё.

Я смотрела на Артиона — он спешился, принимая поздравления. Но взгляд его скользнул ко мне. На одно мгновение — будто случайно, будто нет.

Первый заезд. Первый победитель.

Впереди — ещё три. Финал — четвёртым.

Я проводила глазами уходящего с арены наследника Аэдора. Сильная спина. Уверенная походка. Ни одного лишнего движения.

«Кто ты такой?»

Второй заезд. Сэр Итлинк — злой, упрямый — вырвал победу у рыцаря из Лунделии. Его гневой оказался быстрее, чем я думала.

Когда мужчина спешился и снял шлем, я узнала его.

Тот самый. Из приграничного трактира между Диацией и Гетенбургом.

Рядом с ним стоял второй — тоже знакомый. Сэр Жак кажется.

Они переглянулись. Потом Жак шепнул что-то Итлинку — и оба резко обернулись в мою сторону. Лица полного недоумения. Шок.

«Узнали. Ну надо же.»

Я прикрыла рот ладонью и хихикнула. Легко помахала им — мол, я тоже вас помню.

Катарина придвинулась:

— Ты их знаешь?

— Довелось столкнуться на постоялом дворе, — я чуть наклонилась к ней, всё ещё сдерживая смех.

Один из рыцарей что-то сказал Итлинку. Тот вновь посмотрел на меня — и я подмигнула.

Сэр Жак запнулся на ровном месте, что заставило Катарину тихо засмеяться:

— Кажется, у них осталось незабываемое впечатление о тебе.

Я вспомнила, что именно произошло на приграничье — и прыснула снова.

Третий заезд. Участники уже были на старте. Все зрители затаив дыхание ожидали, когда распорядитель махнет красным флагом, объявляя старт.

Но за секунду до, когда напряжение было уже на грани и ощущалось легким потрескиванием в воздухе, на арену ворвалась темная молния. Серый жеребец — без всадника, без узды — несся как исчадие ада. Грива развивалась, глаза метали молнии. А вместо четырех, у него было шесть ног.

Толпа ахнула, участники недоуменно провожали взглядом. Никто казалось не понимал, что происходит и что это за чудо. Жеребец пронесся по всей трассе, сбил два барьера — в щепки. И остановившись у княжеской ложи, недовольно начал бить копытом о землю.

Он смотрел злобно и будто желал растоптать находящихся здесь. Заржав, он поднялся на дыбы и треснул по деревянному барьеру.

Сидевшие внизу лиры взвизгнули. Вскочили, сжались в испуганную кучу. Конь бушевал — ржал, бился, готовый растоптать любого, кто посмеет приблизиться.

Стража вынеслась на поле, попыталась схватить и увести жеребца, но конь отбивался, крутился волчком. В конце концов будто сдавшись, он вновь вскочил на дыбы и унесся с арены прочь.

Толпа загудела.

Объявили перерыв. Зрители хлынули с трибун — галдели, перебивая друг друга:

— Что это было?!

— Откуда взялся?!

— Вы видели его ноги?!

Один стражник выносил бесчувственную Мелиссу — бледная, как полотно, рука безвольно свисает. Упала в обморок при виде разъярённого чуда.

И тут — крик. Дикий, отчаянный.

Через всё поле, не разбирая дороги, нёсся мужчина. Каштановые волосы до плеч, развиваются. Одежда трещит по швам.

— Граф Вердус, — шепнула Катарина мне на ухо. Все еще не отошедшая от произошедшего.

Граф влетел в княжескую ложу как ураган. Вырвал Мелиссу из рук ошалевшего стражника.

— Как вы смеете прикасаться к этой хрупкой женщине!

Мужчина дрожал от ярости. Глаза — бешеные. Казалось, будто он прямо сейчас наброситься на стражника.

— Граф Нолан, — голос Бернарда был спокойным, но в нём звучала сталь. — Прошу успокоиться. Лира Мелиссия Жор де Ван лишилась чувств от страха. Я велел доставить её к целителю.

Граф скрипнул зубами:

— Прошу прощения, Ваша светлость.

Но Мелиссу не отдал. Сам понес её в целительскую палатку — бережно, будто она была хрустальной вазой.

Следя за их уходом, я отметила, как граф нес Мелиссу, словно тень, привязанная к свету. Его жесты были слишком осторожными, почти робкими для такого гордого создания — будто он боялся, что одно неосторожное прикосновение может разрушить иллюзию.

В его глазах читалась искренность, но вдруг я поняла: это и есть проблема. Его искренность слишком явно выделялась на фоне ее многозначительности... Как будто он пытался влюбиться в себя женщину, уже принадлежащую другому.

Оставив Катарину в обществе лир и матери, я спустилась с трибун. Решив размяться и немного развеяться. Когда, проходя около одной из палаток, обнаружила занимательную картину.

«Бонифаций, гад!»

Тихо подкравшись к палатке, заглянула внутрь. Бонифаций, этот пушистый демон, сидит на столе и с царственным видом уплетает куриную ножку. Гневно стрельнув в него взглядом, я схватила нарушителя за шкуру.

— Ты совсем обнаглел? Сколько можно жрать? Ты скоро ни в один проём не войдёшь, наглая ты морда!

Отчитывая кога, я трясла его в воздухе. И слышала за спиной тихий смешок. Я резко обернулась, всё ещё держа извивающегося демонёнка.

И встретила с насмешливым взглядом Артиона:

— Тебе не стоит так злиться. Я лично распорядился его накормить.

Моё лицо изумлённо вытянулось. Я почувствовала, как в груди досадно тянет. «Похоже, к коту здесь относятся как к королевской особе».

Но кот... кот не мурлыкал. Он завис в руках каменным изваянием, прижав уши к голове, и смотрел на Артиона не с благодарностью, а с холодной яростью хищника, оценивающего добычу. «Не верь ему», — читалось в его глазах.

Я старалась, чтобы мой голос звучал мягко, но нотки раздражения не укрылись от наследника:

— Благодарю за заботу о коте. Но уверяю: если он станет ещё толще, то не пролезет ни в одну дверь. А мне придётся его катать на тележке.

Артион сделал шаг ближе, а его голос был полон искреннего раскаяния:

— Извини, Кас. Я не желал обидеть тебя или как-либо задеть. Но устоять перед этими глазами... я не смог.

Кинув взгляд на кота. На его обожравшейся морде было написано абсолютное противоречие словам Артиона.

— Похоже, эта бестия смогла очаровать здесь многих.

Со вздохом я вернула кота к его добыче. Княжич, будто в подтверждение моих слов, весело рассмеялся.

— Госпожа Кас, уверяю тебя, к твоей персоне здесь относятся настолько же благо-склонно.

Слова его светлости тёплой волной прокатились по моему нутру, вызывая приступ смущения. «О темные, дожила... Борюсь за внимание с котом». От этой мысли мое лицо начало краснеть.

Дав себе мысленную затрещину, я вернула себе привычную холодную маску. И окинув наследника оценивающим взглядом. В моём голосе зазвенела грубая ирония:

— Если Вы не способны устоять перед взглядом кота, то как собираетесь выбирать невесту?

Брови Артиона сошлись на переносице. В одно мгновение маска веселья слетела с его лица. Он делал шаг вперёд, вторгаясь в моё личное пространство так внезапно, что я вынуждено задрала голову. Ощущая под руками его накаченную грудь.

«Чёртовы переростки.»

Его голос звучал обманчиво тихо:

— Разве выбирать невесту поручили не тебе?

Я ощущала жар его тела даже сквозь слой одежды. Почувствовав, что шея начинает ныть, сделала шаг назад.

Голос остался спокойным:

— Последнее слово за вами.

Артион не дал мне опомниться. Широкий шаг — и я прижата к комоду. Княжич уперся руками по обе стороны от меня, заключая в ловушку.

Его взгляд больше не был насмешливым; в нём кипела тихая ярость, смешанная с чем-то ещё, похожим на горькое веселье:

— Ты уверена?

Внутри всё сжималось от этого контраста между его внутренней яростью и спокойным тоном. Сердце колотилось где-то в горле.

Я заставила себя говорить ровно:

— Похоже, вас не радует скорый брак. Возможно, вы желаете обсудить это?

Мужчину будто током ударило. Он отлетел от меня к самому краю палатки, собираясь ответить...

...и мы оба застыли, услышав женские голоса.

— Здесь что, каждый день такие сюрпризы? — прозвучал тихий, недовольный, до боли знакомый голос.

— Да уж, зрелище не из дешёвых, — хмыкнула вторая.

«Опа, а она что тут забыла?»

— Я думала, сердце выпрыгнет! — третья девушка засмеялась нервно. — Как тот жеребец налетел — будто нечисть какая!

«Интересно, а эта, кто?»

Мы с Артионом стояли у задней стенки палатки — незаметно, почти вплотную друг к другу. Ни он, ни я — не шевельнулись. Слушали.

— Надеюсь, хватит на сегодня? — капризно протянула Амира.

— Кто его знает, ваше высочество. Организаторы стараются, но знамения — это не к ним, — в голосе Талиэн проскользнула усмешка.

— О чём вы? Какие знамения? — незнакомка звучала так испуганно, так по-детски, что я не произвольно закатила глаза.

Взглянув на Артиона, он лишь пожал плечами. Я промолчала, вернувшись к разговору с наружи.

— Как? Вы не знали? В летописях Бартиона Ледэра описано:

*«Явится зверь из бездны ночной,
Не обузданный, яростью полной.
Стукнет трижды он лапой своей —
И мир содрогнётся от воя.
Восстанет тот, кто мёртвым должен быть,
Заберёт он владения праведных.
Три всадника явятся с севера, во главе пылающей розы.
Падет запад от черной чумы.
Да вспыхнут моря багряным пламенем.
И откроются врата преисподней,
Поглотят мир, забывший свое начало.
Развевая пепел на останках былых времен...»*

За тканью шатра воцарилась тишина.

Я хмуро смотрела в пол, пытаюсь осмыслить услышанное.

«Пророчество действительно существовало, но почему она решила, что именно шестиногий конь должен стать предвестником? Возможно... Нет, это суший бред.»

Я тряхнула головой, отгоняя навязчивые мысли, и перевела взгляд на Артиона. Он выглядел озадаченным, но я лишь молча покачала головой.

Подойдя к столу, взгляд скользнул на Бонифация. Тот величественно восседал на столешнице, умываясь после плотного завтрака.

Кивнув всё ещё погружённому в раздумья наследнику, я направилась к трибунам — скоро должны были возобновиться состязания. Но не успела и нескольких шагов сделать, как на пути возникло новое препятствие в виде двух знакомых фигур.

Обречённо вздохнув, глаза непроизвольно закатились. Складывалось ощущение, что кто-то специально пытался втянуть меня в то, во что я категорически не желаю быть втянутой.

«Меня это не касается. Я отдыхаю. Мне абсолютно всё равно, о чём они там беседуют.»

Тихо повторяя эти слова как мантру, я попыталась обойти мужчин по дуге. Но один из них меня окликнул.

— Епрст...

Осторожно оглянувшись через плечо, на меня взирали две пары глаз. Мило улыбнувшись, я помахала им лапой Бонифация. От чего кот недовольно заворчал. Схватив его поудобнее, я уже собиралась развернуться и уйти, но Теодор будто специально повысил голос:

— Госпожа Кас!

Я вздохнула с новой силой и глянула на кота. Тот смотрел на меня с укором: «Неужели ты позволишь ему так с собой обращаться?»

Мысленно согласившись с этой пушистой бестией, я натянула самую сладкую улыбку и развернулась к приближающимся мужчинам.

— Какая приятная встреча, лорд десница, — протянула с медовой учтивостью и повернулась к Риану. — Капитан, похоже, ваши утренние слова попали в яблочко!

Речь не произвела должного эффект, а потому мои слова проигнорировали. Тео, мягко приобнял меня за плечи и уверенно повёл прочь от шумных трибун. Риан последовал за нами, словно тень.

— Как вы себя чувствуете, госпожа Кас? — голос Тео донёлся откуда-то издалека, звуча непривычно мягко и вкрадчиво.

От этого тона у меня зачесались руки — так сильно захотелось начистить ему морду. Но я лишь плотнее сжала губы, сохраняя внешнее спокойствие.

— Благодарю, Теодор, весьма прекрасно, — мой голос прозвучал ровно, но в нём звенел лёд. — Если, конечно, не считать ночного покушения на мою честь.

Я не удержалась и бросила эту фразу, как перчатку к их ногам.

Мужчины замерли на полушаге, обменявшись быстрыми, изумлёнными взглядами. Я же с удовольствием наблюдаю за их замешательством. И машинально погладила по голове Бонифация, который, казалось, разделял моё злорадство.

Капитан первым пришёл в себя. Он прочистил горло, возвращая лицу привычную маску бесстрастности.

— Имя, — его брови сошлись на переносице.

Повисла немая тишина, мы смотрели друг на друга.

Теодор же, как истинный дипломат и политик до мозга костей, тут же взял ситуацию в свои руки. Он театрально приложил ладонь к груди в области сердца и с негодующим пафосом воскликнул:

— Кто посмел нарушить покой столь... хрупкого создания? Назовите имя этого безумца, и я лично прослежу, чтобы его имя было вычеркнуто из всех летописей княжества.

Он владел искусством слова виртуозно. Его речи ложились на душу сладким мёдом, и будь я хоть немного наивнее или не знай его истинных мотивов, я бы наверняка поверила каждому слогу. Но я знала цену этой патоке.

Вместо ответа, я позволила Бонифацию с царственным видом забраться мне на плечи и растянуться там во всю длину, безжалостно отягощая и без того тяжёлую ношу моей судьбы.

Губы изогнулись в кривой усмешке. Я смотрела деснице прямо в глаза:

— Ах, лорд десница... — нарочито медленно я достала веер и начала им обмахиваться, — ...я смотрю, вы уже вовсю распоряжаетесь на чужих землях. Готовы наказывать подданных, не присягавших вашему королю. И кстати... — сделав паузу, я наклонила голову — ...с чего вы взяли, что я спала?

В воздухе повисла тишина. Теодор на мгновение потерял свою маску. В его глазах вспыхнул предостерегающий огонь — он понял, что его переиграли. Но быстро взял себя в руки.

Его тон мгновенно сменился с бархатного на стальной, но улыбка не сошла с лица:

— Ну что вы, госпожа Кас, как можно. Я бы никогда не посмел решиться на подобное, тем более в этих чудесных краях. Я лишь хотел узнать имя того, кто посмел столь пренебрежительно отнестись к вашей персоне, чтобы при первой же встрече с князем сообщить ему о столь неподобающем поведении.

Теодор позволил себе многозначительную паузу, ожидая моей реакции.

Гад был хорош, он умело играл на публику, даже если она состояла лишь из одной некромантки и молчаливого капитана.

Приподняв бровь, я согласно кивнула, принимая игру:

— Прошу простить — мой голос звучал мягко, почти извиняясь, — ...я ещё не отошла от испуга.

Я вновь начала обмахиваться веером, уводя разговор от опасной темы. Теодор тут же оказался ближе дозволенного и галантно усадил меня на ближайшую скамью.

Риан всё это время молча наблюдал за нами, словно тень. Его взгляд скользил с меня на десницу и обратно. Он не верил ни единому слову этой светской беседы.

А Бонифаций, решив, что на плечах неудобно, перебрался на стол и зевнул, чем привлёк всеобщее внимание.

Но Теодор мгновенно вернул внимание к себе:

— Надо же, в последнюю нашу встречу я считал, что он не жилец.

— Я же говорила, вам лорд, что пользы от задохлика мне никакой

Провокационно протянула я и уставилась на мужчину, который решил все же уделить внимание Бони и почесать того за ухом, за что был награждён ударом лапы. Благо обошлось без кровопролития.

Кот зашипел и прыгнул мне на колени, будто пытаюсь спрятаться от этого коварного аспида.

— Значит, планируете использовать его в тёмных целях? — кровожадно спросил де Маутхен.

Я лишь пожала плечами и перевела взгляд на Риана:

— Не знала, что вы знакомы.

Капитан заметил перемену в моём тоне, но промолчал. Вместо этого он решил идти напролом:

— Это правда? Ты судья?

Он произнес это спокойно, но взгляд был цепким — Риан следил за каждым моим жестом. «Воин до мозга костей: он не умел интриговать или ходить вокруг да около — только сражаться до победы или говорить прямо. Да, в этом он был хорош.»

Я встала. Поставив кота на стол, и с вызовом посмотрела на него:

— Допустим. Тогда ты станешь последовательнее: перестанешь скрывать истинные причины своего визита ко двору Аэдора?

Я была точно, стараясь задеть по сильнее. Читала их намерения, и чувствовала: с каждой минутой ситуация накаляется. Они желали того, что я собиралась обрубить на корню. Не дав хмурому Риану вставить и слова, я повернулась к Теодору.

Мой голос звенел от холода:

— А вам, лорд десница, настоятельно рекомендую как можно скорее закончить дела и отбыть в Гетенбург. Поговаривают, князь таки возжелал встретиться с вами на личной аудиенции.

Бросая эти слова в лицо тому, в чьих руках власть, я рисковала, но промолчать было бы фатальной ошибкой. Угроза княжеской чете ощущалась всё острее. Лучше убрать лишние фигуры с доски сейчас же.

— И касательно вашего предложения... — я в последний раз обвела взглядом этих двух совершенно разных мужчин — ...вынуждена его отвергнуть. На время отбора я покину столицу, и уверяю вас, никто не сможет переубедить меня в обратном.

Взяв кота на руки, удалилась, оставляя их переваривать полученную информацию.

После небольшого перерыва все вернулись на места. Состоялся третий заезд — тот самый, который я пропустила из-за назойливых аристократов.

По словам Катарины, победили сразу двое участников, и организаторам предстояло решить судьбу первого места. Судьи взяли паузу и приняли соломоново решение: допустить обоих всадников в финал.

Подведя итоги двух дней, мы получили десятку финалистов: наследник Аэдора Артион; герцог Маркус Дэш и сэр Итлинк (рыцари Аэдора и Франкфурта); герцог Рамиль из Ливернии; а также туарег Шидаарк из Сатиазы, разделивший с ним первое место в последнем заезде.

Воины Сатиазы славились безжалостностью — их воспитывали быть такими же смертоносными, как соседствующих с ними Нагов.

Остальных участников я не знала.

Когда все были объявлены, они подъехали к старту.

Увидев Артиона, я наклонилась к подруге:

— Почему он на другой лошади?

— Кажется, у Снежка что-то с копытом, — тихо шепнула Катарина.

Я нахмурилась, внимательно наблюдая за происходящим.

Прогремел залп магических искр — заезд начался.

Первым рванул Шидаарк — без предупреждения, его конь нёсся как молния. За ним — Маркус. Артион держался третьим.

Первый круг остался позади. На втором Шидаарк играючи взял барьер. Рамиль — следом. Итлинк плёлся в хвосте. Артион пришпорил коня и вырвался на вторую позицию.

Третий круг стал решающим. Маркус и Шидаарк шли ноздря в ноздю. Артион дышал им в спину. Рамиль терял скорость, Итлинк пытался прорваться сквозь строй.

Финиш!

Маркус — первый.

Артион — второй. Всего на корпус позади.

Толпа взорвалась криком. Маркус поднял кулак — победитель. Артион спешил, его дыхание было тяжёлым. Он виновато погладил коня по шее, будто извиняясь за поражение.

Я смотрела на него: хмурый, с опущенной головой. Не тот результат, которого он ждал.

Князь Бернард поднялся с трона и объявил победителя. Маркус принимал поздравления — довольный, гордый. Наследник молча стоял в стороне. Когда их взгляды встретились, он позволил себе лишь лёгкий кивок.

Катарина рядом тихо ахнула:

— Он молодец... Оба молодцы.

Её пальцы сжали край кресла. Она смотрела на Артиона — на его опущенные плечи.

— Почему он не подошёл к Маркусу?

— Гордость.

— Глупая гордость.

Я посмотрела на неё: глаза влажные, но губы тронула слабая улыбка.

— Ты переживаешь за Артиона.

— Я рада за Маркуса... правда, — прошептала она, но взгляд искал в толпе брата.

Договорившись встретиться позже, на главной площади, Катарина извинилась и поспешила прочь.

Так и осталось неясно: она шла поздравлять победителя или утешать проигравшего.

Я же едва переставляла ноги по дороге в гостиницу. Городская духота и тесные туфли превратили путь в пытку.

Оказавшись в номере, под пристальным взглядом Бонифация, я с облегчением сбросила ненавистную обувь. Пальцы заныли от долгожданной свободы. Мокрая рубашка липла к спине, тяжёлая юбка душила. Я сорвала с себя всё, швырнув ворох ткани на диван.

— Бездна! Думала, убью кого-нибудь за этот чертов наряд.

Воздух казался раскалённым даже здесь. Кожа горела, по спине стекал пот. Я с наслаждением потянулась, разминая затёкшие плечи, и с хрустом выгнула спину — усталость медленно отступала.

Передёрнувшись от воспоминаний о жаре, я направилась в помывочную.

Прохладная вода приняла меня в объятия, смывая липкость долгого дня. Бонифаций не отставал ни на шаг, и стоило растянуться в бадье, как эта бестия решила составить мне компанию. С громким мяуканьем он запрыгнул прямо в воду и тут же возмущённо заверещал, требуя взять его на руки.

— Да чтоб тебя! — рыкнула я, подхватывая кота прежде, чем он ушёл под воду с головой.

Прижав это пушистое недоразумение к груди, я почувствовала, как он тут же замурлыкал.

— Тоже перегрелся? — усмехнулась, не веря своим глазам: этот кот был ходячим хаосом или просто слишком наглым созданием.

Но об этом можно было подумать и позже. Сейчас, держа Бонифация на груди, я просто наслаждалась тишиной и долгожданной прохладой.

Ярмарка гудела разноголосым шумом, в котором смешались наречия десятков народов. Воздух пах жареными каштанами, сладкой ватой и чем-то неуловимо пряным. Мы с Катариной неспешно шли сквозь толпу, и я чувствовала себя почти счастливой.

— Помнишь, как мы пытались сварить «Эликсир Невидимости» на третьем курсе? — Катарина хихикнула, ловко уворачиваясь от торговца какими-то экзотическими фруктами.

Я усмехнулась, вспоминая тот позор.

— Ещё бы. У профессора Арделя потом три дня борода была цвета фуксии. А мы две недели драили котлы в подземелье.

— Зато это было веселее, чем зубрить классификацию низших духов! — она толкнула меня локтем в бок и кивнула на палатку с амулетами. — Смотри, какая прелесть. Висюлька «на удачу».

— Висюлька? — я фыркнула, поправляя капюшон, чтобы скрыть лицо. — Это же обычный речной камень, покрашенный медянкой. За такие «прелести» нас бы отправили на передачу по артефакторике.

Мы рассмеялись, и этот смех был похож на эхо тех беззаботных дней. Внезапно из-за моей ноги вынырнул Бонифаций. Он материализовался будто из воздуха, встряхнулся и повёл носом. Его усы затрепетали, уловив самый желанный аромат в мире — запах жареной курицы.

— О, а вот и наш пушистый гурман пожаловал, — улыбнулась Катарина, присаживаясь на корточки. — Привет, охотник до хрустящей корочки.

Бонифаций гордо проигнорировал её фамильярность и требовательно боднул меня головой в колено.

— Ладно, — вздохнула я.

И купила ему порцию жареной курицы. Бестия схватил угощение и с достоинством удалился под ближайший прилавок.

Мы же купили по леденцу и пошли дальше. Я видела, как Катарина украдкой бросает на меня взгляды, словно собираясь с духом.

— Кас... — наконец начала она, облизывая липкие пальцы. — А помнишь бал выпускников? Когда ты спрятала туфли у леди Вероны?

Я закатила глаза. Классический приём — начать издалека.

— Я не прятала! Я их... временно переместила в пространственный карман для изучения магической структуры каблука. Кто ж знал, что она решит танцевать мазурку?

Катарина снова расхохоталась так громко, что на нас обернулась пара прохожих.

— Она прыгала по залу, как сердитый гусь! А ректор пытался делать вид, что это новый вид танца!

Смех стих. Мы купили по кружке горячего сбитня и остановились у помоста с музыкантами. Бонифаций запрыгнул на ящик рядом с нами и принялся умываться.

Катарина сделала глоток и посмотрела на меня поверх кружки. Её улыбка стала задумчивой.

— Знаешь... мы столько лет не виделись после выпуска. Ты просто... как будто растворилась. А теперь ты рассказываешь про призраков и нежить... Неужели ты все эти десять лет только этим и занималась? Или, может, у тебя было что-то ещё... ну, другое?

Я внутренне подобралась. Вот оно:

— О, знаешь... То здесь подработаю, то там. Ничего особенного. Пыталась научиться играть на лютне, но у меня всё время путались струны. Ещё собирала гербарий, правда, иногда забывала сушить цветы, и они покрывались плесенью. Однажды даже ходила на бал к графу,

но так засмотрелась на свечи, что случайно подпалила платье партнёра. В общем, занималась всякой ерундой.

— Ерундой? — она изогнула бровь точь-в-точь как наша преподавательница по теории магии. Несмотря на все мои попытки пошутить, Катарина не сдавалась: — Ты всегда была лучшей на боевом потоке. Не поверю, что ты тратила талант на «ерунду».

Я пожалала плечами и отхлебнула сбитня, выигрывая время:

— Талант нужно иногда прятать, а не выставлять напоказ. Кстати! — я резко сменила тему, заметив палатку с тканями. — Смотри какой шёлк! Прямо как то платье, которое ты испортила моим экспериментальным зельем для блеска волос. Оно тогда засияло в темноте!

Катарина тихо рассмеялась, поддаваясь на уловку:

— О боги! Я три дня светилась в темноте! Меня даже в коридорах без факела было видно!

Я с облегчением выдохнула. Тема была закрыта. Мы ещё долго бродили по рядам, вспоминая всё более нелепые случаи из учёбы. В этот момент были только мы и Бонифаций, который сыто жмурился на солнце.

Посмотрев выступления музыкантов, мы двинулись дальше. Толпа несла нас вперёд, пока гомон не сменился взрывами хохота и звуками фанфар. Мы оказались возле помоста бродячих циркачей. Они тут же окружили нас, предлагая угадать вес или найти карту, и под весёлый гам толпы я и Кэти оказались прямо у сцены, где уже начиналось представление.

На помост выскочил шут в пёстром, но потрёпанном костюме, расшитом колокольчиками, которые звенели при каждом его движении. Вместо того чтобы жонглировать, он принялся показывать острые, как кинжалы, пантомимы, пародируя местных купцов и стражников. Он споткнулся нарочито неуклюже, перевернул «ведро с водой» (которое оказалось пустым) и закончил тем, что поймал в шапку брошенную кем-то медную монету. Толпа ревела от восторга.

Я переглянулась с Катариной. В её глазах плясали озорные искорки — те самые, что я помнила с Академии. Мы хитро усмехнулись, вспоминая одну и ту же идею.

Следующим номером был «Великий маг и чревоушатель». Пышно разодетый мужчина с фальшивой бородой делал вид, что заставляет говорить свою куклу-обезьянку. Кукла скрипучим голосом отпускала сальные шуточки в адрес зрителей.

— А сейчас, — пророкотал «маг», — я заставлю эту прекрасную даму... — он ткнул кривым пальцем в Катарину, — ...влюбиться в меня!

Он взмахнул «волшебной» палочкой, которая, судя по всему, была обычной деревяшкой с блёстками.

— Не стоит, милейший, — громко сказала я, делая шаг вперёд. Мой голос легко перекрыл шум толпы. — Ваша магия слишком... любительская.

Я щёлкнула пальцами. Настоящий, холодный синий свет сорвался с моей руки и окутал клоуна-чревоушателя. Его фальшивая борода начала медленно, но заметно для всех удлиняться, спускаясь до самых колен.

Зрители ахнули. Катарина звонко рассмеялась.

— А теперь ты! — я указала на куклу-обезьянку.

Катарина взмахнула рукой, используя простейшую бытовую магию. Глаза куклы загорелись ярко-зелёным светом, а механический голос стал глубоким и зловещим.

— Ты... балбес...куды руки распустил? — проскрипела обезьяна, ударяя хозяина по руке. — Борода тебе не идёт.

Толпа взорвалась хохотом. «Великий маг» в панике пытался оторвать от себя бороду, которая уже путалась у него в ногах.

— Bravo! — крикнул ведущий циркачей, перекрикивая смех. Он был толстым, румяным и совершенно не злился. — Настоящая магия! Госпожа, не окажете ли вы нам честь? Наш

следующий номер — «Побег из Подземелий Мрачного Жнеца» — сорвался! Актриса слегла с лихорадкой. Нам нужен кто-то... кто не побоится сыграть саму Смерть!

Толпа затихла, с интересом глядя на меня. Я усмехнулась. «Что ж, они сами напросились.»

— Почему бы и нет? — я скинула капюшон и легко вспрыгнула на сцену.

Я не стала переодеваться. Мой образ был идеален: тёмная одежда, усталость в глазах и аура силы, которую не спрячешь.

— Свет! — скомандовала я.

Один из циркачей направил на меня фонарь. Я развела руки в стороны и позволила некромантии течь свободно. Не для вреда, для шоу. Тени вокруг меня стусились, поползли по доскам сцены зловещими щупальцами. По рядам зрителей пробежал восхищённый шепоток.

Из-за кулис вывели «героя» — дрожащего паренька в рваной рубахе. Я медленно повернула к нему голову.

— Смертный... — мой голос стал низким и гулким, отражаясь от чего-то невидимого. — Твоя душа принадлежит мне!

Я сделала пасс рукой, и тени оплели ноги парня, «приковывая» его к месту. Он сыграл отлично — побледнел и затрясся:

— Пощади! — возопил он.

Я хищно улыбнулась:

— Пощаду нужно заслужить! Борись!

Я ослабила хватку тьмы ровно настолько, чтобы он мог вырваться. Парень с героическим видом разорвал призрачные цепи и бросился бежать через зрительный зал под гром аплодисментов и одобрителный свист.

Я же осталась стоять в центре сцены, окружённая медленно тающими тенями.

— Смерть милосердна... сегодня! — провозгласила я напоследок и поклонилась.

Толпа взорвалась овациями так, что у меня заложило уши. Я уже готовилась спрыгнуть со сцены обратно в объятия хохочущей Катаринины, как вдруг гомон толпы изменился. Он стал ниже, почтительнее. По живому коридору, который образовали расступившиеся люди, к помосту шёл высокий мужчина в тёмно-синем камзоле с серебряной вышивкой. Его сопровождали двое молчаливых стражников.

Теодор Маутхен. Я узнала его мгновенно — холодный, оценивающий взгляд был известен не меньше, чем его острый ум. И я прекрасно помнила наш разговор этим утром на турнире, где я прямо посоветовала ему собирать вещи.

Он легко взбежал по скрипучим ступеням и остановился передо мной. На его губах играла лёгкая, ироничная улыбка:

— Госпожа Кас. Какая... неожиданная встреча. И какая... убедительная игра. Хотя, признаться, я ожидал увидеть вас в более... официальной обстановке. При дворе вашего покровителя.

Он говорил достаточно громко, чтобы его услышали ближайшие ряды, но взгляд был прикован ко мне. Толпа затаила дыхание, предвкушая новое представление. Я заметила, как Катарина у края помоста мгновенно подобралась. Её расслабленная улыбка исчезла, уступив место настороженному взгляду наследницы.

— Лорд десница, — я кивнула головой вверх, будто старому другу. Мой голос был ровным, — не думала, что лорды соседних земель посещают бродячие цирки. Или вы ищете таланты для придворного театра? Говорят, у вас там большой недобор после последней... чистки.

По рядам пробежал смешок. Маутхен лишь шире улыбнулся, но его взгляд остался ледяным.

— Я коллекционирую таланты так же трепетно, как иные коллекционируют редкие клинки. И ваш... потенциал сияет ярче иных драгоценностей короны. Но раз уж мы оба здесь... — он сделал приглашающий жест в сторону центра помоста и едва заметно кивнул в сторону Катарини. — Не окажете ли честь? Говорят, импровизация — лучший способ узнать человека. И оценить... союзников.

Я усмехнулась. Вызов был брошен. Он пришёл проверить правдивость моих утренних слов:

— Какую сценку вы предлагаете?

— О, что-нибудь простое, — он щёлкнул пальцами, и один из его стражников тут же вложил ему в руку бутафорский посох мага. Маутхен картинно опёрся на него. — Например... «Дипломатические переговоры на пороге войны». Я буду играть посла, чьи требования неприемлемы. А вы... — он окинул меня взглядом с головы до ног, — ...сыграете некроманта, которого наняли для решения этой маленькой проблемы.

Толпа ахнула. Это было уже не просто развлечение. Это было послание.

— Договорились, — кивнула я и приняла из рук подбежавшего шута чёрный плащ с капюшоном.

Мы встали друг напротив друга в центре сцены. Свет фонарей выхватывал нас из полумрака. Я накинула капюшон и выпрямилась во весь рост, позволяя своей ауре проявиться в полную силу. Маутхен же, напротив, расслабился, приняв вид самодовольного аристократа.

Он начал первым, обращаясь к воображаемому князю (то есть к толпе), но его слова были предназначены для ушей Катарини:

— «И я говорю вам: ваши границы слишком расплывчаты, князь Аэдора! Мой господин считает, что река Серебрянка должна течь по землям более... компетентного правителя! А ваши рудники на севере? Они истощены! Позвольте нам взять их под крыло, чтобы мы могли обеспечить их безопасность!».

Он сделал паузу и повернулся ко мне:

— Ваш выход, госпожа некромант.

Я шагнула вперёд, мой голос зазвучал низко и безэмоционально:

— «Посол говорит дерзко для того, чьё сердце уже не бьётся».

Я подняла руку ладонью вверх и позволила струйке тёмного дыма просочиться между пальцами и обвиться вокруг его шеи. Маутхен мастерски сыграл удушье, схватившись за горло и выпучив глаза.

— «Я... я задыхаюсь!» — прохрипел он.

— «Дипломатия — тонкое искусство», — холодно продолжила я, сжимая кулак. Дым сгустился. — «Иногда нужно уметь слушать тишину».

Я резко разжала пальцы. Маутхен рухнул на колени, театрально хватая ртом воздух. — «Передайте своему князю», — я возвысила голос так, чтобы он разнёсся по всей площади, — «что его требования отклонены. А его посол... уволен по состоянию здоровья».

Я щёлкнула пальцами второй раз, и дым превратился в стайку чёрных бабочек, которые разлетелись в разные стороны. Маутхен картинно упал на спину и замер.

На секунду повисла абсолютная тишина. А затем толпа взорвалась таким громом аплодисментов и свиста, что он заглушил все звуки ярмарки.

Маутхен тут же вскочил на ноги и поклонился мне так низко, как только позволяла его гордость. Я ответила ему изящным реверансом под стать придворной даме.

Он подошёл ко мне вплотную и тихо, чтобы слышала только я, произнёс:

— Bravo. Вы только что объявили войну половине дипломатического корпуса.

— Это была ваша идея — импровизировать, — так же тихо ответила я с улыбкой.

Он рассмеялся и предложил мне руку:

— Позвольте проводить вас к вашей подруге. Кажется, она заждалась.

Мы спустились со сцены вместе под бешеные овации толпы. Катарина стояла там же, её лицо было бледным от сдерживаемого гнева или страха.

— Кассандриэль... — начала она напряжённым голосом.

— Твой отец будет недоволен этой сценой? — перебила я её с лёгкой усмешкой и повернулась к Маутхену. — Благодарю за дуэль, милорд. Надеюсь, вы передадите своему королю мой утренний совет в более... наглядной форме.

Я оставила их стоять рядом друг с другом под взглядами толпы и растворилась в людском море ярмарки ещё до того, как Катарина успела придумать ответ. День удался на славу.

Ярмарка продолжала гудеть. Оглядываясь по сторонам, я то и дело замечала знакомые лица — казалось, весь город собрался здесь, чтобы увидеть вечернее представление на площади.

Мимо палатки, от которой сладко тянуло жжёным сахаром, пройти было невозможно. Мой взгляд зацепился за румяный, пышущий жаром карамельный рогалик. Рот тут же наполнился слюной в предвкушении этого горячего, тягучего вкуса. С довольной улыбкой я потянулась к самому большому, швырнув горсть монет в руку крикливого торговца.

И уже поднесла вожаденное лакомство ко рту, как вдруг... Пустая рука сжала воздух. Рогалик исчез. А в толпе мелькнула кучерявая макушка шустрого мальчишки, улепётывающего со всех ног.

Из груди вырвался поток таких слов, что и не всякий сапожник повторит.

— Б... итк... рот...с...а...п.т...фрых...

Они потонули в ярмарочном гаме, но несколько стоявших рядом господ всё же одарили меня недовольными взглядами. Одна дама и вовсе фыркнула так громко, что её веер захлопал, как крылья рассерженной птицы, и гордо удалилась прочь.

Проводив её спину презрительной гримасой, я не удержалась. Вытянув лицо и закатив глаза, я изобразила её «аристократичное фи», покачав головой. И тут же наткнулась на пристально-насмешливый взгляд Бонифация. Не сдержавшись, показала ему язык.

Купив ещё один рогалик, я несла свою драгоценность как хрустальную вазу над пропастью. Шла скованно, прижимая его к себе так крепко, что костяшки пальцев побелели. Толпа вокруг казалась стаей голодных волков, и я была готова зарычать на любого, кто подойдёт ближе чем на шаг.

Оказавшись чуть в стороне от шумной толпы, и обедев взглядом празднующих, я убедилась, что никто не позарится на мою прелесть.

Облизнувшись, уже собиралась впитаться зубами в рогалик — единственное светлое пятно в этом дне, как вдруг Бонифаций замер. Его усы затрепетали, а взгляд впился в тёмный проём между домами. Он не шипел на торговца или собаку — он смотрел в пустоту. Как вдруг раздался тихий, едва различимый всхлип.

Глаз непроизвольно дёрнулся. Я бы проигнорировала эти завывания спиногрыза, как и поведение блохастого. В конце концов, у меня был горячий сладкий рогалик. Но тут послышался второй всхлип, а затем в мою штанину вцепились детские пальчики.

— Тётя... тётя... — тянул писклявый голосок.

Я опустила взгляд. Хромой, грязный мальчишка лет пяти смотрел на меня снизу вверх огромными карими глазами. В них смешалось всё: боль, отчаяние и слабая надежда, спрятанная за детской невинностью. Он рыдал, пытаясь привлечь внимание, но в потоке всеобщего веселья его просто не замечали. Маленький, одинокий комок грязи на празднике жизни.

— Помоги... — выдохнул он, трясая меня за штанину.

Я уже открыла рот, чтобы шикнуть на него и прогнать — рогалик ждал! — когда Бонифаций повёл себя ещё страннее. Он громко зарычал на меня и вцепился когтями во вторую ногу. От неожиданности я подскочила, выронив своё сокровище, и запрыгала на одной ноге.

— Ах ты ж, анчоус хитрозадый! Охренел, приبلуда? Щас в Назаир полетишь!

Кот же, не слушал моих слов, запрыгнув на руки мальчишке. Он начал мурлыкать и тереться о него. Пацанёнок замер. Его взгляд, полный ужаса, был прикован ко мне.

— Чёрные глаза... Глаза смерти... — прошептал он одними губами, будто повторял за кем-то. Я скрипнула зубами. «Проклятье. Опять это. Я не чудовище из сказок!»

Мальчишка же, сбросив кота, сорвался с места и побежал вглубь переулка.

Рыкнув, я швырнула пыльный рогалик в Бонифация. Кот увернулся и помчался за мальчишкой. Выругавшись ещё забористее, я бросилась следом.

«Какого тёмного происходит? У меня был рогалик!»

Ноги несли меня вперёд. Я бежала так быстро, что сбила какого-то зазевавшегося мужика.

Мальчишка ковылял на удивление резво. Девчонка летела рядом. Внезапно его ботинок зацепился за булыжник. Он с грохотом рухнул в грязь, пропахав ладонями и коленями сырую землю. Девчонка тут же оказалась рядом. Они сжались в дрожащий комок и заревели в голос.

Я схватила его за шиворот, не рассчитав силу — ткань затрещала.

— Нет! Не трогай! Плохая! — завизжала девчонка и набросилась на меня.

Я отмахнулась от неё ладонью — она плюхнулась в грязь.

— Ё*аный василиск! А ну цыц! — рыкнула я на малявку.

Подкинув мальчишку (он оказался лёгким как пёрышко), я поймала его подмышки и подняла на уровень своего лица.

— Сферу мне в глаз... — выдохнула я, — *sana te ipsum!*

Мои ладони вспыхнули тусклым светом. Я редко лечила людей — слишком хлопотно. Но сейчас... Кровь остановилась. Мальчишка зашипел от покалывания и уставился на меня огромными глазами. В них больше не было ужаса — только чистое изумление.

Я же перевела тяжёлый взгляд на сидевшую в грязи девчонку и погрозила ей кулаком.

— Что это такое? — мой голос был низким и строгим. — Сначала зовёте на помощь, а потом дерётесь?

Мальшка втянула голову в плечи. Мальчишка спрятал взгляд и громко шмыгнул носом.

Я не стала заострять на этом внимание:

— Говори! Что случилось? Почему вы одни?

Тот отёр нос рукавом:

— Ма... ма...

Я оборвала этот концерт резким выдохом:

— Довольно! Где она?

Мальчишка икнул от испуга, но тут же вцепился в мою руку своей грязной ладошкой и поволок за собой. Девчонка молча засемила следом. Пока мы не остановились у покосившегося дома, который, казалось, готов сложиться от одного чиха.

Мальш ткнул пальцем в сторону дома и тут же вжался в сестру. Из окон вырвался тихий женский вскрик — и дом ожил. Стены заходили ходуном так сильно, что с крыши посыпалась труха. Крыша заскрипела. Дети заревели навзрыд.

Я стояла посреди грязи, а передо мной дрожали два слабых, беззащитных комочка жизни, которые вот-вот останутся сиротами из-за того, что тьма внутри дома проснулась окончательно.

— Бездна!

Я бросилась к двери, но та стояла монолитом — ни щёлочки.

— Отойди! — Вильям, появился будто из воздуха, грубо оттолкнул меня плечом и с разбега врезался в полотно. Дверь лишь глухо ухнула в ответ.

Я оглянулась, сзади оказались придворные: Катарина застыла с белым лицом, остальные пятились назад. Крик внутри дома рвал барабанные перепонки.

Решение пришло мгновенно: дымоход!

— Вил! — он уже был рядом, подставил руки. Я оттолкнулась от земли и взлетела на крышу. Доски опасно прогибались под ногами, но времени бояться не было.

Бонифаций черной молнией метнулся в трубу. Я нырнула следом.

Удар о кирпичи, грохот — и я кубарем вывалилась из печи прямо на раскаленные угли. Бок обожгло болью, сажа залепила глаза.

В нос ударила густая вонь крови и гнили.

В углу комнаты шипел кот, загораживая собой женщину в темном сыром балахоне от призрака с топором.

Барьер вспыхнул вокруг жертвы за миг до того, как топор успел встретиться с головой бестии.

Полтергейст! Сильная тварь.

— Отпусти её, — прошептала я, глядя в темноту.

Призрак мужчины, всё ещё державший топор над защитным куполом, повернул голову. Глаз у него не было — только чёрные провалы, из которых сочился туман.

— Убирайся, — прохрипела тень.

Я усмехнулась. Злой, голодный, но предсказуемый.

— Ты не в том положении, чтобы приказывать.

Завязалась драка.

Полтергейст взвыл — звук был похож на скрежет гвоздя по стеклу, усиленный стократно. Он не стал ждать, пока я поднимусь. Топор в его руках размазался в воздухе, превратившись в стальное облако.

Я не стала ставить щит. Щиты — для слабаков. Вместо этого я ударила сырой некромантией прямо сквозь пол.

Дом был старым. Очень старым. А значит, он был пропитан смертью. Десятки жизней оборвались здесь, впитались в гнилые доски и в рассыпающуюся штукатурку. Я зачерпнула эту память, эту боль, и швырнула её в призрака.

Тьма хлынула из-под моих ног чернильными щупальцами. Они обвили ноги полтергейста, впиваясь в его эфирную плоть. Тварь зашипела, теряя плотность. Его силуэт на мгновение стал рваным, как старая тряпка.

Топор просвистел в дюйме от моего уха.

Я тут же перекатилась в сторону, уходя от удара, и ударила снова — теперь уже воздухом и смертью одновременно. «Вакуум». Пространство вокруг призрака схлопнулось на долю секунды. Воздух исчез. Даже призраку нужен воздух.

Полтергейста согнуло пополам. Он стал видимым — не просто серой дымкой, а клубком переплетённых человеческих страданий и ярости.

— Сгинь! — рявкнула я.

Подняла руку ладонью вверх и потянула. Не физически, а магией. Я потянула из него силу, как тянут нить из распускаемого свитера. Его энергия была ледяной и горькой на вкус. Она потекла ко мне по невидимым каналам, наполняя вены могильным холодом.

Призрак взвыл уже по-настоящему, по-человечески. Он попытался метнуть нож, но его рука дрожала и просвечивала насквозь. Нож звякнул о пол, не долетев.

— Ты... ты жрёшь меня! — прошипел он голосом десятка людей сразу.

— Верно подмечено, — выдохнула я.

Я чувствовала, как его сущность истончается. Ещё немного — и он просто развеется. Но полтергейст был упрямой заразой. Он не стал бороться с моей хваткой. Вместо этого он бросил топор.

Оружие вырвалось из его руки, вращаясь с бешеной скоростью. Я была слишком занята вытягиванием его силы и не успевала уклониться. Удар пришёлся в бок, под рёбра. Воздух выбило из лёгких с хрипом.

Сила удара была чудовищной. Меня отшвырнуло назад, как тряпичную куклу. Спина с хрустом встретила со стеной.

Дом содрогнулся от удара, сверху посыпалась труха и куски штукатурки. Перед глазами вспыхнули белые звёзды, а во рту появился металлический привкус крови.

Я сползла по стене на пол, пытаюсь вдохнуть. Бок горел огнём, рёбра были сломаны или треснули — это я пойму позже. Сейчас главное было не отключиться.

Полтергейст навис надо мной, заноса топор для последнего удара. И тут из темноты метнулась чёрная молния.

Бонифаций!

Он взвился в воздух, целясь когтями в лицо призраку. Конечно, кот не мог ранить эфирную тварь, но он сделал главное — отвлёк её. Топор вонзился в пол в дюйме от моей головы.

Эта секунда дала мне время. Я собрала последние крохи силы. И не отпустила нить.

Даже лёжа на полу, захлёбываясь кровью, я продолжала тянуть. Моя хватка ослабла, но не разжалась. Полтергейст, отшвырнув Бони куда-то в сторону, завис в воздухе у окна, его силуэт дрожал и размывался. Он пытался вырваться, но я держала его мёртвой хваткой.

— Нет... — прошипел он, и в его голосе впервые прозвучал страх. — Ты не можешь...

— Могу, — выдохнула я вместе с кровавым пузырьком.

Я собрала последние крохи силы. Не для того чтобы пить его энергию — на это меня уже не хватало. Я использовала его же собственный страх как рычаг. Я не просто тянула его на себя. Я толкала.

Мой разум нащупал тонкую, едва заметную грань между миром живых и тем, что лежит за ним. И я швырнула его туда.

Это было похоже на то, как если бы я пыталась протолкнуть пробку в слишком узкое горлышко. Соппротивление было колоссальным. Дом застонал, стены пошли трещинами. Кот зашипел ещё громче, вжимаясь в женщину.

Полтергейст закричал — звук был невыносимым, он рвал саму реальность. Его фигура начала выцветать, но не исчезать бесследно, а истончаться, вытягиваться в длинную чёрную нить.

— НЕТ! НЕ-Е-ЕТ! — его голос становился всё выше и тише.

Нить натянулась до предела и с беззвучным хлопком лопнула.

В доме мгновенно стало тихо. Слишком тихо. Звенящая тишина после бури. Исчезла давящая аура зла, пропал запах гнили, но не крови.

Пол был усеян чёрным пеплом — всё, что осталось от сильного духа.

Я обмякла, привалившись к разбитой стене. Бок горел огнём, в ушах шумело. Но дело было сделано.

— Всё... кончено... — прохрипела я в пустоту, сплевывая кровь на грязный пол и вытирая сажу с лица рукавом окончательно испорченной рубахи. И только потом, выдохнула, позволяя тьме забрать меня.

В доме воцарилась тишина, нарушаемая лишь испуганным плачем женщины в углу и шипением кота.

Дверь с треском слетела с петель пропуская последние лучи закатного солнца. Внутри ворвалась стража. Они замерли на пороге. На груди бессознательной некромантки сидел огромный чёрный кот. Он не шипел — он просто смотрел на них тяжёлым, немигающим взглядом изумрудных глаз. И стражники, закалённые воины, невольно сделали шаг назад.

Глава 8 Сад ядовитых цветов

Мир возвращался урывками, словно кто-то пытался настроить старый кристалл связи. Тело ощущалось как чужая, разбитая кукла: каждый вдох давался с трудом, будто на грудь положили стопку мокрых одеял, а в боку натянулась раскалённая струна. Сквозь свинцовые веки пробивался тусклый свет, размытый, будто смотришь на мир сквозь толщу воды.

И тут я почувствовала тепло. На ногах, свернувшись тугим пушистым клубком, лежал Бонифаций. Он не спал. Его изумрудные глаза смотрели на меня с выражением глубочайшего осуждения. «Ну и чего наделала?» — вопрошал этот взгляд. Я попыталась хихикнуть, но тут же зашипела от боли.

Мир наконец обрёл чёткость. Я лежала на своей кровати в гостинице, укрытая до подбородка тяжёлым одеялом:

— Всё хорошо... — прохрипела я в пустоту. Голос был чужим, каркающим.

Кот недовольно заворчал. О да, цена за мои «подвиги». Привстав на локтях, я потянулась к тяжёлой шторе балдахина. Отодвинула её — и в комнату хлынул свет незаходящего солнца, тусклый, но такой ослепительный после плотной тьмы.

Рядом, свернувшись калачиком на стуле, спал Вильям. Его голова безвольно свесилась набок. Он выглядел таким юным во сне, совсем мальчишкой-оруженосцем, а не рыцарем Его светлости, князя Бернарда Шерона. Я поймала себя на мысли, что хочу поправить ему упавшую на глаза прядь волос.

Уже открыла рот, чтобы окликнуть его шёпотом, но тут Бонифаций боднул мою руку головой. Требовательно и настойчиво он заставил меня выпустить ткань и рухнуть обратно на подушки.

В этот момент тишину нарушил скрип стула. Вильям дёрнулся всем телом, просыпаясь от собственного оцепенения. Он резко выпрямился. Его глаза распахнулись — дикие, испуганные, ещё не сфокусированные на реальности. В них плескался такой первобытный ужас, что у меня сжалось сердце.

— Кас? — его голос сорвался на хрип.

Он рванулся ко мне так быстро, что стул с грохотом отлетел в сторону. Вильям упал на колени у кровати так близко, что я могла бы коснуться его лица. Его ладонь легла на мою щёку. Она была ледяной.

Бонифаций недовольно дёрнул драным ухом на звук его голоса и демонстративно положил лапу мне на руку, словно заявляя свои права на территорию и пациентку.

— Ты очнулась... — выдохнул он, и в этом выдохе смешалось всё: страх за прошедшие часы и облегчение настоящего момента. — Слава богам...

Я попыталась улыбнуться ему, но мышцы лица отказывались слушаться.

— Всё... хорошо... — повторила я одними губами.

Его лицо осунулось, под глазами залегли тёмные тени — верный признак того, что он не спал очень долго. Вил смотрел на меня так, словно боялся моргнуть, чтобы видение не исчезло.

— Сколько... — мой голос был сухим шёпотом.

— Около семи часов, — перебил он меня. В его тоне проскользнули нотки упрёка и облегчения. — Ты нас всех перепугала до смерти. Целители ушли часа два назад.

Я попыталась пошевелиться. Боль тут же отозвалась тупым эхом в рёбрах и острой вспышкой в боку. Память возвращалась урывками: ледяной холод дома с полтергейстом, грохот падающей мебели под его напором и собственная отчаянная решимость изгнать тварь любой ценой.

Его голос прозвучал совсем рядом, у самого уха:

— Тише... Не пытайся встать. Ты заплатила за это слишком высокую цену.

Я хотела возразить (сказать ему, что он драматизирует), но сил не хватило даже на это. Голова закружилась от простого усилия.

— Пить... — попросила я.

Он тут же потянулся к столику у кровати. Бонифаций лениво проводил чашку взглядом профессионального критика. Он явно считал, что отвар из трав был бы предпочтительнее простой воды.

Я пила мелкими глотками под пристальным взглядом друга. Вода казалась безвкусной по сравнению с тревогой в его глазах. Когда я откинулась на подушку, совершенно обессиленная, он не убрал руку с моего плеча. Его пальцы слегка сжались.

— Спи, Кас. Теперь спи. Я никуда не уйду.

Бонифаций решил, что это отличная идея. Он потянулся так сладко, что хрустнули косточки, выпустил коготки сквозь одеяло (аккуратно обходя бинты) и улегся под здоровый бок. Его урчание вибрировало в такт биению сердца Вильяма — этот двойной ритм убаюкивал лучше любого заклинания.

Я снова провалилась в сон.

На этот раз сознание вернулось без привычной пытки: голова была ясной, а тело, хоть и ныло, как старый диван, уже не казалось куском чужого багажа.

«Что ж, диагноз ясен: иду на поправку. Сарказм вернулся — значит, кризис миновал», — мысленно хмыкнула я.

Бонифаций, мой пушистый цербер, лениво поднял голову. Я потрепала его за ухом и с боевым кличем откинула одеяло. Кот зашипел, но не на меня — в дверях, словно призрак неловкости, материализовался Вильям.

Картина маслом: я в кружевных трусиках и бинтах (последние, к слову, оставляли простор для самой смелой фантазии), и он — пунцовый, как варёный рак.

— Извини! — выпалил шатен и исчез быстрее, чем Бонифаций успел цапнуть его за пятку.

Я проводила взглядом захлопнувшуюся дверь. Память услужливо подбросила воспоминание: пару дней назад этот же самый «монах» хвастался охотничьими трофеями в кустах с приезжей служанкой Амиры. А тут — румянец до корней волос и паническое бегство.

— Какая неожиданная скромность, — фыркнула я, закутываясь в халат. — Прямо образец целомудрия.

Гордо вскинув голову, я отправилась в помывочную — смывать с себя остатки слабости и этот нелепый инцидент.

Тёплая вода помогла смыть не только воспоминания о произошедшем, но и напряжение в мышцах. Завтрак ждал на столике у окна, и от одного взгляда на него урчало в животе.

Это была не еда, а картина.

Я впиалась зубами в круассан. Хрустящая корочка сдалась под натиском, выпустив наружу тягучую, тёплую карамель. Следом был тартар: нежная рыба, взрыв солёной икры и сливочная мягкость авокадо на языке. И, наконец, кофе — густой, маслянистый, обжигающий.

Но для магички с ноющими рёбрами и ясной головой (спасибо целителям за то, что я больше не труп) еда была не просто вкусной. Она была жизнью.

Мой внутренний дзен разрушил голос друга:

— Нет, я так не могу...

Он был в бешенстве. Вилка в его руке дрожала от напряжения, пока он сверлил взглядом Бонифация. Кот же вел себя возмутительно спокойно: он не ел курицу — он её расчленил с методичностью палача.

— Ты чего? — я проглотила хлеб и удивленно воззрилась на него.

Взгляд Вильяма метнулся ко мне, тяжелый и мрачный:

— С ним что-то не так!

Я знала это. Чувствовала странную пульсацию его ауры. Но обсуждать это? Увольте. Князь выпил из меня все соки своим поручением.

— Обычный кот! Просто у него IQ выше твоего! — отрезала я, вставая на защиту пушистого предателя.

Два взгляда скрестились на мне: недоверчивый Вильяма и насмешливый кошачий. «Ты серьезно?» — читалось в них обоих.

— Даже он тебе не верит, — прошипел друг.

Я закатила глаза:

— И что ты предлагаешь? Мы не можем его допросить. Аура говорит: существо магическое и разумное.

Я кивнула сама себе и вернулась к завтраку под перекрестным огнем их взглядов.

— И ты собираешься все так оставить? А если он...

— Опасен? Оборотень? Ха! Я уже вижу эту сцену: он превращается в принца и увозит меня в закат! Ах! — я картинно приложила руку ко лбу. — Спасите меня от этого счастья!

Мой театральный вздох заставил Вильяма подавиться кофе:

— Смешно тебе? Ты еще заплачешься из-за него!

Я погладила урчащего кота по голове:

— Кушай, солнышко мое магическое. Когда станешь принцем, купишь мне замок!

Бонифаций отвлекся на еду. Вильям фыркнул:

— Если кормить его так дальше, вас ни одна лошадь не увезет!

Я замерла с куском хлеба у рта. Посмотрела на кота (который с момента прибытия в Аэдор казалось и пару кило не набрал), потом на самодовольное лицо друга:

— В таком случае поедем на карете! — фыркнула я и вернулась к завтраку с видом победительницы.

Глаз Вильяма дёрнулся — верный признак того, что его легендарное терпение дало течь и стремительно идёт ко дну. Я уже предвкушала, как он выдаст что-нибудь в духе «ты невыносима», но его тирада оборвалась на полуслове. Дверь распахнулась с грохотом, достойным осады замка, и в гостиную влетел ураган по имени Катарина.

Её безупречное платье, символ княжеского величия, было слегка помято, а в глазах читалась такая паника, будто она только что увидела дракона в тронном зале.

— Кас! О великие, ты очнулась... Я так волновалась. Ты в порядке? — её голос сорвался на шёпот, который в тишине комнаты прозвучал оглушительно.

Наш тихий, пусть и не совсем спокойный мирок, рухнул, как карточный домик. Катарина, дочь князя Аэдора, сейчас была просто испуганной девчонкой. Она вцепилась в мои плечи так, что я испугалась за целостность рубашки. Её пальцы дрожали. Осторожно высвободившись, я старательно игнорировала вспышку боли в ушибленных рёбрах.

— Все хорошо, — мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. Стёрев первую дорожку слёз, скатившуюся по её щеке. «В конце концов, это всего лишь вода», — мысленно усмехнулась я.

Но в следующий миг маска невозмутимой княжны треснула окончательно:

— Сдурела? Чем ты думала? — её голос сорвался на крик, а затем — на тихий, жалкий всхлип. — Когда тебя... там...

Она совершенно скатилась в истерику, уткнувшись лицом в мою новую рубашку. Вдохнув и проводив взглядом свой так и не доеденный завтрак, я притянула подругу к себе. Позволив дорогой ткани намочнуть от слёз девушки. «Надеюсь, у неё есть запасной гардероб», — мелькнула циничная мысль.

Осторожно поглаживая её по спине, старалась не морщиться от боли в синяках. Краем глаза я заметила Ви́ла. Он молча встретился со мной взглядом, коротко кивнул — этот жест говорил больше любых слов — и беззвучно испарился. Он был циничным эгоистом до мозга костей, но это несколько не умаляло его достоинств. А женские истерики... это территория, где и я бы не желала оказаться.

Но уйти не могла, а потому просто обняла Катарину крепче, позволяя ей выплакаться. Иногда даже самым сильным нужна минутная слабость. Даже если эта слабость стоит мне новой рубашки и остатков моего спокойствия.

Вечером того же дня...

В особняке графа было многолюдно. Слуги сновали с подносами, вино и тёмный эль лились рекой. Воздух был густо пропитан ароматами дорогих духов, воска и сладких закусок. Высокие стрельчатые окна были задрапированы тяжёлым бархатом цвета спелой сливы, перехваченным золотыми шнурами. Свет сотен свечей, отражаясь в начищенном до блеска паркете и огромных зеркалах в массивных рамах, дробился на тысячи искр.

— Не думала, что граф настолько богат, — пробормотала я, переводя взгляд с фуршетного стола на это роскошное убранство зала.

— Конечно, ведь он владелец крупнейшей кораблестроительной компании всего побережья. Ещё его прадед основал это дело, — поучительно протянула Катарина, беря меня под руку и уводя от закуточного столика.

Я тихо присвистнула и с новым приливом любопытства огляделась по сторонам. Богатство здесь было не просто показным, оно было монументальным, давящим. Оно кричало о власти и династических амбициях громче любых слов.

Когда мы оказались в гостиной, все встали, вежливо приветствуя подругу. Она мило улыбнулась и кивнула компании незнакомых мне девушек. Среди них я узнала Амиру и Аннабель, с которыми свела знакомство ранее. И сделала свои выводы.

Участницы отбора напоминали выставку драгоценностей, организованную в спешке. Вот принцесса с волосами цвета спелой вишни так туго стянула их на затылке, что, казалось, кожа на висках вот-вот лопнет — она боялась лишней раз моргнуть, чтобы не разрушить это архитектурное чудо. Рядом с ней брюнетка в платье цвета индиго нервно теребила нитку жемчуга на шее, словно та душила её, а не украшала. Их спины были прямыми до неестественности, а плечи застыли в напряжении. Улыбки, приклеенные к лицам, выглядели так, будто их действительно зафиксировали клеевым зельем: губы растянуты, но глаза оставались холодными и пустыми.

Платья соперничали друг с другом в роскоши: корсажи, усыпанные камнями так густо, что ткань казалась чешуей мифического зверя; шлейфы, подметающие пол с шелестом, напоминающим шорох сухих листьев; кружева такой плотности, что сквозь них не пробивался ни один луч света. Остальные гости на их фоне были лишь бледными тенями, декорациями для этого сверкающего спектакля.

Бегло бросив взгляд в собственное отражение, поняла, что на их фоне похожа на обедневшую аристократку. И это сравнение неприятно царапнуло изнутри.

Резко изменив нашу с Катариной траекторию, я направилась прямо к участницам. Те заметно оживились.

— Куда ты меня тащишь? — зашипела подруга, пытаясь вырваться из моей хватки, но всё так же мило улыбаясь окружающим.

— Серьёзно? Ты же не собираешься прятаться за гобеленом весь вечер? Нам надо разведать обстановку, — пропела я сладким голосом. — Или ты предпочитаешь, чтобы твоего брата окрутила «ледяная статуя»?

Оказавшись рядом с девушками, мы услышали хор приветствий:

— Какая встреча! Я так рада! Давно не виделись!

Они галдели наперебой, словно чайки, сражающиеся за корку хлеба.

Я села рядом с Аннабель. Мы сразу обменялись тёплыми взглядами. Эта девушка вызвала у меня исключительно добрые чувства — вероятно, потому что она единственная не пыталась продать мне свою фальшивую улыбку оптом.

— Кас, — она едва заметно наклонила голову, и в её глазах промелькнула искра понимания. — Рада, что ты решила разбавить наш фарфоровый сервиз.

Я усмехнулась, краем глаза наблюдая, как Катарина пытается слиться с общей массой толпы, лишь бы избежать светской беседы с невестами брата. Вокруг нас кипела жизнь: шелест шёлка, звон бокалов и монотонный гул голосов, похожий на жужжание потревоженного улья.

— О, я просто не могла упустить возможности увидеть этот парад тщеславия вживую. Интересно узнать, кому предстоит сразиться за руку и сердце его светлости.

Аннабель тихо рассмеялась, прикрыв рот веером:

— Боюсь, твой интерес будет оправдан. За этими улыбками скрываются пираньи зубы. Особенно у той, в изумрудах.

Я проследила за её взглядом. Высокая девушка с идеально прямой спиной стояла в центре компании. Амира.

Её присутствие здесь было живым напоминанием о недавней войне и хрупком мире.

Платье принцессы было настоящим произведением искусства: тяжёлый бархат глубокого зелёного цвета, расшитый мелким речным жемчугом. На шее у неё покоилось ожерелье, способное купить небольшую провинцию. Но самым примечательным был её взгляд — холодный и пустой, как у куклы.

— Амира? — уточнила я, вспоминая нашу первую встречу.

Отчего невольно прыснула. Не каждый день появляется возможность увидеть принцессу вниз тормашками, торчащую из кустов. Хотя тогда она была немногословна, но её презрение можно было резать ножом.

— Она самая. Говорят, её отец владеет половиной золотых приисков на востоке. А ещё говорят, что она отравила свою ручную обезьянку за то, что та испортила ей причёску.

Я поперхнулась воздухом и с новым интересом уставилась на «королеву улья». История звучала дико, но зная её избалованный и высокомерный характер... вполне правдоподобно.

— Знаешь, — задумчиво протянула я, возвращая взгляд к Аннабель, — я начинаю за тебя волноваться.

Аннабель снова улыбнулась, на этот раз чуть грустно:

— Знаешь... иногда самые красивые цветы растут на самой жёсткой почве. Но их корни всегда тянутся к тьме.

Я почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок. Фарфоровые куклы готовились показать свои когти.

В этот момент мелодичный звон бокала прорезал гул зала. Все взгляды обратились к высокой лестнице у входа. Там стоял он — Артион. Наследный принц.

Он был одет безупречно-просто по сравнению с разряженной толпой: тёмный камзол без лишней вышивки. Но именно эта сдержанность делала его центром внимания. Он не кричал о своём богатстве — он им дышал.

Его взгляд скользнул по залу и на мгновение задержался на нашей компании. Я заметила, как Катарина вздрогнула и отступила ещё глубже, в тень гобелена. Их родство было очевидным: тот же разрез глаз, тот же упрямый подбородок. Но если в Артионе это читалось как сила и порода, то в Катарине — как проклятие.

Он начал спускаться по ступеням. Девушки вокруг нас подобрались, спины стали ещё прямее.

Я повернулась к Аннабель:

— Если хочешь, могу вас представить.

Девушка проследила за моим взглядом и вздохнула:

— Не стоит.

Я знала: за этими словами и вздохом скрывалось нечто большее, заставляя меня нахмуриться.

Внезапно принц остановился. Его взгляд был устремлён прямо на нас. Точнее, на меня. Он вежливо склонил голову в приветственном кивке и начал движение в нашу сторону через расступающуюся толпу участниц отбора.

По залу пробежал взволнованный шепоток: зачем принц идёт к этим двум?

Когда он подошёл ближе, я невольно выпрямила спину, стараясь скрыть дискомфорт от ноющих ран после вчерашней схватки. Бонифаций, который ни на шаг не отходил от меня весь вечер (чем вызывал косые взгляды аристократов), тихо мурлыкнул и ткнулся головой мне под колено, словно чувствуя моё напряжение.

— Ваше высочество... Госпожа Кас, — его голос был низким и спокойным. — Рад видеть вас в гостях графа.

Он перевёл взгляд на меня:

— Я слышал о вашем... неприятном происшествии вчера. Надеюсь, вы уже пришли в норму?

Я моргнула. Кажется, Катарина рассказала ему о моем небольшом приключении.

— Благодарю за заботу, Ваше Высочество. Но боюсь в ваших землях стало на одного духа меньше, а количество темных осталось прежним.

Мой голос был холоден и саркастичен. В голове было свежо воспоминание о нашей вчерашней перепалке.

Он едва заметно улыбнулся уголком губ:

— Рад, что он более не станет причинять никому вреда. Надеюсь увидеть вас завтра на охоте. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что вы и в правду в порядке.

С этими словами он вновь кивнул нам и двинулся дальше, приветствуя других гостей. Я посмотрела ему вслед:

— Ещё одна охота? Я от прошлой ещё не отошла.

Аннабель вздохнула и на миг сжала кулон, глядя куда-то сквозь толпу:

— Завтра на охоте прольётся не только кровь зверей. Я вижу тени... и они тянутся к тебе.

Её слова отозвались тупой болью в моих всё ещё не заживших ранах:

— Замечательно. Значит, завтра мне предстоит не только изображать светскую даму при дворе князя, но и уворачиваться от теней? — я бросила взгляд на Амиру, которая уже хищно улыбалась кому-то из гостей. — Просто мечта любого некроманта.

Бонифаций согласно мяукнул и требовательно боднул мою лодыжку головой, напоминая о своём присутствии и поддержке. В этом сверкающем змеином гнезде его тёплая шерсть была единственным островком здравого смысла.

Распрощавшись с Аннабель, я решила найти сбежавшую под шумок Катарину.

Пропажка оказалась в соседнем зале. Она мило ворковала с Теодором. Его льстивая улыбка была шире парадных ворот замка, но за ней скрывался холодный расчёт.

Чертыхнувшись про себя, я подобралась. Бесшумно скользнув за массивную портьеру, замерла, превратившись в слух.

— ...Ваша светлость, ваша способность превращать любое событие в образец изящества поистине достойна летописей. Я лишь скромный наблюдатель перед лицом вашего гения... — рокотал Теодор, и от его голоса, казалось, вибрировали хрустальные подвески на люстре. — В мире, где всё так зыбко и непостоянно, так отрадно видеть оплот истинного достоинства. Рядом с вами даже хаос обретает форму... порядок. Вы станете прекрасной королевой!

Я закатила глаза так сильно, что стало больно. Просто восхитительно. Медведь пустил в ход свой главный калибр. Он уже видел её на троне, а себя — стоящим за этим троном.

— Лорд Маутхен, вы мне льстите, — голос Катарина звучал мягко, но я уловила в нём нотки смущения. Она была слишком хорошо воспитана, чтобы осадить его.

— Нет, Ваша светлость, я в восхищении! — перебил он, не давая ей договорить и опомниться. Он давил её своим авторитетом, не оставляя пространства для манёвра.

Я не верила своим глазам. Катарина краснела? Серьёзно? Она купилась на эту грубую лесть, как деревенская девчонка на ярмарочные леденцы. Или она просто не хотела устраивать сцену?

Бонифаций, всё это время сидевший у моих ног в укрытии, тихо фыркнул, словно разделяя моё презрение к этому фарсу. Пожалуй, из нас двоих только кот сохранял здравый смысл.

Я уже собиралась кашлянуть и разрушить эту идиллию, когда Теодор вдруг резко сменил тон. Его голос стал ниже, интимнее, и он накрыл ладонь Катарина своей.

— Впрочем, все эти титулы — лишь пыль на ветру. Истинная же красота души сияет ярче любых регалий, особенно когда она так умело скрывается за скромностью.

Это был уже прямой удар. Он перешёл от политики к личному. Я сжала кулаки. Пора было вмешаться, пока этот хищник не загнал свою жертву в угол окончательно.

Я вышла из-за портьера так, словно меня здесь и быть не должно было, лениво поигрывая веером, который подобрала с консоли. Бонифаций, мой верный сообщник, бесшумно скользнул следом и с наглым видом потёрся о сапог лорда Маутхена, оставляя на начищенной коже клочья чёрной шерсти.

— О, какая трогательная сцена, — протянула я, вклиниваясь в их личное пространство. — Теодор. Вижу, ты времени зря не теряешь. Вчера играл роль посла, объявляющего войну, а сегодня? Посла, предлагающего династический брак? Какая многогранность. Хотя, признаться, вчерашняя твоя смерть была куда более... убедительной. Ты так натурально пал к моим ногам.

Катарина вздрогнула и отдернула руку, словно обжёгшись. Её щёки из розовых стали пунцовыми. Теодор медленно повернул голову. Его улыбка не дрогнула, но глаза заледенели. Он оценивал новую помеху.

— Кассандриэль. Какая... неожиданная радость, — его голос был гладким, как отполированный мрамор. — Мы как раз восхищались организаторским гением Её светлости. Удивительно, как в столь хрупкой девушке умещается столько таланта.

— О да, — я скрестила руки на груди, игнорируя его попытку вернуть разговор в прежнее русло. — Талантов у неё много. А вот память у некоторых десниц, видимо, короткая. Не напомнишь ли, ты, что я сказала вчера утром? Что-то про срочный отъезд? Ах да, я сказала: «Собирать вещи». Но как вижу, ты предпочел остаться. Видимо, сцена твоей гибели настолько вдохновила тебя на подвиги, что решил бросить вызов дипломатическому протоколу?

Я подошла к Катарина и взяла её под локоть, мягко, но настойчиво оттесняя ошарашенного дипломата.

— Было приятно поболтать, Теодор. Передавай привет своему королю. И да, — я обернулась через плечо с самой милой из своих улыбок, — следи за котом. Как ты знаешь он у меня с характером. А ещё поговаривают, он питает слабость к блестящим побрякушкам. Особенно к тем, что плохо лежат.

Не дожидаясь ответа, я потащила Катарину прочь из зала. Она шла молча, спотыкаясь на ровном месте.

— Кас... — наконец прошептала она, когда мы оказались в относительной тишине соседней галереи. — Что ты... Он же десница короля! И ты говорила с ним так... грубо и фамильярно!

— Именно поэтому он здесь и распускает руки, — отрезала я. — Очнись, Катарина. Он не восхищается твоими талантами. Он пытается купить влияние твоего отца через тебя. «Прекрасная королева»? Серьёзно? Он уже видит тебя в постели, и пока неизвестно чьей именно.

Она остановилась, глядя на меня широко распахнутыми глазами:

— Но... он был так любезен.

— Любезен? — я фыркнула. — Он был приторен, как патока. А патока хороша только для того, чтобы ловить мух. Ты не хочешь быть мухой в его паутине.

Катарина опустила взгляд на свои сцепленные пальцы:

— Я просто... я не знаю, как себя вести. Все эти взгляды, ожидания... Артион найдёт себе жену, а я останусь одна. Постоянно под присмотром.

В её голосе прозвучала такая глухая тоска, что мой гнев мгновенно улетучился. Я вздохнула и смягчила тон:

— Ты не останешься одна. А этот индюк пусть ищет себе другую пешку. Тем более, у него уже есть невеста! — взгляд подруги окончательно потух. — Пойдём лучше поищем лимонад. У меня от его приторности до сих пор зубы сводит.

Стараясь поддержать ее хоть немного, я снова взяла Катарину под руку и повела дальше по галерее. Мы свернули в боковой коридор, где гул голосов стал тише, а воздух — прохладнее.

Кэти шла молча, лишь изредка бросая на меня виноватые взгляды. Бонифаций, мой пушистый сообщник, гордо шествовал впереди, задрвав хвост трубой, словно инспектор, проверяющий территорию после успешного рейда.

— Лимонад, говоришь? — наконец нарушила тишину подруга, пытаясь вернуть голосу привычную мягкость. — Знаешь, здесь есть зимний сад. Там тихо, и... там растут лимоны. Настоящие. Говорят, граф выписал садовника из самой южной провинции.

— Лимоны — это прекрасно, — кивнула я, сворачивая следом за котом к массивной двери, из-за которой тянуло запахом влажной земли и зелени. — Главное, чтобы в графин не подмешали ничего лишнего. После общения с нашим «другом» Теодором у меня паранойя разыгралась.

Катарина нервно хихикнула, но тут же осеклась. Мы вошли в зимний сад. Здесь царил полумрак, разгоняемый лишь парой магических светляков, парящих под стеклянным куполом. Вокруг раскинулись настоящие джунгли: папоротники размером с человека, лианы, свисающие с потолка, и в центре — обещанные лимонные деревья в огромных кадках.

Мы устроились на скамье из резного камня. Я с облегчением вытянула ноги. Вечерние туфли на каблуках были орудием пытки, а раны всё ещё ныли.

— Кас... — Катарина теребила кружевной манжет. — Ты правда думаешь, что Теодор... что он неискренен?

— Искренность и политика — вещи несовместимые, как огонь и вода, — отрезала я, наблюдая, как Бонифаций с интересом обнюхивает гигантский папоротник. — Он видит в тебе не женщину, а актив. Твой отец — князь Аэдора. Это власть, это армия, это новые союзники. А ты для него — ключ к этому сундуку.

— Но он говорил так красиво... — её голос дрогнул.

— Красиво говорят менестрели в тавернах за медяк. А этот говорит за корону. Разница лишь в цене.

Внезапно Бонифаций замер. Его уши встали торчком, а шерсть на загривке вздыбилась. Он зашипел, застыв каменным изваянием, глядя в густую тень между деревьями.

— Что там? — шепотом спросила я, напрягаясь и готова обездвигивающие заклятие.

Кот медленно повернул голову и посмотрел на меня своими изумрудными глазами. В них читалось беспокойство, ярость, презрение?

Но прежде, чем я успела подняться из-за ствола лимонного дерева послышался тихий и мелодичный голос:

— Не удивлена, что нашла вас здесь.

Повернув голову в ту сторону, перед нами предстала высокая девушка в серебристом платье. Аннабель. Она подошла ближе и присела на край скамьи рядом с нами:

— В этом серпентарии зимний сад — единственное место, где можно вдохнуть без риска отравиться ядом.

— Аннабель! — Катарина искренне обрадовалась её появлению. — Ты нас искала?

Я же все равно поднялась и осмотрелась по сторонам. Бонифаций смягчился, но продолжал что-то высматривать в тени сада. Там куда свет не долетал. Перейдя на магическое зрение. Я так ничего и не увидела, а потому подняв Бонифация на руки мягко погладила, ощущая как его трясло от ярости.

Аннабель продолжила будто не заметила моего и кота странного поведения:

— Скорее.. Пыталась найти тихое место.

Девушка перевела взгляд на меня. Её улыбка была тёплой, но глаза оставались серьёзными:

— Кас, нам нужно поговорить.

Я подняла бровь:

— Звучит интригующе. И немного зловеще.

— Зловеще будет завтра на охоте, — она понизила голос почти до шёпота. — Тени о которых я говорила... Я могу помочь тебе подготовиться. У меня есть кое-что... защитный амулет. Он не остановит их полностью, но даст тебе время.

У меня по спине пробежал неприятный холодок. Но я позволила себе лишь усмехнуться:

— Просто мечта любого некроманта.

В этот момент стеклянная дверь сада распахнулась с громким стуком, впуская волну шума и музыки из бального зала. На пороге стоял Артион. Его тёмный камзол резко контрастировал с буйством зелени вокруг. Он обвёл взглядом оранжерею и безошибочно нашёл нас.

— Похоже я не ошибся. Прячетесь от высшего общества? — Артион высокомерно поднял голову обращаясь к Катарине. — Дорогая сестра, разве ты не желала провести время с подругой в обществе лир? Они заскучали Настолько, что уже распланировали игры. Советую успокоить их, пока это не сделал я.

Голос Артиона звучал так надменно и в нем не было и следа той теплоты по отношению к сестре, которую он проявлял на пиру. Кажется между этими двумя что-то произошло. И похоже я знаю даже его имя...

Я сжала кулаки так, что ногти больно впились в ладони. Артион стоял в дверях, словно тёмная статуя, и его взгляд скользил по нам с ледяным безразличием. Будто для него мы были предметами мебели, стоящими не на своих местах.

Его слова о «высшем обществе» прозвучали как пощёчина. Прячемся? Да, мы искали здесь поток свежего воздуха, свободного от фальшивых улыбок и звона бокалов. Но теперь даже этот хрупкий покой был разрушен его вторжением.

Я перевела взгляд на Катарину. Её лицо, обычно живое и открытое, превратилось в застывшую маску. Она смотрела на брата, и в её глазах читалась не обида, а глухая, привычная усталость. Я вспомнила его веселый смех, слова на пиру, заботу о сестре. Сейчас от той теплоты не осталось и следа. Между ними словно выросла невидимая стена из льда и невысказанных упреков.

— Игры? — мой голос прозвучал резче, чем я планировала. Я сделала шаг вперёд, загроживая собой Катарину. — О каких играх идёт речь?

Артион медленно повернул голову в мою сторону. На мгновение в глубине фиалковых глаз промелькнула тень усталости — он не хотел надевать эту маску, но долг был тяжелее его желания.

— Вас это не касается, госпожа Кас, — отрезал он, и его голос звенел от льда. — Это семейное дело. Катарина знает свои обязанности.

Он снова посмотрел на сестру, и в его голосе зазвучали стальные нотки приказа:

— Ты идёшь со мной. Сейчас же.

Катарина вздрогнула, словно от удара хлыстом. Она бросила на меня быстрый, извиняющийся взгляд и опустила голову.

— Да, брат, — тихо произнесла она и, не сказав больше ни слова, направилась к выходу.

Артион посторонился, пропуская её, и на мгновение наши взгляды встретились вновь. В его глазах не было ни капли человечности — лишь холодный расчёт. Затем он развернулся и вышел вслед за сестрой, оставив нас с Аннабель одних в звенящей тишине оранжереи.

Дверь захлопнулась, отрезая нас от шума светского вечера, но тишина теперь казалась мне оглушительной и тревожной. Что за игры он имел в виду? И почему Катарина так боится его гнева?

Тихая ярость поднималась из самых глубин, ледяная и вязкая, словно смола. Она заполняла вены, замедляла мысли и окрашивала мир в оттенки серого. Я чувствовала, как радужка темнеет, поглощая свет, а по краям зрения расплзается чернильная тень. Тьма внутри шептала, предлагая стереть с лица земли этих напыщенных, жалких аристократов.

— Кас... — голос Аннабель донесся будто издалека, настороженный и слабый. Я упрямо проигнорировала его, позволяя гневу взять верх.

Принцесса оказалась напротив меня. Мир сузился до её силуэта. А потом — удар молнии, разорвавший пелену безумия.

Мир вернулся рывком, будто кто-то выдернул меня из вязкого кошмара. Я хватала ртом воздух, словно тонула, и только теперь ощутила как горит щека, а по ладоням бежит что-то теплое и вязкое. Кровь.

Я медленно повернула голову. Аннабель стояла напротив, белая как полотно. Её рука всё ещё была поднята, а пальцы дрожали. Она беззвучно открывала рот, словно рыба, выброшенная на берег.

— Я...я.. — её голос сорвался на шёпот, она запиналась, пытаясь выдавить хоть что-то осмысленное.

Я же сделала медленный выдох, чувствуя, как тьма нехотя отступает, оставляя после себя звенящую пустоту и горький привкус на языке. Я посмотрела ей прямо в глаза и тихо, но твёрдо произнесла:

— Спасибо...

В этом слове было всё: стыд за потерю контроля и безмерная благодарность за то, что она не побоялась вмешаться.

С момента моего побега от драконов, тьма все чаще пытается взять контроль. Пора написать старине Герберту, возможно он сможет объяснить природу происходящего.

Не успела я окончательно прийти в себя, как стеклянные двери оранжереи распахнулись, впуская внутрь шумную, сверкающую толпу. Их смех был слишком громким, слишком ярким — он бил по нервам, словно фальшивая нота в тихой мелодии. Я поморщилась, инстинктивно отступая в тень.

— Нам лучше уйти, — быстро сообразила Аннабель, и я была ей безмерно благодарна за эту спасительную мысль.

Схватив Бонифация, в глазах которого застыл ужас — не передо мной, а за меня. Я рванула к выходу. Прохладный воздух ударил в лицо, словно живая вода. Я жадно вдохнула его полной грудью, чувствуя, как лёгкая дрожь пробегает по телу — то ли от холода, то ли от пережитого напряжения.

Аннабель отстала где-то по пути, растворившись в суете, а мы остались одни.

Всё ещё прижимая к себе кота, я сделала ещё один глубокий выдох. Только теперь окончательно вернувшись в реальность.

— Ну вот и приплыли, — тихо сказала я, глядя в умные глаза Бонифация. Голос прозвучал хрипло и надломлено. — Надо тебя куда-нибудь пристроить, пока я здесь.

Попытавшись улыбнуться, я осторожно провела рукой по его мягкой, тёплой шерсти. Но вместо привычного мурчания в ответ раздалось гневное шипение. Бонифаций извернулся в моих руках и вцепился острыми когтями в открытые плечи. Его взгляд был полон упрёка: «За что? Почему?»

В этот момент я ощутила, как по щеке катилась одинокая, горькая слеза.

Опустившись на корточки прямо на холодную плитку дорожки, я поставила кота перед собой:

— Прости, дружище... — прошептала я.

Я извинялась перед ним, не зная, как объяснить этому слишком умному созданию всё то безумие, что творилось вокруг и внутри меня.

— Я... — послышался первый всхлип, но упрямо мотнула головой, пытаюсь сдержаться. — Бони... я не могу взять тебя с собой.

Я старалась говорить твёрдо, но голос предательски сорвался на последнем слове, выдавая всю мою боль и беспомощность.

Бонифаций не сводил с меня глаз. В его взгляде не было злобы — только глубокое, почти человеческое разочарование. Он медленно сел, обвив лапы пушистым хвостом, и уставился на меня так, будто ждал объяснений, которые я не могла дать.

Я вытерла слёзы тыльной стороной ладони и подняла голову. Сад вокруг казался нереальным, словно нарисованным на холсте ночи. Фонари выхватывали из темноты причудливые силуэты кустов, а где-то вдалеке слышался приглушённый смех — отголоски той самой толпы, от которой мы сбежали. Воздух пах влажной землёй и ночными цветами, и этот запах немного отрезвлял.

— Я не могу... подвергать тебя опасности, — прошептала я, обращаясь скорее к себе, чем к коту. — Я... во круг... во мне слишком много тьмы.

Бонифаций дёрнул ухом, понимая каждое слово. Он медленно поднялся, подошёл ко мне и, вместо того чтобы убежать, ткнулся мокрым носом в мою ладонь. Это было прощение. Безмолвное и полное достоинства.

Я закрыла глаза, чувствуя, как его тепло передаётся мне. На мгновение стало легче. Но реальность тут же напомнила о себе — где-то хлопнула дверь, и по дорожке застучали торопливые шаги.

Я резко вскочила на ноги. Бонифаций отпрянул и настороженно прижал уши.

— Тише, — прошептала, вглядываясь в темноту.

Из-за поворота показалась не знакомая фигура. Свет фонаря, словно прожектор на сцене, выхватил из мрака плавный, текучий силуэт. Мягкое платье струилось по фигуре, а волосы, собранные в высокий хвост, казались застывшей рекой серебра. Одна из принцесс.

Она шла быстрым, целеустремлённым шагом, но её взгляд был устремлён куда-то за спину, словно она гналась за собственными мыслями или пыталась разглядеть что-то в темноте позади себя. Инстинктивно, не раздумывая, я сделала шаг в сторону, скрываясь за плотной стеной кустов. Она проскочила мимо, не заметив нас с Бони — лишь порыв ветра донёс до меня тонкий аромат её цветочных духов.

Проводив удаляющуюся спину прищуренным взглядом, плечи поникли, давая ощущение усталости, навалившейся на плечи гранитной плитой. На сегодня с меня было достаточно. Хватит этих игр, интриг и высокородных персон с их пустыми глазами.

Я опустила взгляд на Бонифация и послала ему ласковый, извиняющийся взгляд:

— Идём, — тихо шепнула я. — Хватит с нас этого вечера.

Кот будто в подтверждение моих слов мотнул головой — гордо, с достоинством истинного аристократа — и направился в сторону выхода. Его поступь была мягкой, но решительной.

Стоило нам оказаться у ворот, как мы увидели картину, от которой захотелось немедленно развернуться и уйти. Амира, пылая праведным гневом, забиралась в карету. Она что-то кричала о неблагодарных слугах; её голос звенел в ночной тишине, нарушая хрупкий покой. Рядом стоял Риан. Он выглядел усталым донельзя — вечер этого бедолаги, судя по всему, тоже прошёл совсем не так, как планировалось.

Бонифаций замер, уставившись на них. Его тело напряглось, и из груди вырвалось тихое, утробное шипение. Я шикнула на кота и быстро подхватила его на руки, прячась за массивной стеной дома. Желания участвовать в их беседе не было совершенно никакого.

Стоя в густой тени, я всем телом ощущала странный, неприятный озноб. Будто кто-то смотрит на нас — тяжёлым, липким взглядом из темноты. Я чуть выглянула из-за угла, но улица была пуста. Лишь карета с принцессой и её приближенными стояла у ворот.

Бонифаций всё так же продолжал беззвучно шипеть мне в плечо. Его шерсть стояла дыбом, превратив его в маленький шипастый комок ярости и страха. И я знала: он чувствует то же самое. Мы здесь не одни.

Глава 9 Игра без правил

Небо затянуло серой пеленой, и воздух, неподвижный и тяжёлый, пах озоном — предвестником грозы. Природа, как и люди, лишь копила напряжение, не решаясь его разрядить. Я стояла в тени старой ели, чувствуя, как смола липнет к перчаткам, и наблюдала за суетой на поляне.

Слуги выводили лошадей — лоснящихся, нервно прядущих ушами. Гости, ещё недавно сидевшие на трибунах, теперь облачились в охотничьи костюмы. Зелёный бархат, коричневая замша, золотые застёжки — всё это выглядело скорее как театральный маскарад, чем подготовка к настоящей лесной вылазке. Они смеялись слишком громко, их голоса звенели в сыром воздухе фальшивым хрусталём.

Я слышала обрывки их разговоров, не прилагая усилий:

— ...прекрасное прохождение Артиона...

— ...невероятная меткость...

— ...он будто сросся с луком...

Каждый слог был пропитан лестью, сладкой и липкой. Эти люди умели носить фальшивые улыбки так же искусно, как и расшитые камзолы. Они раболепствовали перед княжеской четой, изгибая спины в поклонах, от которых меня начинало мутить. Каждый такой разговор оставлял на языке тонкое, горькое послевкусие полыни.

И лишь одна фигура выбивалась из этого лощёного спектакля. Катарина. Она не играла по их правилам. Её смех был настоящим — звонким и свободным. Она позволяла себе чувствовать каждый миг, наслаждаясь ветром на щеках и запахом влажной земли.

Мои мысли прервал звук рога. На мгновение всё замерло. А затем я перенеслась мыслями на турнирное поле, заново переживая увиденное.

Вот Артион выходит к черте. В его руках — простой тисовый лук, но в его движениях нет ничего простого. Он — статуя, высеченная из камня и льда.

Первая стрела срывается с тетивы со свистом рассерженной осы. Она вонзается в мишень у самого края красного центра. Толпа одобрительно гудит.

Вторая стрела летит быстрее мысли. Она дрожит в «десятке», сравнив счёт с рыцарем из Балькрома. Напряжение становится осязаемым. Кажется, даже ветер стихает, боясь помешать.

Артион замирает. Он натягивает тетиву до самого уха, и я вижу, как напрягаются мышцы на его предплечьях под рукавами белой рубашки. Секунда растягивается в вечность. Щелчок.

Стрела не летит — она исчезает из виду и тут же появляется в центре мишени. Но это не просто попадание. Это удар молнии. Древяк первой стрелы не выдерживает чудовищной силы столкновения и раскалывается пополам с сухим, резким треском.

И тогда толпа взрывается. Это не крик — это рёв первобытного восторга. Люди вскакивают с мест, их лица искажены эмоциями. Если бы не плотная цепь стражи с алебардами наперевес, деревянные трибуны разлетелись бы в щепки под напором обезумевших от зрелища людей.

Я моргнула, возвращаясь в реальность поляны.

Гул голосов за спиной постепенно стихал, превращаясь в невнятный, монотонный шум, похожий на жужжание потревоженного улья. Покинув душное кольцо придворных, где каждый взгляд был оценивающим, а каждая улыбка — натянутой струной. Я обогнула группу рыцарей,

поймав на себе вопросительный взгляд Вильяма, но лишь едва заметно качнула головой. Не сейчас. Мне нужна была тишина.

Пасмурный день был настоящим подарком. Отсутствие палящего солнца и липкой жары ощущались как прохладный бальзам на разгорячённую кожу. Я медленно пошла по поляне, позволяя влажному воздуху наполнить лёгкие. Хотелось просто побыть в стороне, наблюдая за этим фарсом.

Остановившись, я прислонилась плечом к шершавому, тёплому стволу древней сосны. Отсюда открывался отличный вид на стайку невест, собравшихся в центре поляны. Они напоминали ярких, экзотических птиц, случайно залетевших в Миридийский лес.

Первой в глаза бросалась леди Эвила Лортс. Она стояла чуть поодаль от остальных, словно соблюдая дистанцию. Девушка была прислана от Франкфуртского двора. Я знала эту историю: их король за долгие годы правления так и не дождался дочери.

У него был лишь один сын — болезненный, хрупкий мальчик, которого отец оберегал с маниакальной силой.

Рядом с ней стояла принцесса Фальятэ. Её южная красота была почти вызывающей: гладкая кожа цвета тёмного мёда, плавные изгибы тела и глаза с узким, змеиным разрезом. Кровь народа Нагов текла в её жилах, это было очевидно. Я чуть прищурилась, привычно переключая зрение на магический спектр. Её аура была плотной и подвижной, окрашенной в лазурные и перламутровые тона — явный признак магии воздуха. Распространённый дар в Нагарадж.

Чего не скажешь о герцогине Рагна. Она стояла, широко расставив ноги в высоких сапогах для верховой езды, и её поза была лишена всякой женственности и изящества. Коротко стриженные волосы, крепкое, спортивное телосложение — она выглядела так, будто готова прямо сейчас сойтись в рукопашной. Прибыла напрямик из Диации. Я взглянула на её ауру: холодный, стальной блеск магии металла. Редкий и опасный дар. Судя по бледному, почти отсутствующему свечению её дара, талант герцогини был весьма скуп.

А вот прелестная сильфида Фейриэль, о это был милый цветочек с акульими зубками. Именно её я видела вчера в саду убегающей. И чем дольше я наблюдала за тем, как она стреляет глазками в посла Нагарадж — того самого высокого мужчину со змеиными глазами — тем крепче становилась моя уверенность.

Либо она нашла себе обед из запечённой змеи, либо вчера она удирала от его страсти через кусты роз. Судя по тому, как эти двое переглядывались, я склонялась ко второму варианту.

Мои размышления прервало мягкое приземление на стоящий рядом мешок с овсом. На него запрыгнул Бонифаций. Его чёрная шерсть была взъерошена.

— Похоже, ты уже успел насладиться охотой? — тихо усмехнулась я, глядя на довольного кота.

Он лишь лениво приоткрыл один глаз и издал тихий, утробный мурлыкающий звук, словно подтверждая мои слова. Но наши взгляды встретились, и те черти, что плясали в его зрачках, заставили меня усомниться. Похоже, это была не просто охота на мелкую дичь.

Не успела я уточнить, как моё уединение было нарушено. Рядом со мной бесшумной тенью прошёл Артион. Он двигался с грацией хищника, бросив лишь быстрый, сканирующий взгляд в сторону гомонящей толпы. Все были слишком увлечены светскими беседами и подготовкой.

Я тихо позвала его, стараясь не привлекать лишнего внимания:

— Ваша светлость!

Мужчина остановился так резко, будто наткнулся на невидимую стену. Он медленно обернулся. Когда наши взгляды встретились, в его фиалковых глазах промелькнула не просто усталость — там была свинцовая тяжесть, будто одно моё присутствие было непосильной ношей для его сильных плеч.

Я поспешно выкинула эти мысли из головы и внимательно посмотрела на него.

— Поздравляю с победой. Сегодняшний день ещё долго будут воспевать, — я старалась говорить учтиво и дружелюбно, но наткнулась на стену полного безразличия.

— Спасибо, — его голос был сух и холоден. От этого тона по спине пробежали мурашки. Он уже собирался идти дальше, потеряв ко мне всякий интерес.

— Постой! — я позволила себе остановить его снова. По лицу Артиона пробежала тень раздражения.

— Да?

Не выдержав этого холодного спектакля, я сорвала с лица маску дружелюбия:

— Она единственная, кто всегда будет за тебя.

Я знала, он поймёт, о ком я говорю.

Раздражение в его взгляде сменилось чем-то похожим на ярость. Он гневно открыл рот, собираясь поставить меня на место или приказать замолчать, но его прервал громкий, раскатистый голос распорядителя.

— Его Светлость князь Аэдора и княгиня!

Артион бросил в мою сторону предостерегающий взгляд — острый, как кинжал — и больше не говоря ни слова, направился напрямик к своему оседланному жеребцу.

Я перевела взгляд на Бонифация. Кот, наострив уши, внимательно вслушивался в мои слова. Казалось, он полностью разделял моё мнение, но, увы, сказать ничего не мог.

— Почему мужчины порой так глупы, Бони? — вздохнула я, проведя рукой по его спине. — Их задетая гордость всегда оказывается важнее всего остального. Разве одно поражение — это конец? Возможно, проиграв, стоит остановиться и подумать о своих ошибках?

Я снова бросила взгляд на наследника, а после посмотрела на Катарину. С самого утра она выглядела подавленной. Как бы княжна ни старалась изображать весёлость и азарт от предстоящей охоты, от меня она не могла спрятать своих настоящих чувств.

В этот момент Бонифаций, мурлыча, потёрся о мою руку. Улыбнувшись, я погладила его по голове. Кот тут же встал на задние лапы, требуя забраться на плечи.

— Знаешь, ты — живое доказательство того, насколько тяжёл мой груз ответственности, — хмыкнула я.

В ответ я была вознаграждена тихим, но отчётливым рычанием.

Мощным усилием воли я прогнала остатки беспокойства за подругу и присоединилась к общему собранию. Распорядитель уже во всю рассказывал об охоте и её правилах.

Оказалось, что охота будет не совсем обычной. Нам предстояло отправиться на поиски ключей, чтобы потом открыть ими клад. Нашедший все пять ключей, сможет открыть замки и забрать приз.

Взглядом я поискала подходящую компанию и тут же заметила милую Лианту — младшую принцессу рода Альтраэль. Кажется, она часто бывает при дворе Аэдора.

Присмотревшись внимательнее, я заметила румяные щёки. Её взгляд, полный восторга, был устремлён в сторону... «Артион? Ого, что это тут у нас? А этот едва уловимый нежный взгляд его светлости... Хм...»

«Какие сюрпризы однако.»

«Эх... Придется начать отбор раньше. Но для начала стоит убедиться в верности своих догадок. Нельзя допустить, чтобы княжество усилило отношения с эльфами. Не хватало привлечь внимание императора к этим землям.»

Посмотрев на довольную тушу в виде кота, я хмыкнула:

– Ты то мне и поможешь.

Бонифаций приоткрыл один глаз, в котором читался вопрос вперемешку с интересом.

Пока я тихо объясняла план коту, ко мне подошла восторженная Катарина и предложила присоединиться к компании лир.

Сделав вид, что мне резко поплохело, я извинилась. Заверив подругу, что это «женское», я получила сочувственный взгляд и была отпущена.

Рог протрубил сигнал к началу. Я не стала рваться в гущу событий. Мой план был иным: стать тенью среди теней леса.

Дождавшись когда поляна опустеет, я осторожно пошла в след за всеми.

Бонифаций трусил рядом, бесшумно ступая по влажной листве. Он то и дело замирал, принокхиваясь, и уверенно вёл меня в сторону от основной группы охотников.

Остановившись у развилки, я шепнула коту:

— Ты за принцессой. Я займусь Артионом.

Кот, блеснув глазами, растворился в подлеске. А я продолжила идти, точно определяя в какую сторону отправился наследник.

Двигаясь по широкой дуге, я обошла центральную часть леса. Вскоре замерев у поваленного дерева, пригляделась, заметив примятую траву и свежий след сапога — определённо мужского, с характерным узором подковки гвардейской стражи. «Артион.»

Осторожно двинулась дальше вдоль следа, стараясь не наступать на сухие ветки. Лес становился гуще, звуки погони окончательно стихли вдаль. Впереди послышались голоса.

Спрятавшись за кустом, я внимательно начала наблюдать за происходящим.

Артион и Лианта стояли так близко, что даже ветер не решался пройти между ними. Он осторожно укрывал ладонями ее плечи, соприкасаясь с ее лбом своим. Их голоса были еле слышным шепотом. И я затаила дыхание, вслушиваясь в их разговор:

— Ты же знаешь, я не могу иначе, — голос Артиона был полон нежности и горечи. — Но ради тебя я готов на всё.

Принцесса молчала, лишь её пальцы нервно теребили край платья.

Резкий, оглушительный хруст разорвал тишину леса подобно выстрелу.

Все во круг замерло. Артион мгновенно подобрался, его рука метнулась к поясу в поисках несуществующего оружия. Лианта вздрогнула и отстранилась от него на полшага.

— Что это было? — испуганно сжимаясь в комок прошептала она.

— Зверь, — отрезал Артион, закрывая ее собой, но его взгляд оставался прикованным к тому месту, откуда донёсся звук. Он больше не смотрел на эльфийку как влюблённый юнец; теперь это снова был хищник на охоте.

Когда наследник и принцесса разошлись в разные стороны, ко мне подбежал довольный Бонифаций и вложил в ладонь холодный металлический ключ.

Хитро глянув на него я шепнула:

— Молодец, — и спрятав находку быстро пошла вперед. — А теперь — за ним.

Охота продолжалась несколько часов. Лес наполнился веселыми криками и звуками музыки. Мы с Бонифацием продолжали идти по следу Артиона.

Когда я вдруг замерла: у оврага стояла девушка, присмотревшись, это оказалась Катарина. Она задумчиво смотрела в глубь леса.

План примирения созрел мгновенно. Усмехнувшись уголком губ. В моей руке шевельнулась тьма.

Бонифаций внимательно наблюдал за моими действиями, я же, прикрыв глаза, ощутила неподалеку мёртвую змеиную тушу. То, на что точно хватит не до конца восстановившегося резерва.

— То что нужно, — короткое заклинание и змея поднятая некромантией зашипела, ползя в сторону Катарины.

Златовласка всё так же усердно вглядывалась вдаль, когда рядом с её ногой раздалось шипение.

Вскрикнув, она бросилась бежать. И кто бы мог подумать, что на крик тут же прибежит ее братец — резко вынырнув из леса к оврагу.

Эти двое неуклюже влетели друг в друга и рухнули в овраг. Раздался треск веток, всплеск воды — и тишина.

Я прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться в голос.

— Ой-ой-ой... — пробормотала я, стукнув себя по лбу. — Бонифаций, ты это видел? Это даже лучше, чем я планировала!

Заглянула вниз. Артион уже поднимался на ноги, брезгливо стряхивая грязь с рукава. Его взгляд метал молнии.

— Ты в порядке? — его голос был холоден как лёд, хотя ситуация была комичной.

Катарина же сидела в луже, её золотистые волосы облепили лицо. Она посмотрела на брата огромными глазами и... разрыдалась? Нет, расхохоталась.

Тихо выдохнув, я скользнула обратно в тень деревьев. Никто не пострадал.

— Бездна, — пробормотала я себе под нос, качая головой. — Я же просто хотела их встряхнуть, а не устроить купание в грязи!

Бросив неловкий взгляд на Бонифация, я прочитала на его морде, что он думает о моих планах. «Молодец! И что дальше?»

— Это чистая случайность! — заявила я тоном фокусника, у которого кролик внезапно превратился в гуся. — Я вообще не имела в виду овраг... Хотя... может, это судьба?

На моё оправдательное бормотание он лишь мотнул головой и уронил её на лапы с видом философа, познавшего тщетность бытия.

Я закатила глаза и скрестив руки на груди, встала в позу.

— В следующий раз, сам будешь придумывать план, — фыркнула на эту бестию. — И вообще пусть смотрят куда летят. Короче, посмотрим, что из этого выйдет.

В моих глазах блеснул азарт, следующая часть плана созрела моментально. Бонифаций обреченно мякнул, будто прочитав мои мысли.

Найдя неподалеку дерево с дуплом, я с силой вдавила ключ в сырую древесину. Металл глухо стукнул о труху. Сверху наспех накидала мох — так, чтобы любой деревенский дурак, решивший справить нужду за кустом, сразу понял: тут что-то прячут. Гениально. Просто верх конспирации.

— Бони, ты это видишь? — я повернула голову к коту. Тот сидел на поваленном бревне, вылизывая лапу с видом аристократа, вынужденного наблюдать за работой черни. — Я только что оставила карту сокровищ с жирной красной стрелкой.

Бонифаций на секунду прервал своё важное занятие, медленно моргнул и посмотрел на меня так, будто я только что предложила ему поужинать опилками.

— Мяу, — изрёк он. А во взгляде прямо читалось: «Твои умственные способности вызывают у меня экзистенциальную тоску». Я отмахнулась.

За спиной хрустнула ветка. Не та, что ломается под весом зверя, а та, что хрустит под подошвой дорогого сапога.

— О, публика пожаловала, — шепнула я коту, падая плашмя в грязь. Ветер тут же воспользовался моментом, швырнув мне в лицо пригоршню мокрых белых прядей. Я запихнула их под капюшон, чувствуя, как холод пробирается под плащ. Первые капли дождя ударили по ткани, выбивая нервную дробь.

Из кустов вывалились они. Два разозлённых грязных облака в человеческом обличье.

— Тебе стоит вернуться во дворец, — отчеканил Артион. Его голос был похож на скрежет меча, который слишком долго точили. Он даже не смотрел на сестру. Он смотрел сквозь неё, куда-то в точку между её бровей.

Катарина остановилась так резко, что грязь из-под её каблучков брызнула веером. Она упёрла руки в бока — поза базарной торговки, которой только что предложили гнилые яблоки.

— Да замолчи ты! Надоел! Сил нет! — её голос взлетел на октаву выше, готовый сорваться на визг. — Катарина делай это! Катарина делай то! Сколько можно? Я тебе не собачка, чтобы гонять меня!

Злые слёзы брызнули из её глаз, смешиваясь с дождём. Она не вытирала их. Она стояла и мокла в своём праведном гневе.

Артион дёрнулся, словно от пощечины. Маска идеального наследника треснула и осыпалась осколками.

— Думаешь, тебе одной тяжело? — его голос упал до шёпота, но от этого стал только страшнее. Он шагнул к ней вплотную, нависая скалой. — Если я не справлюсь... мне конец! Как думаешь, кто-нибудь спросил меня? Хочу ли я? Хочу ли участвовать в этом фарсе? Прыгать как клоун, доказывая, что достоин трона? Думаешь, отцу есть дело до того, чего хочу я?

Он сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Вечные требования! Вечно я всё делаю не так... Думаешь, я хочу этого? Думаешь, кто-нибудь считается со мной?

Небо ответило ему оглушительным раскатом грома. Дождь превратился в стену воды.

Я напряглась. Воздух загустел от магии. Это была не просто гроза. Это была ярость, обретшая форму стихии.

Вспышка молнии выхватила из темноты толстую ветку над их головами. Раздался треск — звук рвущейся древесины и рвущихся нервов.

Бонифаций резко замер и уставился вверх с чисто научным интересом.

Артион среагировал быстрее мысли. Он не оттолкнул сестру — он швырнул её в сторону с силой катапульты. Катарина покатила по грязи, взвизгнув от неожиданности. Сам же мужчина кинулся в другую сторону.

Ветка рухнула вниз с влажным шлепком, взметнув фонтан из земли и гнилой листвы ровно в том месте, где они стояли мгновение назад.

Мир выцвел, оставив лишь скелет реальности, оплетённый пульсирующими нитями силы. Я перешла на магическое зрение, и лес превратился в негатив: чёрные стволы на сером фоне. А в сплетении корней и теней я увидела их — чёрные, маслянистые щупальца, похожие на клубок разъярённых змей. Они медленно, но неотвратно ползли к наследнику.

Бонифаций рядом выгнул спину дугой, шерсть встала дыбом, а из глотки вырвалось низкое, утробное шипение. Он видел это. Он чуял эту дрянь.

В моей ладони вспыхнул клинок — мой верный и единственный друг.

— Ну, иди сюда, — процедила я сквозь зубы и бросилась наперерез щупальцам.

Я не бежала — я летела к источнику этой мерзости. Обогнув пригорок, я влетела прямо в эпицентр. В следующий миг меня снесло невидимой волной. Это был не удар, а скорее толчок чистой энергии — в меня кинули боевое заклинание. Я покатила по грязи, собирая на плащ всю прелесть лесной подстилки.

Вскочив на ноги, я увидела его. Силуэт в плаще, застывший на фоне серого неба. Из-под глубокого капюшона не было видно глаз — только кривой, полный ненависти оскал.

Рванув вперёд, я не стала тратить время на изящные пассы. Враг был слишком близко. Резко выставила руку вперёд, формируя щит — круг чистой энергии, отполированный до зеркального блеска.

Бах!

В щит ударило смертельное проклятие, похожее на сгусток гнилостно-зелёного света. Щит задрожал, но выдержал, отбросив заклятие в сторону и расплескав его по ближайшему дереву. Кора шипя почернела.

«Тёмный! И сильный, зараза»

Он не стал ждать. Воздух между нами сгустился, превращаясь в сотню острых ледяных игл. Они сорвались с его пальцев с тихим звоном. Я крутанулась на месте, взмахивая клинком.

Полоса чистой тьмы рассекла метательный рой пополам. Иглы со звоном осыпались на землю бесполезным крошевом.

Отразив ещё пару быстрых, хлёстких заклятий, похожих на удары кнутом, я ощутила знакомую слабость. Резерв был пуст. Проклятый полтергейст выпил из меня все соки, и тело до сих пор ныло от отката.

«Ну уж нет», — подумала я, чувствуя, как по венам вместо крови начинает бежать первородная тьма.

Я обратилась к ней. Позволила ей вынырнуть из самых тёмных глубин души. Это была не магия, а чистая стихия.

— Кас! — донёсся до меня испуганный крик Катарины.

Я не ответила. Я шарахнула сырой, неконтролируемой силой в фигуру под капюшоном. Это был не луч и не волна — это был удар тараном.

Воздух передо мной сгустился в чёрный кулак размером с быка и врезался в тёмного мага. Силуэт отлетел назад на несколько метров с такой скоростью, будто его лягнула лошадь, и с глухим треском рухнул прямо в овраг.

Мы с Артионом переглянулись — секунда молчаливого понимания — и кинулись к краю обрыва.

Остановились у самого края, тяжело дыша. Внизу было пусто. Только мокрые ветки да осыпавшаяся земля. Ни тела, ни следов. Он просто исчез.

Буря над головой медленно утихала, словно кто-то выкрутил ручку громкости на минимум. Но дождь всё так же монотонно барабанил по капюшону.

Я повернулась к мужчине. Он был бледнее смерти.

Возвращение ко двору было похоже на погружение в аквариум с пираньями — все улыбаются, но только и ждут, когда ты дашь слабинку. Тяжёлые ворота закрылись, отсекая нас от грозы. Я с тоской подумала, что лучше бы мы остались в том овраге. По крайней мере, там враг был честным — он пытался нас убить.

В главном зале уже собрались все участники «охоты». Они весело переговаривались, согреваясь за сытным ужином. Не став пугать их своим видом, мы прошмыгнули мимо общей залы, успев лишь услышать хохот одной из придворных дам:

— Всегда знала, что эти эльфы те ещё пройдохи и принцесса у них не лучше! — её голос был полон яда.

Артион замер, услышав эти слова, его глаза метали молнии. Он собирался ворваться в зал, когда на его руке повисла Катарина.

— Я даже рада, что её отстранили от отбора. Больше воздуха, — самодовольно протянула Нейра, принцесса, прибывшая из Гетенбурга.

Артион, рвавшийся в зал, резко осёкся. Я увидела, как что-то внутри него оборвалось. Он замер, словно его ударили под дых.

— Что? — его голос был тихим, но в наступившей тишине он прозвучал как скрежет металла.

Я сжала его плечо. Не для того, чтобы остановить — я знала, что это бесполезно и жестоко. Просто, чтобы поддержать.

Он стряхнул мою руку и исчез в лабиринте дворцовых коридоров. Я его понимала. Когда твоё сердце разбивают о мраморный пол, лучшее лекарство — это бешеная гонка по замку в надежде найти хоть какой-то осколок.

Рядом всхлипнула Катарина. Чёрт. Совсем забыла про неё. Бой выжал из меня все соки, и теперь наступала неизбежная расплата за магическое истощение. Ноги предательски дрожали, грозя превратить мышцы в желе. Но я быстро взяла себя в руки.

— Пойдём, — я подхватила подругу под локоть, уводя в сторону комнат. — Тебе нужно согреться. И выпить что-нибудь покрепче воды.

Я старалась, чтобы голос звучал мягче обычного. Получалось паршиво.

Оказавшись в покоях, я усадила Катарину в кресло у камина. Бонифаций, весь сырой и продрогший, уместился около огня, взволнованно наблюдая за мной. Плеснув в два бокала крепёного вина из её запасов, я залпом осушила свой. По горлу и желудку прокатилось горькое тепло, заставляя закашляться и ощутить слабое покалывание в груди.

Налив ещё вина, я отдала подруге один из бокалов. Мы шептались о щупальцах, о зелёном проклятии, о том, как близко смерть прошла сегодня. Я слушала её сбивчивый рассказ о том, как она испугалась за меня, и на секунду мне стало почти стыдно за свой вечный цинизм. Почти.

Дождавшись, когда разморённая теплом княжна уснёт под мерное мурлыканье Бонифация, я осторожно уложила её на диван и укрыла пледом.

Бросив взгляд на кота, я указала глазами на дверь, и мы выскользнули в коридор, оставляя после себя лишь слабый запах сырости и вина.

Бредя по коридорам вечернего дворца, я вслушивалась в мерное постукивание за окном. Дождь выбивал по карнизам нервную дробь, вторя глухой боли в висках. Тьма внутри ворочалась сытым зверем, согревая нутро. Она была довольна. Мысли — хмурые, вязкие — утягивали на дно.

Очнулась я, лишь когда моя рука коснулась чуть шероховатой ручки двери. Библиотека. Возможно, единственное место, где можно спрятаться ото всех.

Оказавшись внутри, в нос ударил запах пыли, воска и старой бумаги. В камине лениво облизывал поленья огонь, а рядом на столике примостилась шахматная доска с незаконченной партией.

Чёрные фигуры хищно нависли над белыми, сжимая кольцо на ферзевом фланге. Сицилианская защита. Гениально выстроенная, безжалостная. Ещё пара ходов — и белый король падёт.

Переведя задумчивый взгляд в сторону стеллажей, я заметила тусклый свет свечи. И пошла на свет, задевая плечом корешки книг. Они шептали забытые истории, пахли тленом и мудростью поколений.

На столе горел одинокий огарок. Рядом лежала книга. Страницы были распахнуты, будто кто-то отлучился на минуту.

Я склонилась над текстом:

«Да вспыхнут моря багряным пламенем...

И откроются врата преисподней...

Поглотят мир, забывший своё начало...»

Слова резали глаза. Я фыркнула.

— Бредятина.

Захлопнув тяжёлый, потрёпанный временем фолиант, я потёрла переносицу. Бонифаций, сидевший рядом, чихнул и осуждающе посмотрел на меня.

— Только не говори, что и ты веришь в это, — я ткнула пальцем в кожаный бок книги.

— Хорошо, давай предположим, что написанное здесь, — я положила ладонь на книгу, ощутив, как холодный переплет обжигает кожу, — правда. Из этого сделаем предположение, что необычный жеребец на турнире — предвестник. Значит, вывод? Скоро запад охватит кровавая баня... А когда короли ослабят друг друга, довольный коронованный придурок припрётся сюда и заберёт бесхозные земли. Тех, кто откажется подчиниться империи, он... — хищно глядя на Бонифация, я рубанула ребром руки по горлу. — Остальных либо ждёт костёр. Почему? Да потому что тёмные или связаны с ними, — я отмахнулась от скептического взгляда кота. — А там кому удастся, может, и доживёт до «новых» времён, — я показала кавычки в воздухе.

Посмотрев внимательно на хмурого кота, я сильнее закатила глаза и вальяжно откинулась на спинку стула, покачивая ногой.

— Бред, говорю же... Никто в здравом уме, понимая последствия, не станет развязывать конфликт. Всем выгодно жить в мире и сплотиться, если этот хренов безумец всё же сунется сюда.

Я подняла взгляд к созвездиям, выверенным на потолке библиотеки. Бонифаций мякнул, будто пытаясь возразить.

— Хочешь сказать, у тебя своё видение на происходящее? В таком случае я с радостью тебя выслушаю, — издевательски протянула я и уставилась на бестию.

Он обиженно фыркнул и отвернулся.

Хмыкнув, я осторожно провела рукой по загривку, но он отстранился.

Вздыхнув, я ласково произнесла:

— Бони, не злись. Я не знаю, кто ты, но знаю, что ты разумен. И постараюсь узнать, кем ты был.

Кот медленно повернул голову в мою сторону. Я же мило улыбнулась, подтверждая свои слова мягким кивком. Тот тяжело вздохнул, но всё же подошёл ко мне и ткнулся носом в мою руку. Будто беря клятву.

Нашу идиллию прервал грохот резко распахиваемой двери. Я подобралась, вжавшись в тень стеллажа. В помещение вошли двое. Я не могла видеть их, как и они не видели меня, скрытую полумраком и книгами.

Стоило одному заговорить, как я почувствовала волну ледяного раздражения, медленно поднимающуюся из глубин.

— Ваша светлость, при всём уважении, — голос незваного гостя был вкрадчивым, но в нём звенела сталь. — Вы слышали? Слухи уже не просто ползут — они несутся галопом. Вся столица охвачена паникой. Пророчество...

— Довольно! — оборвал его князь. В голосе Бернарда звучала глухая, смертельная усталость. — Я не верю в пророчества и во всю эту... мистическую чушь.

— Как и я, милорд. Но ваши верноподданные — другое дело. Они более... податливы на подобные суеверия. И если сейчас не принять меры, страх сожрёт их разум быстрее чумы. А испуганная толпа — это бунт. Это хаос.

— И что Вы желаете? — устало спросил Бернард. Кажется, Теодор, не достигнув успеха со мной и Катариной, решил бить в лоб. — Хотите, чтобы я согласился на условия вашего покровителя?

— Я предлагаю рассмотреть возможность укрепления дружественных уз, — голос гостя стал медовым, обволакивающим. — Поймите, ваши враги не дремлют. Они обязательно воспользуются ситуацией и страхом народа. Если не обеспечить верный союз сейчас, завтра будет поздно.

— Под «верным союзом» вы, конечно, предполагаете принцессу Нейру? — в голосе князя наконец прорезался сарказм, смешанный с горечью.

— Отчего же? — с лёгкой усмешкой парировал гость. — Если вам не угодна принцесса Нейра, Его Величество может предоставить любую другую кандидатуру на роль супруги вашего наследника.

— И зачем мне это? При дворе достаточно кандидатур на роль жены моего сына.

Прислушиваясь к разговору, я заметила, как Бонифаций бесшумно соскочил со стола и метнулся куда-то в тень стеллажей. Я уже собиралась шикнуть на него, чтобы не выдал нас, как услышала его довольное, раскатистое мурчание.

— Что за... — послышался хмурый возглас Теодора.

А после — довольный смех князя:

— Надо же! Давно тебя не видел. Как твоя хозяйка? Уже отдыхает? — князь говорил с котом с неприкрытой теплотой. Кажется, Бони сумел найти путь к сердцу этого мудрого правителя. Послышалось ответное басовитое мурчание.

— Я бы действительно не рекомендовал вам держать это... животное на руках, — голос Теодора сочился пренебрежением и плохо скрываемым недовольством. Так говорит человек, привыкший к тому, что его приказы исполняются мгновенно. — Слышал, госпожа подобрала его на улице. Он может быть заразен или даже одержим.

Князь Шерон тихо рассмеялся, и от этого смеха у меня по спине пробежал холодок.

— Не больше, чем ваши проповеди, лорд Маутхен. Тем более я всегда имел слабость к котам. Если бы не дорогая супруга, уверяю вас, по двору бегала бы живность и поопаснее.

Последние слова прозвучали как удар хлыста — прямой намёк на самого гостя и его истинную природу. Теодор прекрасно это понял. Воздух в библиотеке сгустился от напряжения.

После короткой паузы послышался шелест одежды.

— Что ж... Я услышал ваш ответ, князь.

Это была не просьба и не вопрос. Это была констатация факта перед объявлением приговора.

Раскланявшись с ледяной вежливостью, он удалился. Его шаги эхом отдавались от стен библиотеки — тяжёлый, неотвратимый звук шагов палача, который просто вышел покурить перед казнью. Князь остался один на один с Бонифацием и повисшей в воздухе угрозой.

Когда шаги стихли, оставив звенящую тишину, я затаила дыхание, боясь выдать себя даже шорохом одежды. Бонифаций, словно почуяв моё напряжение, перестал мурчать и замер на руках князя, настороженно глядя в мою сторону.

Бернард медленно опустился в массивное кресло у камина. Пламя на мгновение вспыхнуло ярче, выхватив из полумрака его осунувшееся лицо. Он выглядел не просто уставшим — он выглядел побеждённым. Кот спрыгнул с его колен и, вместо того чтобы вернуться ко мне, ткнулся лбом в руку князя. Этот простой жест сочувствия был красноречивее любых слов.

— Выходи, — голос князя прозвучал глухо, без тени удивления или гнева. — Я знаю, что ты здесь.

Я слотнула ком в горле и медленно вышла из своего укрытия, поправляя ворот рубашки. Взгляд князя был тяжёлым, изучающим.

— Ты всё слышала.

Это был не вопрос. Я молча кивнула, не решаясь заговорить. В воздухе витал запах дыма и надвигающейся беды.

— Значит, ты понимаешь, — он устало потёр переносицу, — что Теодор Маутхен не предлагает союз. Он диктует условия капитуляции. «Верный союз» — это кандалы. Принцесса Нейра... или любая другая из их списка — это заложница. Гарантия того, что мы не дёрнемся, когда они начнут резать глотки на Западе.

Он поднял на меня взгляд, и в нём я увидела не страх, а холодную решимость.

— А я не могу отдать своего сына в заложники. И не могу позволить им диктовать мне условия под страхом пророчества и бунта.

Внезапно он резко встал. Кресло закрипело по каменному полу.

— Но и бездействовать мы не можем. Страх — это тоже оружие, и сейчас оно бьёт по нам.

Он подошёл к шахматной доске, которую я рассматривала ранее. Секунду он смотрел на позицию, а затем одним движением смел все фигуры с доски. Они с глухим стуком рассыпались по полу.

— Шахматы кончились. Начинается игра без правил.

Он повернулся ко мне, и его голос стал жёстким, как сталь:

— Ты слышала пророчество. Ты слышала Маутхена. Ты знаешь цену ошибки. Мне нужен твой взгляд со стороны. Чистый. Не замутиженный дворцовыми интригами и страхом перед короной.

Он сделал паузу, глядя мне прямо в глаза:

— Что бы ты сделала на моём месте?

Его вопрос повис в воздухе, тяжёлый, как могильная плита. Я посмотрела на рассыпавшиеся по полу шахматные фигуры — белые и чёрные, смешавшиеся в одну бесполезную кучу. Игра без правил. Он был прав.

Я перевела взгляд с доски на князя, затем на Бонифация, который сидел у камина и, казалось, тоже внимательно слушал, склонив голову набок. Магическое истощение всё ещё давало о себе знать, но адреналин от подслушанного разговора гнал усталость прочь.

— На вашем месте? — я хищно усмехнулась и сделала несколько шагов вперёд, остановившись у края стола. — Я бы не стала играть по их правилам. Никогда.

Князь молчал, ожидая продолжения. Его взгляд был пронизывающим.

— Теодор предлагает вам «выбор» между чумой и холерой. Принять его «помощь» — значит добровольно надеть на Аэдор ошейник. Отказаться — значит дать ему повод. Он будет ждать паники, бунта, хаоса. Он будет ждать, когда вы ослабнете настолько, что сами попросите о «дружеском плече».

Я сжала кулаки, чувствуя, как холод переплёта всё ещё жжёт ладонь.

— Значит, нужно лишить его этого повода. Нужно лишить его главного оружия — страха. Пророчество — это просто слова. Пыль. Но люди верят в них, потому что им страшно. А страшно им, потому что они чувствуют слабость власти.

Я подняла глаза на князя:

— Вы должны показать силу. Не военную. Силу духа. Соберите Совет. Не тайно, а открыто. Пригласите послов, купцов, глав гильдий. Пусть все видят, что князь Бернارد не прячется по углам, дрожа от скрипа половиц. Пусть все видят, что вы контролируете ситуацию.

Сделала паузу, подбирая слова:

— А что касается «союза»... Сделайте встречное предложение. Такое, от которого они не смогут отказаться, но которое свяжет их по рукам и ногам. Предложите не брак наследника с их принцессой, а... династический союз через ваших племянника или племянницу. С условием, что супруг(а) останется жить здесь, в Аэдоре, как гарант мира. Заложник наоборот.

Я кивнула на книгу на столе.

— И ещё... Найдите того, кто написал это пророчество. Или того, кто подбросил книгу сюда. Это не случайность. Это провокация. Тот, кто играет против вас, оставил следы. Нужно просто уметь их читать.

Я замолчала, чувствуя, как пересохло в горле.

Князь долго смотрел на меня, не говоря ни слова. В камине треснуло полено, выбросив сноп искр. Затем он медленно кивнул.

— Заложник наоборот... — повторил он тихо, словно пробуя идею на вкус. — Хитро. И очень интересно.

Он подошёл ко мне вплотную, и я невольно выпрямилась под тяжестью его взгляда.

— Ты только что описала план действий, который мои советники не могли родить за неделю совещаний. Ты умна. И ты видишь суть вещей.

Он положил тяжёлую руку мне на плечо. Я почувствовала, как сквозь ткань рубашки от его ладони исходит не только тепло, но и скрытая сила.

— Я ценю твою откровенность. И твою смелость.

Бернارد чуть повернул голову в сторону, словно обращаясь к самой тени, что сгустилась в углу библиотеки.

— Моргимер!

Из темноты, будто сотканная из самого воздуха, медленно выплыла фигура, обтянутая чёрным плащом. Я напряглась, инстинктивно потянувшись к своей внутренней тьме. От мужчины исходил едва уловимый, леденящий душу отголосок силы. Он склонил голову перед князем — не как слуга, а как равный партнёр в опасной игре, ожидая распоряжений.

Князь даже не взглянул на него. Его взгляд был прикован ко мне.

— Теодор ушёл, но он вернётся. И он будет искать слабые места. Я хочу знать о каждом его шаге. О каждом слове, сказанном за закрытыми дверями.

Его слова повисли в воздухе. А после послышался тихий, грубый голос из-под капюшона:

— Да, милорд.

Его глаза блеснули в сумраке помещения тьмой — хищно и голодно. Он чуял близкую охоту.

— Ему не скрыться.

Тёмный испарился так же внезапно и бесшумно, как и появился. Не было ни шороха ткани, ни звука шагов. Просто сгусток мрака растворился в тенях стеллажей. В библиотеке повисла оглушительная тишина.

Я перевела взгляд на князя. Он уже не смотрел на меня. Его лицо снова стало маской уставшего правителя.

Мой взгляд упал на Бонифация. Кот сидел у камина и пристально смотрел на то место, где только что стоял Мортимер. Его хвост замер, а уши были прижаты к голове.

Князь проследил за моим взглядом и едва заметно усмехнулся.

— Похоже, у тебя появился конкурент за звание самого странного существа при дворе.

Он развернулся и направился к выходу из библиотеки. У самой двери он остановился.

— Будь осторожна. Теодор может быть опасен... но Мортимер — это сама опасность.

Дверь за ним закрылась с глухим стуком, оставив меня наедине с котом, шахматной доской и книгой, которая теперь казалась мне не просто сборником бреда.

Глава 10 Победители или побежденные

Сегодня все должно было решиться. Под сиянием Фульгора участники вышли на поле чести. Их доспехи светились от древних рун защиты, а в сердцах билось пламя клятв, данных предкам. Воздух дрожал от магии: ветер сплетал узоры силы, а земля помнила поступь героев былых эпох. Сегодня здесь решалась не только судьба победителя - здесь вершилась история княжества. И я, Кассандриэль Фоксленд, должна была стать частью этого.

Бернард Шерон, восседал в центре, и его присутствие ощущалось так же весомо, как и древние камни замка за нашими спинами. Отсюда, с высоты, битва должна была открыться во всей своей грандиозной и жестокой красоте. Поле чести превратилось в бурлящий котел. Сегодняшний турнир объявили «Схваткой всех» — последним испытанием, где все рыцари, выходили на поле одновременно. Это была не дуэль, а сражение на выбывание, где каждый сам за себя, а честь и слава висели на тончайшем волоске. Воздух дрожал от напряжения.

Когда герольд протрубил, князь грациозно поднялся заставляя гомонящую толпу затихнуть.

Его голос, глубокий и властный, разнесся над притихшим полем и трибунами. Он не кричал, но каждое слово было слышно в самом дальнем углу арены:

— Дамы и господа! благородные рыцари и distinguished гости!

Сегодняшний день — не просто праздник стали и отваги. Это день, когда мы прикасаемся к живой истории нашего княжества и чтим традиции, связывающие поколения. Мы славим доблесть, живущую в сердце каждого воина.

Вы, вышедшие на это поле, — не просто соперники: вы — столпы общего будущего. Ваши доспехи — символ клятвы, а клинки — продолжение воли. Пусть магия рун хранит вас, а честь будет верным щитом.

Этот турнир — праздник мастерства и благородства. Пусть победит сильнейший, и каждый уйдет с высоко поднятой головой. Сражайтесь честно, уважайте противника и помните: вы представляете свои дома, семьи и земли континента.

Именем рода Шерон я объявляю: да начнется состязание!

С последним словом князя и рёвом труб мир на поле взорвался. Это был не стройный бой, а первозданный хаос. Рыцари, словно стальные валы, хлынули из ворот, и воздух мгновенно наполнился звоном стали, треском ломающихся копий и гортанными выкриками. С высоты княжеской ложи это походило на бурю, разразившуюся над цветущим лугом.

Они двигались с выверенной грацией хищников: кружили, выискивая слабого противника, обменивались пробными ударами. Я видела, как молодой барон с лазурным единорогом на щите ловко увернулся от удара кистени, тут же контратаковав коротким мечом в сочленение доспеха. Его руны защиты вспыхнули голубым, поглощая ответное заклинание.

А вот молодой рыцарь с гербом серебряного ястреба, не успев даже опустить забрало, пал под ударом огромного боевого молота. Его доспехи, не выдержав чудовищной силы, смялись, как жестяная банка, а руны на них погасли, исчерпав свой магический заряд.

Толпа ахнула единым вздохом. Я вцепилась в перила балкона. Моё сердце билось в такт этому безумию. Это была не красивая дуэль, а жестокая арифметика выживания. И я с маниакальным взглядом безумного ученого наблюдала за происходящим.

Катарина сжала мою руку.

— Смотри, — прошептала она, указывая на северный край поля.

Там возвышалась фигура Артиона. Обреченность читалась в его взгляде, а на лице была маска спокойствия. Он стоял неподвижно, словно скала, позволяя другим уничтожать друг друга вокруг него. Его доспехи были черны как ночь, а на плече покоился огромный двуручный меч. Он был хищником, который жаждет сорваться хоть на ком-нибудь.

Битва кипела. Земля была усеяна сломанными копьями и опрокинутыми щитами. Вот один из рыцарей, лишившись коня, оказался в окружении сразу троих противников. Он сражался отчаянно, его клинок пел песню стали, но численный перевес был слишком велик. Один удар булавой по шлему — и он рухнул на колени. Герольды объявили его выбывшим. Я не могла оторвать взгляда от этого зрелища. Это была не игра и не спектакль. Здесь вершилась судьба. Каждый удачный выпад мог вознести простого рыцаря в ранг легенды или навеки стереть его имя из памяти потомков.

Вот рыцарь в алом, вооружённый двумя изогнутыми саблями, с невероятной скоростью закружил вокруг грузного воина в броне, инкрустированной янтарём. Он танцевал вокруг неуклюжих взмахов тяжёлого топора, нанося быстрые, жалящие удары.

Янтарные руны вспыхивали, пытаясь залечить трещины в доспехах, но их свет мерк с каждым новым попаданием. Финальный выпад — и сабля нашла щель у основания шлема. Тяжёлая фигура рухнула на колени и медленно завалилась набок.

Но не все полагались лишь на сталь. В стороне от основной свалки рыцарь в лазурных одеждах вскинул руку к небу. Воздух вокруг него задрожал, и с его пальцев сорвалась ветвистая молния, ударив в спину зазевавшегося противника. Доспехи бедолаги раскалились докрасна, и он упал, дымясь. Однако эта демонстрация силы не осталась безнаказанной: пока рыцарь отвлёкся на новое заклинание, Артион оказался рядом. Его меч описал сверкающую дугу — и на землю рухнуло бессознательное тело неудачливого воздушника.

Катарина рядом со мной тихо охнула.

— Это... ужасно... — прошептала она.

— Это война, — глухо ответил её отец, не отрывая взгляда от арены. Он наклонился к нам ближе: — Сегодня мы видим не просто силу мышц. Мы видим силу духа. Выживает не самый быстрый, а самый мудрый.

В его голосе не было ни осуждения, ни восторга — лишь холодная констатация факта.

Поле превратилось в мозаику из отдельных поединков. Вот двое рыцарей сцепились в смертельных объятиях, пытаясь повалить друг друга и воспользоваться кинжалом для удара в уязвимое место. Вот ещё один воин, лишившись щита, отчаянно парировал удары длинным мечом, отступая шаг за шагом к краю арены.

Когда число бойцов сократилось до пяти, Артион неотвратимой стрелой полетел на них. Один за другим его противники падали под сокрушительными ударами меча. Финальная схватка была короткой и яростной. Последний соперник Артиона был искусным фехтовальщиком, но против грубой силы и опыта у него не было шансов. Удар щитом, глухой лязг металла о металл — и остриё меча нашло щель в горжете поверженного рыцаря.

Тишина повисла над полем, а затем взорвалась громом аплодисментов и восторженных криков. Артион поднял свой меч к небу — единственный, кто стоял на ногах на этой арене. Я посмотрела на Катарину. В её глазах отражался страх, трепет и восхищение. Мы стали свидетелями не просто турнира, а рождения истории Артиона — будущего князя Аэдора.

По окончании турнира Бернанд пригласил всех участников и высокопоставленных гостей ко двору на пир.

Огромный зал был забит гомонящей, весёлой толпой. Все пели, танцевали и чествовали победителя.

Артион с хладнокровным спокойствием принимал поздравления, пил и ел, отвечая на приветствия новоприбывших гостей.

Всё было спокойно, пока двери зала не открылись, пропуская её. Моё тело напряглось моментально. Приблизившись к княжеской чете, я незаметно наблюдала за происходящим.

Лианта не шла, она плыла в сторону наследника Аэдора, не сводя глаз с его фигуры. Он отвечал ей тем же.

Она остановилась напротив него. Глаза в глаза, словно статуя, воплощающая собой силу и загадочность. Её наряд был настоящим произведением искусства, созданным для того, чтобы вызывать восхищение и трепет.

На голове у неё был шлем, напоминающий корону, украшенный перьями и металлическими элементами. Выполненный в серебристых тонах, придавая ей изысканно-агрессивный вид.

Корсет, обтягивающий её талию, был украшен металлическими шипами и деталями. Он выглядел как броня, защищающая и подчёркивающая её фигуру. Выполненный в тех же тонах, создавая гармоничное сочетание с остальным нарядом.

Платье, которое она надела, напоминало кольчугу. Имея свободный крой и драпировку, оно придавало ей лёгкость и воздушность. Наряд украшали металлические элементы, которые добавляли образу блеска и изысканности.

Она стояла, словно героиня из другого мира, излучая уверенность и силу. Её образ был подобен картине, созданной для того, чтобы вызывать восхищение и трепет.

Лианта проиграла битву, но готовилась сражаться дальше. И чем дольше я смотрела на эту принцессу, тем более зловещие мысли роились в моей голове.

— Поздравляю с победой, ваша светлость, — голос эльфийки звучал мягко, а в глазах блестели слёзы.

В его же глазах промелькнула боль, но он позволил себе лишь кивнуть. Несмотря на сочувствие к ним, я была рада, что буря миновала.

— Какая наглость! — фыркнула Нейра, принцесса Гетенбурга, отворачиваясь от княжеского стола.

Фрейлина принцессы Фальятэ тут же склонилась ближе:

— Говорят, ей позволили остаться из-за дипломатии...

Нейра с интересом смотрела на лиру Жозефин, которая лишь презрительно повела плечом.

Лианта удалилась так же величественно, как и пришла. Заняв место в самом дальнем от Артиона углу зала. Но он и не стал противиться: просто встал и ушёл, оставляя гостей в недоумении.

Слушая тихие разговоры пирующих, я ощутила чьё-то присутствие. Рядом стояла Аннабель.

— Здравствуй, — её голос звучал едва слышно.

Я внимательно посмотрела на неё, ощущая исходящую от девушки горечь. Кажется, она единственная не радовалась выбыванию соперницы.

Кивнув в ответ, я понизила голос, чтобы нас не услышали сидящие неподалёку гости.

— Что случилось? Ты сама на себя не похожа. Неужели не рада?

Я пыталась поймать её взгляд, но она упорно прятала глаза. Не выдержав, Аннабель осторожно взяла меня под локоть и отвела за колонну.

— Ты слышала? — это прозвучало скорее как утверждение. — Лианта выбыла. Её подставила одна из фрейлин Нейры.

Мои брови сошлись на переносице:

— Откуда знаешь?

Принцесса лишь отмахнулась:

— Что вчера произошло, Кас? Всё должно было быть иначе!

Её слова звучали с напором.

Пока она говорила, я рассматривала муху на потолке, которая забавно кружилась в ритме вальса. Не выдержав, Аннабель резко дёрнула меня за локон.

— Ай! — я тут же гневно сверкнула в её сторону взглядом.

— Отвечай! — требовательно произнесла она, схватив меня за плечи.

На этот приказ я лишь закатила глаза, уходя в глухую оборону, но принцесса не отставала:
— Что с амулетом, который я дала тебе?

Скрипнув зубами, я достала из кармана его остатки:

— В пепел превратился. Должна отдать должное: если бы не он, не ты, и сегодня все пировали бы на моих похоронах.

Бонифаций недовольно боднул меня головой. На что я лишь фыркнула. Аннабель была чернее тучи.

— Что-то не так... — её голос звучал настороженно. Я вовремя перехватила её руку, не давая коснуться амулета и погрузиться в видения.

— Ну уж нет. Хватит с меня, — в моём голосе сквозило предупреждение. — Ты знаешь, кто это был? Чьи это были тени?

Я вперила в неё взгляд дворцового следователя, готового вытрясти правду из любого. Аннабель шикнула:

— Не здесь!

Но после всё же тихо шепнула:

— В чём я уверена: кто-то или что-то меняет судьбу. Тебе стоит лучше присмотреться к окружению.

И на этом она царственно удалилась, оставляя меня негодовать и пыхтеть от нового потока проблем на мою белобрысую голову.

Побыв ещё немного на пиру, я решила проветриться и отправилась на балкон. Стоя в стороне от шумных компаний, я вдыхала вечерний воздух. Пока взгляд сам собой не наткнулся на него. Риан, как всегда, держался прямо — даже отдых был для него службой. Я поймала себя на мысли, что ищу его глаза, и тут же мысленно усмехнулась: «Что за глупость?! Некроманты не влюбляются. Да и не стоит оно того».

Перед глазами мелькнул образ лохматого мальчишки с огненными чертами во взгляде: «Лисёнок».

Я резко мотнула головой, прогоняя видение.

Он заметил меня, подошёл ближе. Остановился рядом, не нарушая личного пространства, но его присутствие ощущалось почти физически.

— Ты, как всегда, в стороне, Кас, — тихо сказал он, глядя на дворцовый сад, утопающий в закатных лучах.

Я пожала плечами, не глядя на него:

— В гуще событий слишком много шума. И слишком мало смысла.

«И почему я хочу, чтобы он понял? Чтобы услышал то, что я не могу сказать вслух?»

Риан усмехнулся:

— Иногда смысл появляется там, где его не ждёшь. Например, в чужом взгляде.

Сердце пропустило удар. Я отвернулась.

«Неужели он видит меня насквозь? Или это просто игра? Я умею читать людей, но с ним всё иначе. Его мысли спрятаны так глубоко, будто он сам их боится.»

— Ты всегда такая? Когда не хочешь отвечать? — спросил он, чуть склонив голову.

Я позволила себе улыбнуться уголком губ:

— А ты всегда так настойчив?

Он посмотрел внимательно. В его взгляде было что-то тёплое:

— Только если мне действительно важно.

«Странный он.»

Я тихо выдохнула:

— Не привыкла доверять. Даже себе.

Капитан мягко коснулся моей руки, почти невесомо:

— Я и не прошу доверия. Просто не исчезай.

«Не исчезай». Что за бред? Как будто я не привыкла растворяться в тенях, уходить первой, чтобы не быть оставленной...»

Бонифаций запрыгнул на перила и в его взгляде читалось негодование.

Я кивнула, не в силах подобрать слова.

«Хорошо! Останусь. Но только в этот раз!»

Мы с Рианом остались вдвоём на балконе. Вечерний воздух только начал остывать, пахло духами и чем-то сладким — может, цветами из сада. Я невольно сжала пальцы, чтобы не выдать дрожь.

«Почему рядом с ним я вдруг ощущаю себя так странно? Опасное чувство. Я столько лет строила стены, чтобы никто не мог подойти близко. А теперь...»

Риан молчал, но его рука все так же осторожно покоилась на моей ладони. Не крепко, не властно — просто напоминание, что я здесь, что он рядом. Бонифаций зашипел и спрыгнув убежал в глубь сада.

Проводив кота взглядом, капитан вздохнул. В этом вздохе, в его напряжённой позе было что-то настораживающее.

— Ты ведь могла бы уйти, — негромко сказал он, не глядя мне в глаза. — Почему осталась?

Я посмотрела на него: «Он точно нормальный?» Вздохнув решила чуть схитрить:

— Потому что устала прятаться. Потому что — я запнулась, подбирая слова, — потому что не хочется быть тенью.

Он улыбнулся — чуть грустно, чуть удивлённо:

— Я тоже устал от одиночества, Кас. Но не знал, что ты можешь чувствовать так же.

«Он не боится моей тьмы? Или просто дурак?»

Я отвела взгляд:

— Потому что я некромант? Ты не знаешь, что значит быть мной. Иногда мне кажется, что я...

Я оборвала сама себя. Не позволяя правде вылететь наружу.

— Тогда дай мне шанс узнать, — тихо сказал он. — Не как капитан, не как рыцарь. Просто как человек.

Мои брови удивленно взлетели и я почувствовала, как внутри что-то сжалось и разжалось — будто сердце, забытое в груди, вдруг вспомнило, как биться. Но все вновь оборвалось.

Я посмотрела на его руку, на его глаза — и не стала отступать. Я желала знать, что за тайны он прячет в глубине себя.

— Хорошо, — прошептала я. — Только не жди, что всё будет легко.

Он чуть сжал мои пальцы:

— Я не ищу лёгких путей, Кас. Я ищу тебя.

В этот момент мне показалось, что даже тени вокруг стали чуть светлее.

Ночь опустилась на дворец мягко и незаметно. В саду было тихо: только шелест листвы, редкие всплески воды в фонтане да отдалённые шаги стражи. Лунный свет ложился серебряными пятнами на дорожки, превращая всё вокруг в зыбкую сказку.

Я шла рядом с Рианом, чувствуя, как прохладный воздух касается щёк. Он молчал, но его присутствие было спокойным. Я же размышляла о том, какие именно желания таятся в нём. Чего он добивается.

— Ты часто гуляешь по ночам? — спросил он негромко, нарушая тишину.

Я улыбнулась, глядя на серебристые листья:

— Почти всегда. Ночью проще быть собой. Днём слишком много чужих ожиданий, слишком много света.

— А ночью ты не боишься? — в его голосе не было насмешки, только искренний интерес.

Я чуть помедлила:

— Я привыкла к страху. Он стал частью меня. Но сегодня — я замялась, — сегодня мне не страшно.

Риан остановился у старой липы, посмотрел на меня внимательно:

— Ты не обязана всё время быть сильной, Кас. Иногда можно позволить себе быть просто живой.

Как же легко он говорит о том, что для меня всегда было невозможным. Я столько лет скрывалась, прятала слабость, что почти забыла, как это — доверять.

— Я не помню, когда в последний раз позволяла себе быть слабой, — призналась я, глядя на его ладонь, которую он протянул мне.

Риан взял меня за руку, его пальцы были тёплыми и крепкими:

— Тогда начни с малого. Просто останься здесь. Со мной.

Я кивнула, чувствуя, как внутри тихо поднимается тьма. Мы пошли дальше, не спеша, и я впервые за долгое время не думала о прошлом и не боялась будущего.

Все мысли сводились только к этому мужчине. Дойдя до беседки, он галантно усадил меня на скамью, разместившись рядом.

— Кажется, твой кот совсем потерялся, — Риан смотрел по сторонам, явно подыскивая тему для новой беседы, чтобы заполнить повисшую тишину.

— Не думай о нём. Он большой мальчик, не заблудится, — я пододвинулась ближе, позволяя нашим ногам соприкоснуться через тонкую ткань платья. Он замер, заворожённо уставившись на меня.

— Да, это было глупо, — он тихо засмеялся, и звук его голоса отозвался в ночи.

Но резко оборвав себя, капитан наклонился ко мне. Наши губы оказались в миллиметре друг от друга, и я ощутила его горячее дыхание на своих губах. Сглотнув, я прикрыла глаза, позволяя ему накрыть мои губы своими.

Поцелуй был мягким, со сладким привкусом вина и обещанием чего-то большего. Но внутри меня царила пустота. Тьма, что до этого с ленивым интересом поднималась откуда-то из глубин души, фыркнула от недовольства и вновь скрылась в своих тайных углах. Я облегчённо выдохнула.

Риан воспринял мой выдох как приглашение. Чуть отстранившись лишь на миг, он с новой силой припал к моим губам.

Когда он наконец отстранился, в его взгляде я заметила надежду и что-то ещё — то, что он отчаянно пытался скрыть. Капитан мягко провёл рукой по моей щеке, и я явственно ощутила его внутреннюю борьбу.

Собиралась уже спросить его о том страхе, что прятался в глубине зрачков, но тишину сада разорвал дикий вопль.

— Аааа... убирайся, чертова тварь!

Гневное мяуканье смешалось с утробным рычанием, и через мгновение ко входу в беседку вывалилась взъерошенная, перепачканная в земле принцесса Ливернии. А вцепившись ей в спину когтями и зубами, словно коршун на добыче, восседал разгневанный Бонифаций.

Рядом тут же раздался стон отчаяния.

— Опять? Сколько можно? — кажется, железные нервы капитана все же дали течь. — Что ты в этот раз задумала? Перелезть через забор?

Одним рывком Риан поставил Амиру на ноги. Теперь над ней нависала разгневанная фигура капитана, приставленная да бы защищать, или нет?

— Хватит! Убери руки! Я не собираюсь в этом участвовать! — принцесса забилась в его хватке.

«В который раз за последние дни я слышала эту фразу?» — промелькнуло у меня в голове.

— Я вам не корова, чтобы выставлять меня на торги! — кажется, нервам принцессы тоже пришёл конец.

— Довольно! — резко оборвал её Риан. Его голос был холоден как сталь. — Всем плевать на то, чего ты хочешь! Завтра начало отбора, и ты победишь!

Его слова были жестоки и безжалостны. А пазлы продолжали складываться.

Резко побледнев, Риан медленно повернул голову в мою сторону. Он всё ещё удерживал Амиру за плечо, словно боялся отпустить.

Я же спокойно поглаживала довольного проделанной работой Бонифация, делая вид, что внимательно изучаю свой маникюр. Заметив два испуганных взгляда, направленных на меня, я мило улыбнулась.

— Кас, это... — Риан собрался начать оправдания, но теперь я видела больше, чем он пытался скрыть. Хотя того главного секрета, которого боялся он сам, всё ещё не разглядела. Придётся продолжить нашу партию позже.

— Что ж... — обрывая капитана на полуслове, я резко поднялась и подхватила кота на руки. — Думаю, мне уже пора. Как и вам.

Я властно посмотрела на Амиру. Та вздрогнула под моим взглядом.

— Вам стоит хорошо отдохнуть перед началом отбора. Всё же, как я слышала, он будет весьма непрост.

Моя издевательская усмешка тронула губы. И Амиру это задело больше моих слов.

— А с вами, капитан, надеюсь встретиться завтра, — я мягко провела рукой по его широкому твёрдому плечу. — Если что... я знаю способ помочь принцессе сосредоточиться на отборе и отбить охоту к иным глупостям.

Мои последние слова прозвучали зловеще в ночной тиши сада.

Удаляясь прочь по серебристой от лунного света дорожке, я ощущала их взгляды на своей спине. Это заставило мою хищную улыбку стать ещё шире.

— Интересно, как давно ты знаешь о попытках Амиры сбежать? — я посмотрела на довольного Бонифация. Он лишь хитро стрельнул в меня взглядом. «Глупая», — читалось в нём.

Вздохнув, я продолжила путь к спасительным воротам.

— Оставим праздник для победителей. Хотя сложно сказать, кто здесь вообще победил.

Я резко замерла, вжавшись в тень высокого куста туи. В саду, залитом лунным светом, прекрасная сальфида рыдала на груди посла из Нагараджа. Её плечи вздрагивали, а он гладил её по волосам, шепча что-то на ухо. Сладкий, удушливый аромат их духов смешивался с ночной сыростью. Закатив глаза от этой тошнотворной сцены. Не дожидаясь окончания, я поспешила прочь и глубоко вздохнула, оказавшись в городе.

Город встретил нас гулом. На главной улице кипел праздник: над толпой висел густой запах жареного мяса и дешёвого эля, факелы отбрасывали на лица пляшущие оранжевые блики. Все смеялись, поднимая кружки за Артиона — будущего князя Аэдора. Их вера была осязаемой, она висела в воздухе плотным облаком. Я свернула в первый же тёмный проулок.

— Последний опыт показал, что лучше спать подальше от двора.

Я хмыкнула, глядя на Бонифация. Кот фыркнул в ответ и бодро потрусил вперёд по брусчатке, задрвав хвост трубой. Он явно был со мной согласен.

Миновав лабиринт закоулков, я наконец увидела вывеску гостиницы.

Металлическая ручка двери обожгла пальцы холодом. Я уже почти чувствовала вкус горячей воды и тишины, когда сзади раздался окрик:

— Кас!

Вильям бежал откуда-то из нижнего города. На нём была поношенная одежда и ни следа былого рыцарского величия. Его дыхание сбилось так сильно, что он остановился, упершись руками в колени.

Я опустила Бонифация на землю и осторожно коснулась плеча друга. Он был горячим и мокрым от пота.

— Всё в порядке?

Он поднял голову. Мокрая чёлка прилипла ко лбу, но он попытался улыбнуться — той самой задорной мальчишеской улыбкой, от которой у меня всегда теплело на душе. Сейчас она не сработала.

— Да-да... Хорошо, что ты здесь. Я бы не простился.

Слова ударили под дых. Я сглотнула, чувствуя, как в груди разрастается пустота.

— Что? Что значит «не простился»? Вильям...

Он выпрямился и достал из-за пазухи свёрнутый пергамент с печатью. Билет на территорию Единой библиотеки. Он помахал им перед моим лицом.

— Завтра я уезжаю, Кас! — мягко сообщил он, и я потеряла дар речи.

Я смотрела на билет. На гербовую печать. На его руку, сжимающую пергамент. Слова застряли в горле комом.

— Ты же сказал... — мой голос прозвучал глухо и жалко даже для моих ушей.

— Я закончил с делами. Пора использовать его. Такой шанс упускать нельзя.

В его голосе звучала та самая мечта, ради которой люди сжигают мосты. А я смотрела на этот клочок бумаги и видела пропасть между нами.

Воспоминания врезались в голову: «Лес. Смех. Желание разорвать билет.»

Мышцы лица напряглись сами собой, складываясь в подобие улыбки — это стоило мне больше сил, чем сегодняшнее общение с лицемерными дамами. Рука легла ему на плечо — тяжёлая и холодная ладонь.

— Это здорово! Я рада за тебя, Вильям! Надеюсь, что все твои планы сбудутся, — в моих словах не было ни грамма лжи, я старалась говорить от сердца, и Вильям благодарно кивнул.

— Обещаю, Кас. Теперь только я, теперь только мой путь, — его слова звучали уверенно, и я верила, что всё получится. Он станет тем, кем мечтал стать с детства, — архимагом-артефактором.

— У какого народа планируешь постигать науку?

— Думаю отправиться к Рагнадхам.

Он задумчиво почесал подбородок, на котором уже пробивалась щетина.

— Слышала, там одни евнухи, — я понизила голос до заговорщического шёпота и ткнула его пальцем в бок.

Он закатил глаза, но не сдержал улыбки.

— И как они, по-твоему, до сих пор не вымерли?

Я фыркнула, откидывая с лица прядь волос.

— Ты же была у Детей Ночи! Сама говорила, они приглашали тебя на Бал Планет, — будто пытаясь уличить во лжи, обиженно протянул друг.

В моих глазах плясали искорки веселья.

— И что? Дети Ночи — это не Рагнаджи.

— Но их земли соседствуют!

Прикрыв глаза, я вздохнула:

— Вильям, если их земли соседствуют, это не значит, что я обязана пройти через них. Вообще-то самый короткий путь лежит через Восточный город — Шаиджэнь.

Он обиженно надул губы:

— Ну и ладно!

Шумно вздохнув, Вильям шагнул ближе. Он раскинул руки, и я оказалась в его крепких объятиях, вцепившись пальцами в поношенную куртку. Вдыхая знакомый запах дорожной пыли и дешёвого мыла. Так хотелось, чтобы он остался.

Я резко отстранилась, не давая себе расклеиться. Шутливо взъерошила ему волосы, взлохматив и без того спутанную чёлку.

— Ну что, будущий архимаг, решил от меня так просто отделаться?

Он нахмурился, пытаясь вернуть причёске порядок.

— Во сколько отплываешь?

— На рассвете.

Я присвистнула.

— Значит, тебе ещё нужно успеть добраться до Иридии.

Он кивнул:

— Да, выезжаю через два часа.

Я прищурилась.

— В таком случае встретимся через два часа у северо-западных ворот. Его брови поползли вверх. Не дожидаясь ответа, я ещё раз взъерошила ему волосы на прощание и скрылась за дверями гостиницы.

Оказавшись внутри номера, я быстро скинула тёмно-синий шёлк и помчалась в сторону спальни.

Бонифаций резко прыгнул под ноги, отчего я чуть не навернулась. И метнула в него испепеляющий взгляд:

— Обалдел? Под ноги бросаться?

Кот недовольно зашипел. На что я отмахнулась, прекрасно понимая, что он имеет в виду.

— Ой, да ладно, съездим в Иридию, прогуляемся у моря. А ночью вернёмся. Что может произойти за один день?

Натягивая штаны и рубаху, я вопросительно уставилась на кота. Тот, кажется, решил, что в принципе идея неплохая, но для наглядности отвернулся.

— Дай угадаю, ты решил прояснить свою позицию? И хочешь, чтобы я советовалась с тобой?

Кот медленно повернул голову в мою сторону, прищулив глаза.

— Хорошо. Ты хочешь поехать? — ласково спросила я эту бестию.

Он мотнул головой. Вильям за время их знакомства так и не пришёлся по душе этому демону в обличье кота. Я же хмыкнула и, пожав плечами, натянула последний сапог. Заправляя рубашку в штаны, я ласково протянула:

— Тогда оставайся, поеду без тебя. Пропитание ты и сам тут научился находить, — хитро добавила я и отправилась к выходу.

Сзади послышалось гневное рычание, и стоило плащу коснуться моих плеч, как тут же по нему в два прыжка на меня вскоробкалась черная туша, а когти больно впились в руку.

Дёрнув плечом, я шикнула на кота. И тут же заметила на чайном столике свечение из шкатулки. Только одно существо во всём мире могло связаться со мной через магическую шкатулку.

Быстро сняв кота, я поставила его на спинку дивана, а сама уместилась на сиденьи, схватив только что пришедшее письмо от Герберта.

Бонифаций любопытно заглянул в пыльный пергамент. Я же, не отвлекаясь, пробежалась глазами по написанному.

«Не удивлён...», — именно с этих слов началось его письмо. Многообещающе. «...Я получил твоё письмо, и это очень странно. Я искал информацию в своих книгах: ничего подобного о происходящем с тобой там нет. Не буду размусоливать. Жду через два месяца у себя. Посмотрим, во что ты опять вляпалась. И кота не забудь...»

Р. S. Конь о котором ты писала — Слейпнир.»

— Бездна! — стон отчаяния вырвался против воли. Откинув письмо, я рухнула на диван. Бони взирал с ноткой интереса и сочувствия.

— Если Гера не смог найти ответа, значит, баста. Теперь я точно допрыгалась и, похоже, раньше чем драконы найдут меня, я сдохну от своей же силы... — голос дрогнул и затих, уступая место новой волне отчаяния, что вызывало беспокойность на мордочке кота.

Я лежала, раздумывая над происходящим. «Если тьма действительно забирает мою волю, то что будет, если я поддамся ей окончательно?» Меня передёрнуло от перспективы.

Подскочив, я с наигранным энтузиазмом хлопнула в ладоши.

— Ну что, хватит разлёживаться, надо ещё Вильяма проводить! — взглянула на обеспокоенного кота. И, наклонив голову, присела рядом.

— Не всё так плохо, Бони, — потрепала его за макушку. — В любом случае дом тебе я найти успею, а может, заодно и узнать, что ты за зверь такой.

Я подмигнула ему и, не давая увернуться, звонко чмокнула прямо в холодный нос, отчего кот удивлённо чихнул. Смеясь, я подхватила его на руки и, схватив сумку, отправилась на встречу с другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.